

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
следопыт
6•2001

● ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О МАРШАЛЕ БЛЮХЕРЕ ● НОВОСТИ ЖУРНАЛА ●
ПОСЛЕДНИЙ НЕПОКОРЕННЫЙ ВОСЬМИТЫСЯЧНИК ВЗЯТ ● В УРАЛО-
СИБИРСКОМ ЦЕНТРЕ ЮНЕСКО ОТКРЫТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПУНКТ
ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ● АНОНС ●

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Очень жаль, но из-за постоянных задержек в получении журнала все больше теряется смысл подписываться на него. Но в розничной торговле его очень трудно приобрести, и я, как прежде, подписываюсь на Ваш журнал. Я знаю, что у Вас трудности, а друзей в трудную минуту не бросают. Очень надеюсь, что все нормализуется. Хотя по-прежнему содержание журнала искупает все мои огорчения по поводу задержек.

Желаю Вам с достоинством переносить все трудности.

Верный и постоянный Ваш читатель

Зуба Елена Анатольевна. Я.мало-пенский АО п. Уреньгой» .

* * *

Спасибо, уважаемая Елена Анатольевна, за добрые слова и поддержку. Вот для таких преданных читателей мы и работаем!

Да, существует задержка выхода журнала, но мы стараемся сделать все, чтобы войти в график и сделать журнал еще более интересным.

Работали и будем работать до тех пор, пока мы нужны хотя бы одному читателю.

Стараюсь сохранить «модель» и традиции журнала, редакция всеми способами борется за выживание. Но, в первую очередь, мы думаем о читателе. Не засоряем страницы «Следопыта» надоевшей рекламой, пошлостью, грязью и ложью. Мы стараемся для вдумчивого, умного и , действительно, доброго читателя.

Но ситуация сложная, и в одиночку нам будет трудно справиться с ней.

Редакция обращается с просьбой к читателям и постоянным подписчикам, которым на самом деле не безразлична судьба журнала. Мы обращаемся к Вам, кому журнал хоть в чем-то помог! Пришло время помочь и «Уральскому Следопыту». Абсолютно любая помощь нам необходима. Мы будем более чем благодарны и денежным перечислениям и письмам с поддержкой.

В свою очередь обещаем, что каждый читатель получит свой номер, пускай и не в срок. После решения проблем, редакция предпримет ряд шагов, которые, мы надеемся, обогатят содержание журнала и увеличат подписку.

Мы рассчитываем, что наш постоянный читатель откликнется на нашу просьбу.

Ваш «Уральский следопыт»

Наши банковские реквизиты:

ИНН 6661014243

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Р/сч. 40702810001010001096, кор. счет 30101810600000000781

БИК 046577781, ОАО «ВУЗ-банк» г. Екатеринбург.

«Благотворительное пожертвование».

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

**«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

6"2001

**Иван ПЛОТНИКОВ
Арсений БОРИСИХИН
Василий ШЕНДРИКОВ
Ф. КАМИНА**

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-32

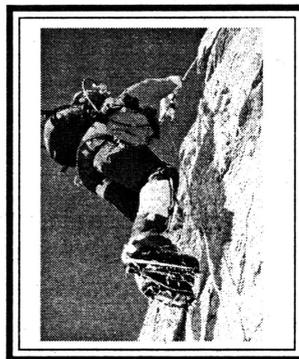
**Владислав КРАПИВИН
Андрей ЩУПОВ**

АЭЛИТА

СТР. 33-64

**Олег ВОДОПЬЯНОВ
Юрий НИКИТИН**

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 65-79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

УралРелкОМ

УС

Журнал «Уральский следопыт» объявляет о проведении

**ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»**

При поддержке полномочного представителя президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе П.М. Латышева.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОНКУРСА:

Поиск и объединение начинающих поэтов, фантастов, историков и краеведов Урала, которые со временем станут постоянными авторами журнала «Уральский следопыт».

ОРГАНИЗАТОР КОНКУРСА — ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

СООРГАНИЗАТОР КОНКУРСА — Урало-Сибирская ассоциация
клубов ЮНЕСКО, областная Детско-юношеская библиотека

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ:

1. Фантастика и сказка	3. Поэзия
2. Проза и публицистика	4. История и краеведение

Объем и количество представленных работ не ограничивается.
К участию в конкурсе приглашаются школьники и молодежь до 18 лет.

ПРИЗОВОЙ ФОНД ПО КАЖДОЙ НОМИНАЦИИ:

1 место — 6 000 руб.; 2 место — 4 500 руб.; 3 место — 2 000 руб.

Произведения победителей будут опубликованы в номерах журнала
«Уральский следопыт» и оформлены отдельными изданиями.

Участники конкурса будут отмечены поощрительными призами
и дипломами. Все конкурсные работы будут размещаться на сайте:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Подведение итогов литературного конкурса и награждение
победителей состоится в декабре 2001 года.

Работы принимаются до 15 ноября 2001 года.

Присылать или приносить работы можно по адресу:

**620142, ЕКАТЕРИНБУРГ, ДЕКАБРИСТОВ, 67,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».**

С конкурсными работами просьба присылать:

- заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
- анкета участника (адрес, сколько лет, в каком учебном учреждении учится конкурсант);
- копия подписного абонемента на журнал «УС».

Телефон для справок: (3432) 22-45-01, 22-36-62

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 4
Иван ПЛОТНИКОВ «Маршал Блюхер: правда и около нее»	стр. 5
Арсений БОРИСИХИН «Когда открывается занавес»	стр. 16
Василий ШЕНДРИКОВ «Мертвые учат живых»	стр. 19
Ф. КАМИНА «Как Крица в «тигра» превратилась»	стр. 30
Редакционная жизнь (новости)	стр. 31

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ

Разными путями-тропинками приходят в редакцию краеведческие новинки или известия о них. Дарят авторы и почитатели журнала (они заметно воспрянули после выставки в областной библиотеке, которая представила 65-летнюю историю старейшего в области издания), презентуют издательства, надеясь (и не без основания) на даровую рекламу... Наконец, в краеведческом отделе той же Белинки всегда можно найти мини выставку новорожденных изданий.

Даже эти, отнюдь не исчерпывающие источники убеждают, что уральское краеведение живет, приходит в себя после рыночного шока, начинает всерьез, а не наскоком осваивать прежде запретные территории, куда почти не ступала нога искателя. И даже, что особенно радует, омолаживаться. Свидетельством тому ребячьи литературные конкурсы последних лет, вызвавшие, кстати сказать, к жизни и наш, следопытский, конкурс «Большие надежды», озвученный на той самой выставке 1 июня.

Из краеведческих новинок последних месяцев хочется выделить библиографический справочник «Краеведы и краеведческие организации Перми» увидевший свет в издательстве «Курсив» Справочник представил сведения о 250 пермских краеведах всех времен и организациях историко-краеведческого профиля.

Екатеринбург порадовал интересным сборником «Орел шестого легиона», содержащим тезисы работ студентов и молодых ученых.

В Челябинске вышел очередной, пятый по счету, выпуск «Исторических чтений». А Уфа одарила краеведов и ученых переизданием «Топографии Оренбургской...» (1762) П.И. Рычкова, русского географа, экономиста и историка.

Не можем не сказать добрые слова по адресу нашего давнего автора В.А. Павлова, выпустившего с помощью «Банка культурной информации» свою очередную работу — о первых книгах и их творцах в Екатеринбурге. С особенным интересом читаются в ней страницы, прямо-таки по сыновнему адресованные деятелю и знатоку нашего горного края Ивану Филипповичу Герману, основавшему в Екатеринбурге первую типографию и написавшему для ее станка первую книгу.

А в Белинке заявило о себе новое научно-популярное издание — первый выпуск сборника статей «Книжная старина Урала». Он тоже напичкан работами наших авторов: А. Шашков, С. Белобородов, Л. Соболева, В. Павлов, С. Гомельская...

Юний ГОРБУНОВ

Своим появлением и господству на Земле современное человечество обязано вовсе не сложному историко-эволюционному процессу и не интеллектуальному превосходству над остальными живыми организмами, а просто собственному везению.

Эту сенсационную теорию выдвинули два британских ученых — антрополог Пенни Пейзер из Ливерпульского университета и Майкл Пейн из Планетарного общества Австралии. Они уверены в том, что несколько миллионов лет назад целая серия глобальных катастроф «пощадил» территорию суши, где впоследствии появились дикие предки «гомо сапиенс». Но при этом были спровоцированы глобальные изменения климата и другие процессы, стершие с лица Земли конкурентов человека разумного.

А. КАЧАЛИН

Последний день Помпеи, возможно, выглядел совсем не так, как он изображен на знаменитом полотне К. Брюллова. Хотя реальная картина древнего извержения была исполнена не меньшего трагизма, многие его жертвы расстались с жизнью мгновенно и безболезненно, утверждают ученые из Неаполитанского университета. Они выдвинули новую версию легендарного извержения Везувия в 79-м году нашей эры. Тогда под пеплом были погребены два древнеримских города — Помпеи и Геркуланум, а вместе с ними — 16 тысяч жителей.

Вопреки общепринятому мнению о том, что жертвы Везувия погибли от удушья, большинство жителей, по крайней мере одного из городов, Геркуланума, умерли, не ощутив никаких страданий. У них просто не было на это времени. Ученые пришли к выводу, что смерть настигла этих людей в виде раскаленного облака из газа и пыли, вырвавшегося из жерла Везувия и накрывшего город в течение нескольких секунд. Естественные позы, в которых застыли тела, указывают на то, что в момент гибели их обладатели не испытывали сильной боли или предсмертной агонии.

Многие ученые со всего мира, в том числе лауреаты Нобелевской премии, начали кампанию за создание в Интернете бесплатной публичной научной библиотеки. Как явствует из распространенного ими в Лондоне открытого письма, идеи и результаты исследований должны быть общедоступными и не принадлежать научным журналам, где они впервые публикуются. Под письмом уже подписались более 15 тысяч ученых. Они пригрозили бойкотировать с сентября 2001 года те научные журналы, которые откажутся предоставлять безвозмездно свои материалы бесплатным базам данных через шесть месяцев после опубликования.

Б. ЗАЙЦЕВ

Иван ПЛОТНИКОВ, Екатеринбург

Маршал Блюхер: правда и около нее

*В.К. Блюхер. На фотографии надпись рукой В.К. Блюхера:
«Яше Суворову на память долгой дружбы и походов.
9.11 - 19 г. Б. Сосновка. Блюхер»*

Блюхеры из Барщинки

О происхождении, дате рождения и, разумеется, необычной фамилии Блюхера далеко не все известно не только широкому читателю, но и составителям энциклопедических изданий, даже некоторым его родственникам. Например, вдова Блюхера — Глафира Лукинична в публикациях указывала неточную дату рождения по старому стилю — 18 ноября 1890 года. Прежде, а подчас и поныне годом рождения полководца называют и 1889-й. Дочь Зоя в недавней телепередаче «Большие родители» (24 декабря 2000 года) указала, что настоящая фамилия предков отца — Медведевы. Выясним эти вопросы.

Согласно сохранившимся церковным записям, Василий Константинович Блюхер родился 19 ноября (по старому стилю) 1890 года в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярос-

лавской губернии. Крещен был 4 декабря того же года в церкви села Георгиевское-Роменье. Родители: отец — Константин Павлович Блюхер, мать — Анна Васильевна Блюхер (урожденная Медведева). Оба — крестьяне, православные. Уже из этой записи видно, что фамилию Медведева носила в девичестве мать Василия Константиновича. Отец же его и, очевидно, дед владели фамилией Блюхер. В Барщинке, состоявшей из 16 дворов, половина семей носила эту экзотическую для русской деревенской глубинки фамилию, причем одни относились, по крестьянской терминологии, к «горячим» (более состоятельным), другие — к «холодным» (бедным) ее жителям. Семья Василия Константиновича относилась к последним.

Известно, что предок В.К. Блюхера — прапрадед Лаврентий Феоклистович, выделявшийся среди односельчан, имел награду за подвиги в Отечественной войне с Наполеоном. По преданию это была медаль «За участие в Лейпцигской битве». По одной из версий, «Блюхером» Лаврентия прозвал, увидев награды на его груди, владелец Барщинки помещик Кожин, по другим — сами крестьяне, слышавшие о прусском генерал-фельдмаршале Г.Л. Блюхере. Он особо отличился в Лейпцигском сражении 1813 года. Таковы истоки и обстоятельства появления русского крестьянина Блюхера.

Изменение года рождения Василия с 1890 на 1889 было связано с его отправкой родителями на заработки в Петербург — «старшинство» давало больше шансов при найме. Ко времени отъезда в город Блюхер окончил церковно-приходскую школу. Иного официального образования у него не было. В 1916 году он некоторое время состоял слушателем Народного университета им. А.Л. Шанявского, намеревался официально оформить поступление в него, но так этого и не сделал. Всю жизнь Блюхер занимался самообразованием, постиг многое, особенно в военной области.

Георгиевская медаль

Трудовая биография Блюхера в бытность его подростком и юношей была очень разнообразной —

Статья печатается в сокращении.

от «мальчика» в магазине до слесаря. Жил и работал в разных городах — Петербурге, Москве, Мытищах.

В феврале 1910 года за революционную деятельность, а именно — за попытку выступить с речью перед толпой и призыв к забастовке — он был арестован и отбывал тюремное заключение в течение двух лет и восьми месяцев. С августа 1914 года Блюхер в армии, а с ноября того же года — на фронте в составе 3-й роты 19-го Костромского полка 5-й пехотной дивизии 8-й армии, действовавшей на Юго-Западном фронте. Армией в то время командовал генерал А.А. Брусилов. Блюхер, несмотря на причастность к большевистскому бунтарству, оказался настоящим солдатом, воевал отважно, отличался бесстрашием в боях. Через полтора месяца участия в боях он был ранен. Ранение оказалось тяжелейшим — множеством осколков от снаряда (отсюда — ошибочная версия о его многократных ранениях в разное время). Едва выжил. Всю жизнь страдал от болей в тазобедренной области, в ноге. Выписался из госпиталя лишь в марте 1916 года. В связи со службой Блюхера в Русской армии (это ее официальное название) сложилось немало легенд, переходящих из одного литературного издания в другое, в реальность которых уверовали и его родственники. Считается, что он был унтер-офицером или младшим унтер-офицером и многократно награжден Георгиевскими медалями и крестами. Документы же свидетельствуют, что он был рядовым солдатом и награжден куда скромнее. Как инвалид он был уволен «врачебной

комиссией Главного Московского военного госпиталя имени Императора Петра I в первобытное состояние (в запас. — Авт.) с пенсией первого разряда». И был награжден только однажды и тоже как солдат (так значится в документе) одной Георгиевской медалью (за № 313935).

При возобновлении им в августе 1917 года воинской службы в запасном полку, по предъявленным документам, он был зачислен опять же рядовым солдатом. Сохранившиеся его снимки той поры в военной форме свидетельствуют о том же: погоны на плечах без единой нашивки, а на груди — лишь одна медаль. Главным источником и доказательством «многонагражденности» Блюхера послужило его выступление перед писателями в Москве в середине 30-х годов. Запись выступления гласит: «С большим трудом и только благодаря наличию Георгиевских крестов и медалей мне удалось попасть... в 102-й запасной полк». (Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963. С. 4). Но не исключено, что он сказал как-то иначе.

На дутовском фронте

Солдат-инвалид, уволенный из армии, некоторое время работал в мануфактурном магазине в Москве, затем рабочим в поволжских городах, в основном в Казани, на механическом заводе Остермана. Здесь в июне 1916 года вступил в партию большевиков. Вскоре после переезда в Самару, он, уже заметный партиец, участвовавший в агитационной работе среди солдат, снова вступил в армию — в 102-й запасной полк. Блюхера, как пропагандиста и организатора солдатских масс, пестовали видные коммунисты — В.В. Куйбышев и А.А. Масленников, их окружение. Блюхер избирается в городской совет и военно-революционный комитет Самары.

На Урал, в Челябинск, он прибыл 20 ноября 1917 года в составе отряда, призванного помочь местным красногвардейцам в борьбе с войсками атамана А.И. Дутова, отставившими в крае демократическую власть. Он был тогда комиссаром, но не всего отряда, как часто указывается в литературе, а лишь одного из его подразделений — артиллерийской батареи. Самарский отряд с присоединившимися к нему в Уфе красногвардейцами, оказался основной боевой силой большевистской власти в Челябинске. Поэтому здесь стали доминировать комиссары-большевики из Самары. Над местным советом, возглавляемым Е.Л. Елькиным, встал Военно-революционный комитет под председательством комиссара отряда А.П. Галактионова. Блюхера избрали членом Челябинского ВРК, действовавшего в обширном районе Южного Урала и подчинявшегося боль-

Поезд-баня Центрального комитета общественных организаций помощи фронту при представительстве ДВР. В.К. Блюхер сидит в первом ряду, шестой слева

шевицким властям Уральской области с центром в Екатеринбурге. 30 ноября принимается решение ВРК о создании «Штаба Главногоначальствующего всеми вооруженными силами города» во главе с Главногоначальствующим бывшим капитаном В.К. Садлуцким и начальником штаба «членом военно-революционного комитета солдатом В.К. Блюхером». Блюхер становится первым лицом в этом революционном органе с беспартийным еще тогда офицером Садлуцким во главе. Блюхер, по его признанию, многому научился у него в военном искусстве и в это время, и в дальнейшем.

В начале декабря Галактионов был отозван в Самару. Блюхер со 2-го числа этого месяца исполняет обязанности председателя и ВРК, а вскоре избирается его председателем. Он — член исполкома Совета, затем заместитель его председателя, а с 8 марта 1918 года — председатель.

Это были месяцы возникновения крупнейшего, наряду с Донской областью, очага гражданской войны в стране. Блюхер в гуще событий на Южном Урале. Обстоятельствами, судьбой ему представилась возможность оказаться в революционных военных верхах на Урале в целом. Конечно же, помогали тому и его дореволюционный партийный стаж, и солдатский послужной список, и, само собой разумеется, природные данные. А также успехи в организации вооруженной борьбы с дутовцами.

14 апреля В.К. Блюхер послал на имя Ш.И. Голощекина обстоятельный доклад о положении на фронте, высказал ряд дельных предложений о последующих действиях. Вольно или невольно он заявлял претензии на общее руководство боевыми действиями против Дутова. После борьбы с переменным успехом, в середине апреля частям Дутова было нанесено тяжелое поражение под непосредственным командованием В.К. Блюхера. Дутов с остатками сил бежал в Тургайские степи. Следует отметить, что методы борьбы были уже тогда жестокими. Страдало и мирное, прежде всего, казачье население. Особенно свирепствовал в районе Верхнеуральска со своими отрядами Кадомцев. Грабежи, расстрелы были постоянными явлениями. Блюхер тоже вступил на этот «классовый» путь борьбы. В одном из приказов он угрожал станицам и поселкам артобстрелом, если не прекратиться близ них порча железнодорожного полотна.

Часть красногвардейских отрядов с победой вернулась в уральскую столицу — Екатеринбург.

Весть о роли Блюхера в достижении победы передавалась из уст в уста, опосредованно всеильному Ш.И. Голощекину — областному военному комиссару и фактическому лидеру уральских большевиков. Между тем его военное ведомство стало по-

лучать сведения о признаках активизации дутовцев вне пределов Уральской области и на ее юге. Требовались и информация о прошедших боях, и оценка перспектив борьбы с «врагами революции». С этой целью для доклада в Екатеринбург был вызван В.К. Блюхер. Он встретился с руководством области, военными комиссарами Ш.И. Голощекиным и С.А. Анучиным, дал необходимую информацию и произвел на них хорошее впечатление. И как раз в это время вспыхивают новые очаги сопротивления казачества большевикам. Ими захвачена станция Ново-Сергиевская, перерезана железная дорога, приближался к Оренбургу с новыми силами и сам А.И. Дутов. Возникла угроза советской власти на Южном Урале. В это время решался вопрос о едином командном органе по руководству борьбой с дутовцами, как модно в ту пору было говорить, — главком.

Несмотря на болезнь (открылись раны), временную госпитализацию, 8 мая Блюхер был вызван в облвоенкомиссариат и назначен на такую должность в Оренбуржье — район борьбы с А.И. Дутовым. В выданном ему мандате значилось: «Предъявитель сего Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначен главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом, что подписью и приложением печати удостоверяется...».

Кто над кем начальник

В это время происходят кардинальные изменения на фронте, в стране в целом и, прежде всего, на Урале, чему главной причиной послужило восстание в двадцатых числах мая Чехословацкого корпуса, остановленного властью большевиков с его эшелонами на громадном протяжении Транссибирской магистрали. В связи с этим руководство вооруженной борьбой с чехословаками, повстанческим движением населения, дутовцами на Урале переходит от местного областного центра к Москве, наркомвоенмору Л.Д. Троцкому и лично к В.И. Ленину. Постепенно боевые участки на Востоке — в Поволжье и на Урале — смыкаются, объединяются, в итоге создается единый Восточный фронт, летом и осенью 1918 года являвшийся главным в республике. В этом процессе не осталось и не могло остаться неизменным положение Оренбургского фронта и должностное положение В.К. Блюхера.

Этот вопрос в современной литературе освещается весьма противоречиво, путано. Наблюдаются и заведомо уничижительные характеристики военачальника Блюхера. Так, автор книжки «Неизвестная гражданская война» (Екатеринбург, 1999)

Д.В. Суворов полагает, что уже в те дни на южном Урале существовала и действовала красная «Оренбургская армия», будто бы впоследствии переименованная в «Туркестанскую»* (с. 51) и ею, дескать, «командовал» «Георгий Зиновьев», и этот «командарм» «был начальником Блюхера и Каширина». Причем Г.В. Зиновьев автором возводится в чин «капитана царской армии» (с. 56). Какую же должность тогда под Оренбургом занимал Блюхер — автор не уточняет.

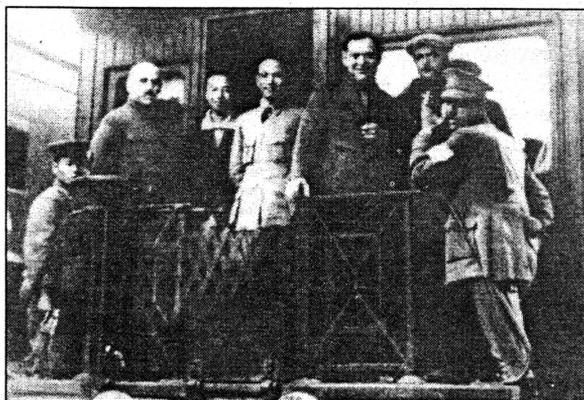
Как же было в действительности?

Г.В. Зиновьев, бывший старший унтер-офицер, прибыл с отрядом примерно в 800 человек из центра в район Кинели-Бузулука почти одновременно с Уральским отрядом В.К. Блюхера. Зиновьев вошел в подчинение Блюхера в качестве его заместителя, т.е. заместителя Главкома Оренбургского фронта. Почти до середины июня они состоят в таком статусе. Но в это бурное время в процессе формирования Восточного фронта, а перед этим — локальных фронтов происходит много назначений центральной военной властью с использованием комсостава и местного, прежде всего ближайшего — уфимского. Екатеринбург, уральское областное руководство оказываются все более оторванными от Южного Урала и Среднего Поволжья, занимаются непосредственно Средним Уралом, Зауральем, формировавшимся там Северо-Урало-Сибирским фронтом. Происходят, как и отмечалось, накладки.

В это время в район боевых действий в Поволжье, а 29 мая в Уфу прибыл председатель Высшей Военной инспекции РККА Н.И. Подвойский, действовавший и от имени Народного Комиссариата по военным и морским делам, и РВС республики. Сложившийся район боевых действий в Среднем Поволжье и Оренбуржье некоторое время именуется «Урало-Оренбургским» и «Урало-Самаро-Оренбургским». Его командующим был назначен В.В. Яковлев (настоящее имя — К.А. Мячин). Этот бывший большевистский боевик в Уфимской губернии, на Урале, не имел военного опыта и, как потом выяснилось, умения набираться его. Но он проявлял большую амбициозность. Действия его и на посту главкома фронта и затем — командарма-2 оказались неудачными, и он был смещен.

В.К. Блюхер в майско-июньские дни продолжает действовать в соответствии с назначением в Екатеринбурге. Зиновьев — его заместитель. Они в Оренбуржье — главные военные личности красных. Отряды Блюхера сумели сломить сопротивление казаков, действовавших восточнее, по железной дороге. Оставив часть сил на западном участке, Блюхер

*»Оренбургской армии» на самом деле не существовало, а «Туркестанская» была заново сформированная армия.

Главный военный советник в Китае Галин (В.К. Блюхер) — второй слева, Чан Кайши — четвертый слева во время первого Восточного похода. 1925 год

и Зиновьев прорвались на восток и 23 мая прибыли на ст. Сырт, в полусотне километров от Оренбурга.

Блюхер телеграфирует в центр о положении в районе боевых действий всей группы войск и о своих дальнейших планах. О его успехах, конкретном положении в Оренбуржье стало известно Подвойскому. 8 июня Н.И. Подвойский через голову В.В. Яковлева издал приказ о назначении В.К. Блюхера «командующим войсками, действующими в районе Уфа-Самара» (то есть вообще как бы вместо В.В. Яковлева). Возможно, в те дни Яковлев выпал из его поля зрения.

А Яковлев в эти дни как раз приехал в Оренбуржье, встретился с Блюхером. Полностью выяснить обстоятельства их встречи не удается. Но суть выражается в попытке Яковлева навязать Блюхеру свой план действий и обвинить его в недостаточной активности против Дутова. Блюхер с этим не соглашался. Вспыхнула ссора. Ее подробно описал сподвижник В.К. Блюхера, его штабной работник Я.М. Суворов. Суть плана Блюхера выражалась, в передаче Суворова, в стремлении дифференцировать подход к различным слоям казачества, оторвать бедноту от зажиточной части. В.В. Яковлев же был настроен к казачеству в целом враждебно. Сам он в последующих своих записях указал просто: «смес-тил» Блюхера.

У Блюхера, действительно, были основания не соглашаться с Яковлевым: под Оренбургом в эти дни войска Блюхера развивали успех, в то время как западнее, в Среднем Поволжье красные части и отряды, которыми руководили Яковлев с Кадомцевым, терпели серьезные неудачи, отступали и 8 июня сдали Самару. Подвойскому в те дни доносили: «Отряд Блюхера (700-800 человек) один сдерживает наступление противника, силы которого доходят до четырех тысяч».

Блюхер, тем не менее, отказался от командования группой (фронтом) и порекомендовал назначить вместо себя Зиновьева. Подвойский запросил на этот счет Яковлева, который тоже высказался за назначение Зиновьева. В тот же день Яковлев получает телеграмму: «Ваше предложение назначить г. Зиновьева к-щим на Кинель-Оренбург. направление одобряю... Заместителем предлагаю назначить г. Блюхера. Наркомвоен, член Высш. Совета Н. Подвойский». Вот когда Г.В. Зиновьев стал командующим войсками в Оренбуржье!

До этого времени Зиновьев никаким главкомом не был. Он только что прибыл с поста начальника Смоленского военного гарнизона и назначен был 9 июня не «главкомом», а «командующим». По инерции и Блюхер, а затем и Зиновьев, официально — командующие фронтовыми участками — именовались «главкомами».

Пермская катастрофа

В последнее время появились заявления, будто под Оренбургом отряды В.К. Блюхера и Н.Д. Каширина оказались чуть ли не во враждебных взаимоотношениях, грозящих «столкновением» и что «в случае разбирательства Блюхеру и Каширину светил не орден, а скорый трибунал». Вместе с тем делается «открытие», будто партизанский «рейд не закончился в Кунгуре. Блюхер повел свои отряды дальше — через Удмуртию на запад от Перми: конечным пунктом стала Оса, небольшой городок на Каме... по тылам Ижевской Народной армии» (см.: Суворов Д. «Неизвестная гражданская война». С. 54, 58).

Автор принял сообщение о действиях блюхеровцев осенью 1918 года в районе с. Зипуново, что близ г. Сарапула, за продолжение рейда. На самом деле речь в этом случае должна идти уже о последующих действиях только части партизанского соединения — полков Архангельского отряда, включенных в сентябре в состав 5-й Уральской дивизии, которая была развернута на запад, в сторону Нижнего Прикамья. 5-й дивизией стал командовать участник рейда В.Г. Данберг. Основная же масса полков партизанского соединения (в сущности регулярных красноармейских полков, перешедших на партизанское положение) во главе с В.К. Блюхером действительно вышла к Кунгуру, завершив тем самым еще в середине сентября свой рейд. Она была объединена с обескровленной 4-й Уральской (потом — 30-я стрелковая) дивизией и под командованием Блюхера стала действовать совсем в другом — восточном — направлении. Что касается решения Блюхера, Каширина не отходить в Туркестан, а прорываться через

занятые белыми районы Урала на соединение с главными силами красных, то оно никакого скандала не вызывало, воспринималось в тех условиях как допустимое и логичное. Поэтому речь о «трибунале» — абсурдна.

Нет слов, что о советских полководцах и военачальниках, когда стали доступны многие ранее засекреченные фонды архивохранилищ, появились новые документы, следует писать по-новому. Но при этом необходимо следовать исторической правде. В этой связи стоит остановиться на публикации В.В. Дубленных, который ставит в вину Блюхеру так называемую «Пермскую катастрофу» — тяжелое поражение 3-й армии красных в ноябре-декабре 1918 года, паническую сдачу города Перми под ударами правобланговых частей Екатеринбургской группы белых генерала Р. Гайды. Автор считает, что Блюхер и его 30-я дивизия, которая действовала южнее, в районе Кунгура, не помогли 29-й дивизии и особой бригаде 3-й армии (см. Урал в панораме XX века. С. 152-153). При этом он ни словом не обмолвился о том, что 30-ая на своем участке также испытывала сильное давление противника и вынуждена была отступить, но делала это организованно, тогда как в 29-й дивизии, Особой бригаде, в штабе, управлении армии наблюдались дезорганизованность и факты предательства. В штабе армии в Перми процветали пьянство, развал, отмечавшиеся в дальнейшем и Комиссией ЦК РКП(б) во главе с Ф.Э. Дзержинским и И.В. Сталиным. Не была задействована командующим армией М.М. Лашевичем и вновь сформированная 4-ая Уральская стрелковая дивизия, тоже дислоцировавшаяся в Перми. 30-я же армия сохранялась как серьезная боевая единица.

Но дело даже не в этом, а в том, что Блюхер с конца октября по середину декабря 1918 года не командовал дивизией, отсутствовал по болезни (открылись раны), уезжал долечиваться и отдыхать в родную деревеньку Барцинку на Ярославщину. Об этом гласят документы. 29 октября, перед отъездом он издал приказ о передаче командования дивизии своему помощнику (заместителю) Н.Д. Каширину и на время распрощался с личным составом.

К моменту его возвращения на Урал в декабре на участке дивизии создалось тяжелое положение. Блюхер отчасти выправил его, но соединению пришлось таки отступить, оставив 21 декабря Кунгур. Отступление было организованным, ни чем не напоминавшим преступно-пьяное трусливое бегство частей из Перми. Ведь из города не было вывезено, оказалось брошено 123 орудия, более 1000 пулеметов, 9 бронепоездов, свыше пяти тысяч вагонов с боеприпасами, имуществом, продовольствием, склады с огромными ценностями. 32 тысячи человек было потеряно плен-

ными. Реввоенсовет, штабники не смогли выявить агентов белых, командиров, готовых перейти к ним, предотвратить переход к противнику целых частей и подразделений. При должных действиях командования 3-й армии, ее еще трех многочисленных соединений в Перми и Пермском районе, имевших мощный боезапас, не уступавших в этом и в живой силе противнику (она и по сей день преувеличивается), можно было вполне выстоять, выдержать натиск корпуса генерал-майора А.Н. Пепеляева.

Да, начдивы, командиры, провалившие операцию, пытались оправдываться, пеняли и на дивизию и штаб Блюхера. Но главная причина Пермской катастрофы — в бездарных действиях командования 3-й армии. Автор же считает, что «в Прикамье и на Среднем Урале осенью 1918 года В.К. Блюхер себя никак не проявил. Однако он активно эксплуатировал (!) прежнюю славу и даже Штаб армии и командарм М.М. Лашевич были не в силах призвать к порядку недисциплинированного начдива. Более того, 15 января 1919 года, после Пермской катастрофы, В.К. Блюхер назначается помощником командующего 3-й армии, которая вынуждена была отступать к Вятке».

Да, авторитет Блюхера был настолько высок, что личный состав 3-й армии, командиры, политическое руководство требовали замены командующего армией, виновного в ее развале и Пермской катастрофе, именно начдивом 30-й — Блюхером. Комиссия ЦК вняла этому. Вопрос обсуждался и в Москве. Но в итоге, высоко оценивая командные данные Блюхера, сочли, что опыта руководства столь крупным соединением у него еще нет, и ограничились назначением Блюхера на указанный, довольно высокий пост. И уж совсем нелепо звучат слова «милостивое прощение» Блюхера о последующих его действиях: «военные действия Блюхера в Сибири были удачнее, чем на Урале». Это притом, что военачальник блестяще действовал осенью 1919 года в Притоболье, совершил малыми силами рейд по тылам противника, занял Тобольск, расстроил планы белых и боевой порядок, во многом обеспечил успех советских войск в Зауралье!

В.К. Блюхер, как и другие военачальники, в ходе гражданской войны допускал и ошибки, и просчеты, но в целом на протяжении всех лет боевой деятельности он сильно выделялся из числа многих других, слава его не была беспочвенной и ложной.

Жены и дети маршала

После 1919 года В.К. Блюхер действовал уже вне Уральского края. Но в большей или меньшей степени был связан со многими уральцами, в том числе командирами. Примечательно, что некоторые

Дети В.К. Блюхера: Всеволод (стоит), Ваира, Василий (второй ряд), Зоя и племянница Нина (сидят, справа налево)

свои приказы он подписывал «Уральский». И личная жизнь его была связана с Уралом. В Вятке, тогда входившей в Уральскую область, он женился на девушке, работавшей машинисткой в его штабе. Это была 19-летняя вчерашняя выпускница местной гимназии. Звали ее Галиной Павловной. Почти все авторы называют ее девичью фамилию «Покровская». Но, по некоторым данным, это — фамилия ее второго мужа — врача Леонида Васильевича Покровского, за которого она вышла замуж в Ленинграде после развода с Василием Константиновичем. Трудно верить, что фамилия мужа совпала с ее девичьей фамилией. А ее пока установить не удастся.

Следует сказать, что о личном, семейном положении Блюхера читателю далеко не все известно, в частности, о его женах, особенно детях. В освещении этого вопроса встречается много неверного. Авторы допускают путаницу по поводу его двух

Галина Павловна Блюхер — первая жена В.К. Блюхера

первых жен, носивших одинаковое имя — Галина, данные о детях и их именах. Даже в современных книгах о Блюхере В.В. Карпова («Расстрелянные маршалы». М., 1999) и В.В. Соколова («Истребленные маршалы». М., 1999) за первую жену выдается вторая, путаются их фамилии, инициалы, годы совместной жизни с Блюхером и т.д.

Второй женой Блюхера стала Галина Александровна Кольчугина, встретившаяся ему в Китае, в бытность его главным военным советником при Национально-революционном правительстве (1924–1927 годы). Она выросла в русском городе Китая — Харбине, получила среднее образование, хорошо знала английский язык, являлась одним из помощников Блюхера («генерал Галина»), отличалась деловитостью. Оставаясь во Владивостоке Галина Павловна по получении сообщения о появлении у супруга новой жены уехала в Ленинград, училась в медицинском институте и, как уже отмечалось, вышла замуж за врача Покровского.

При возвращении Блюхера в СССР с ним приехала и Галина Александровна. Обе жены одногодки — с 1899 года рождения. Оформлены были развод с первой женой и брак со второй. Но и с Кольчугиной жизнь у Блюхера не заладилась. Они развелись. Галина Александровна училась в Военной академии связи, но не окончила ее.

Официально Блюхер после этого в брак уже не вступал, но в бытность командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, в Хабаровске, где находился ее штаб, он в 1932 году встретился с семнадцатилетней студенткой рабфака Дальневосточного мединститута Глафирой Лукиничной Безверховой. Их совместная жизнь продолжалась до его кончины. В 50-е годы в юридическом порядке, с согласия детей от первых жен, Глафира Лукинична получила фамилию Василия Константиновича, как

его бывшая жена. Тот факт, что она не состояла в официальном браке с Блюхером, вероятно, и спас ей жизнь. Потом она была и скотницей, и штукатуром с клеймом «врага народа», а в 1957 году реабилитирована. Галина Павловна Блюхер-Покровская и Галина Александровна Кольчугина-Блюхер 10 и 14 марта 1931 года соответственно

Глафира Лукинична (Безверхова)
Блюхер — третья жена
В.К. Блюхера

были приговорены к расстрелу и погибли. Посмертно реабилитированы.

Детей В.К. Блюхер имел от всех трех жен, всего их было шестеро. От Галины Павловны — дочь Зою, родившуюся в 1921 году и умершую в младенчестве, сына Всеволода (родился в 1922 году), дочь, вновь названную Зоей (родилась в 1923 году). От Галины Александровны имел сына Василия (рождения 1928 года), от Глафиры Лукиничны — дочь Ваиру (с 1933 года) и сына Василина (с 1938 года). В семье проживала вплоть до 1938 года и племянница Василия Константиновича — Нина (дочь его умершей сестры Елизаветы) и несколько лет — сирота-воспитанница Катя (уехала к нашедшейся старшей сестре). При разводе с Галиной Павловной договорились, что сын Всеволод останется с отцом, а дочь Зоя — с матерью. Сын Василий оставался с Галиной Александровной, но воспитывался в основном в семье ее родителей Кольчугиных. Изредка и он, и Зоя приезжали к отцу на Дальний Восток.

Не буду подробно говорить о путанице в вопросе о детях, отмечу лишь, что из-за сходных имен «Василия» и «Василина» того или другого из перечня часто исключают, Василия кое-кто называет «Вячеславом», Нина-племянница принимается за приемную дочь Катю и т.д. Дети во время ареста Блюхера и их матерей были еще несовершеннолетними, смерти избежали, хотя колесо репрессий прокатилось и по ним, но они выжили. Один из них — Василий — уже после посмертной реабилитации отца и матери смог получить высшее образование, стал ученым — кандидатом наук, профессором. Лишь судьба младенца Василина, помещенного в детское учреждение, осталась неизвестной. Вполне возможно, что не только фамилия, но и имя его были изменены, и он живет еще среди нас, не зная о том, кто он на самом деле (появлялись ведь и самозванцы, но проверкой их принадлежность к Блюхерам не подтверждалась).

Поцелуй Иуды

Блюхер в жизни, в беседах проявлял незаурядный ум, приобретенные знания, прежде всего по военным вопросам. Но на уровень крупного военного мыслителя, теоретика он не поднялся, в наследство теоретических работ не оставил. Он знал жизнь, особенно простого человека, умел найти к нему подходы. Но его самообразование, отсутствие систематического общего образования нередко обнаруживало пробелы и, уловив их в беседах, он порой не столько удручался, сколько проявлял раздражительность, стремился их замаять. В целом же его сильную, а во многом и цельную личность уважали почти все.

Одной из его человеческих слабостей, главным образом в последние сложные годы, при нависавшей опасности гибели, было увлечение спиртным. Не лишним будет сказать об отношении к этой его слабости И.В. Сталина в пору его благоволения к В.К. Блюхеру. Речь идет о выступлении вождя 2 июня 1937 года на заседании Главного Военного Совета, когда обсуждался вопрос о «военно-фашистском заговоре в Красной армии» — М.Н. Тухачевского и других, стремившихся, как утверждал оратор, сместить Блюхера с поста командующего ОКДВА, будто бы сообщая об этом германскому руководству. «Они сообщают, — читаем в стенограмме выступления Сталина, — что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты — я, Тухачевский, а вон, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, что еще? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадет. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует, нас в Москве бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализируют, созываем совещание в зале ЦК. Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командные должности, которые не пьют и воевать не умеют, — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно, из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит».

Речь довольно сумбурная, но суть ясна. Сталин защищал Блюхера, имея в виду его командный многолетний опыт, но отмечал и недостатки, о которых шла в военных кругах молва. Сталин защищал Блюхера, в общем, хвалил его. Это, однако, не помешало ему через год с небольшим бросить в топку тоталитаризма и Блюхера вслед за Тухачевским.

К настоящему времени прояснились вопросы, связанные с ролью В.К. Блюхера в судебном политическом процессе в июне 1937 года над так называемой «Антисоветской троцкистской военной организацией» (маршал М.Н. Тухачевский и другие военачальники). Ранее, главным образом в связи с заявлением в 50-е годы бывшего председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриха, будто Блюхер приговора не подписал и требовал перерасследования дела, а также с подобными утверждениями родственников считалось, что так оно и было. Выясняется, что и Блюхер, наряду с другими маршалами и командирами, включенными в «Специальное судебное присутствие», поверил в обвинение Тухачевского и других, признавших такое гласно, солидаризовался с другими, приговор подписал (иначе трудно было бы объяснить тот факт, что он сам тогда же не был репрессирован). Увы, подписал.

В ежовых рукавицах

Нечто подобное выясняется и по делу его собственного обвинения и самой гибели. Блюхер был арестован в Сочи 22 октября 1938 года, будучи уже снятым с поста командующего. Обвиняли его в заговорщической деятельности, связях с «правыми», наконец — в шпионаже в пользу Японии и подготовке к бегству из СССР в эту страну. На поверку все они оказались сфабрированными. Ордер на арест и обыск у Блюхера был подписан наркомом Н.И. Ежовым. Очевидно, с санкции «Самого» — Сталина. Блюхера пытали, избивали и калечили неизменно, видимо, сильнее, чем кого-либо из его сподвижников и прежде, и потом. Избиения производились под руководством и с непосредственным участием тогда еще заместителя наркома внутренних дел Л.П. Берии. Увидевшая его на очной ставке Г.А. Кольчугина-Блюхер в своей камере рассказывала: «Он выглядит так, как будто побывал под танком». Следует указать на такие важные «детали»: вначале Блюхер находился в заключении на Лубянке, а потом уж в Лефортовской тюрьме (не сразу в ней, как считается). Вторая из тюрем отличалась применением особенно извержских методов пыток. Выясняется, что в Бутырке, в камере с Блюхером поместили «подсадную утку» — бывшего начальника

управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева, который усиленно и тонко склонял маршала к добровольным признаниям. Не подействовало (сам Дмитриев впоследствии также не избежал смерти).

Лубянка сломала Блюхера. Он стал признавать некоторые обвинения, клеветать на себя (до того на него оказывали давление и через сломленных сослуживцев, в частности командарма И.Ф. Федыко). И, тем не менее, до последних дней Блюхер отказывался составлять письменные показания, потом все же написал, что военный переворот готовил и был связан с «правыми». Текст «признания» гласит: «Мое вступление в связь в «правыми» произошло в 1930 году». Признания в шпионаже, измене Родине из него так и не выжали.

Было ли что-то, за что чекисты могли зацепиться, строя обвинения в связи Блюхера с «правыми», т.е. с А.И. Рыковым и другими? Возможно, было. В узком кругу Блюхер еще с конца 20-х годов выражал недовольство теми или иными явлениями в жизни страны, особенно в военной области. Как и М.Н. Тухачевский и многие другие, он был недоволен действиями плохо разбирающегося в военном строительстве подручного Сталина маршала К.Е. Ворошилова. Такие, не всегда скрывааемые позиции, у Блюхера были и в конце 20-х годов, и позднее. Вероятно, и какая-то связь с Рыковым, «правыми» имела место. В его окружении шли разговоры о том, что во время одной из встреч в его квартире и просмотра книг, из одной из них выпало письмо Рыкова. Блюхер, подняв его, объяснил, что это — «провокация». Но вот более предметные данные на этот счет. Бежавший 13 июня 1938 года в Японию через Маньчжурию начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков еще до ареста Блюхера, до событий у озера Хасан, на допросах в Токио утверждал, что группа начальников из окружения Блюхера «пыталась вовлечь» его в политические опасные разговоры, что после ареста одного из них — Гулина — тот на допросах говорил Люшкову, что «Блюхер, выпивая вместе с ним, Гулиным, ругал НКВД за проводимые аресты, а также ругал Ворошилова, Лазаря Кагановича и др. Блюхер признался Гулину, что до устранения Рыкова он был связан с ним и часто получал от того письма, что «правые» хотят видеть его, Блюхера, во главе Красной Армии». От себя, по совокупным наблюдениям, Люшков добавлял: «Я считаю, что это довольно показательный факт для выяснения истинных чувств Блюхера. Вообще Блюхер очень любит власть. Его не удовлетворяет уже та роль, которую он играет на Дальнем Востоке, он хочет большего. Он считает себя выше Ворошилова. Политически

сомнительно, что он удовлетворен общей ситуацией, хотя и весьма осторожен. В армии он более популярен, чем Ворошилов. Блюхеру не нравятся военные комиссары и военные советы, которые ограничивают его право отдавать приказы».

Что-то в этом было, хотя и странно, что какая-то возможная связь или просто тяготение в 20-е годы Блюхера к «правым», к Рыкову не стала известна Сталину тогда же или была им проигнорирована. Слухи о возможной смене Ворошилова чрезвычайно популярным в 20-е годы Блюхером ходили по стране, проникали и за рубеж. Не случайно писатель-эмигрант Р.В. Гуль в книге «Красные маршалы» писал об этом же, связывая имя Блюхера, идею его высокого назначения с заговором во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председателем СНК РСФСР С.И. Сырцовым в 1930 году.

Ныне кое-кто считает, что снятие В.К. Блюхера с должности командующего Особым Краснознаменным Дальневосточным фронтом, в каковой 1 июля 1938 года была преобразована ОКДВА, и репрессия, убийство связаны с советско-японским военным конфликтом у Хасана. Так считает историк Б.В. Соколов, и, больше того, он полагает, что неудачи советских войск под Хасаном были допущены собственно по вине Блюхера. С долей злорадства этот автор как бы оправдывает действия Сталина, посланных им в Хабаровск еще до военных действий начальника Главного политуправления РККА Л.З. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел М.П. Фриновского. Он полагает, что маршал, мол, все равно из-за отсутствия должного образования не проявил бы себя в 1941-1945 годах. Приводится

В.К. Блюхер. Рисунок неизвестного художника

высказывание маршала И.С. Конева (в записи писателя К.М. Симонова), будто Блюхер не справился бы в этой войне с фронтом, что он «провалил» Хасанскую операцию. Но, во-первых, Конев делал кощунственные высказывания вообще о репрессированных военных в 30-е годы: дескать, они были непригодными для последовавшей войны; во-вторых, другому писателю — Б.Н. Полевому он говорил совсем иначе: «Я должен добрым словом упомянуть Василия Константиновича Блюхера... действовал он тогда и как полководец, и как политик, и как дипломат. Его опыт очень помог мне, когда я стал командующим фронтом». Оценки других полководцев Отечественной войны, служивших в прошлом с Блюхером, общавшихся с ним, сплошь высокопозитивные. Достаточно указать на высказывание маршала Г.К. Жукова: «Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской Республики, легендарный герой, В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного, чудесного товарища и талантливого полководца». Эта оценка чего-то стоит!

Высота Заозерная

Что касается хасанских событий и роли Блюхера в них, то и тут следует говорить о нем никак не уничижительно. Отношения с Японией, японскими военными властями, захватившими северо-восточную часть Китая — Маньчжурию и создавшими марионеточную империю Маньчжоу-Го, были сложными. Как руководство Советского Союза, так и милитаристский режим Японии проявляли агрессивность. Но, как свидетельствуют выявленные и опубликованные в наши дни документы, в наибольшей степени агрессивность была тогда все же присуща именно советской стороне, Сталину. Хасанские события лета 1938 года как раз об этом наглядно свидетельствуют. Блюхер, конечно же, это чувствовал и пытался военное столкновение предотвратить. Он действительно, как отмечали современники, имел наклонности (да и опыт) дипломата. Хасан был явно спровоцирован советской стороной.

Началась война. Блюхер действовал в ходе нее явно замедленно, мешкая, но стал подтягивать войска к границе, согкам практически по бездорожью. С опережением должен был бросить против японцев авиацию, но не делал этого из-за тумана. 2 августа прибыл на место, произвел атаку Заозерной, закончившуюся провалом. Накануне, 1 августа, он был вызван на прямые переговоры с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым. Сталин возмущенно спросил: «Скажите-ка, Блюхер, почему

приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?» Блюхер оправдывался нелетной погодой, опасностью попадания бомб в своих и в мирные (корейские) селения, затем заявил, что, «не считаясь ни с чем», поднимет авиацию для атаки.

Прямой путь на сопки открыт для обстрела противником и невероятно крут — 45 градусов. Сколько солдат ни бросай — всех скашивают обороняющиеся. Штаб Блюхера требует разрешения о наступлении на позиции японцев не в лоб, а с правом захода им во фланги и в тыл, т.е. использование и территории противника. Но в этом ему отказывают. С 6 августа начался лобовой штурм высот по открытой местности, узкими коридорами. Красноармейцы шли волна за волной. Перекрестным огнем противник их косил, истреблял, остатки откатывались вниз. Затем, раз за разом все это повторялось. 5 августа Москва разрешила действовать и с маньчжурской территории. Стало «горячей» и японцам. Еще накануне, 4 августа, японские представители в Москве вновь предлагают урегулировать спор мирно. Но нарком Литвинов им пока отказывает. Однако с 9 августа атаки на высоты все же прекратились, а 11-го — военные действия вообще. Утром 12 августа заключается перемирие, а затем и мир.

Так обстояло дело. Официально говорилось о 285 убитых и 2807 раненых. Косвенные данные говорят о том, что потери были раза в три больше, многократно превышали таковые с японской стороны. А итог? — совершенно не изменившийся статус на дальневосточной границе! Конечно же, это был провал, военный, дипломатический и прочий. Блюхер лишь вовлечен, замешан в нем, при стремлении помешать авантюре накануне.

Надо отметить еще одно бытующее сейчас обвинение Блюхера в избииении военных кадров в смысле самостоятельных целенаправленных репрессий. Он был вовлечен в это, но постоянно понукался и обвинялся в препятствовании этому кровавому процессу. Блюхер вступался за арестованных командиров. В разгромном в отношении Блюхера приказе № 0040 наркома К.Е. Ворошилова от 4 сентября 1938 года сказано: «Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КД фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа».

Чудовищно-масштабные репрессии в войсках Блюхера развернули как раз присланные Сталиным

агенты — Мехлис и Фриновский. Вот телеграмма Мехлиса начальнику Управления кадров Наркомата обороны Е.А. Щаденко от 27 июля: «Нач. штаба Лукин крайне сомнительный человек... Не ошибетесь, если уберете немедленно». А вот его телеграмма лично Сталину от 28 июля: «Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована...». В тот же день Мехлис Сталину и Ворошилову телеграфирует: «Блюхер ведет себя по инциденту на высоте Заозерной крайне двойственно. Такую же двойственную позицию он занимает по ряду других важных вопросов. Порой трудно отличить, когда перед тобой выступает командующий или человек в маске...». На Блюхера льется компромат и далее, в телеграммах он именуется «фигурантом». Подобным же образом действует и Фриновский. 31 июля Мехлис передает в Москву предложение — назначить в районе боев «настоящего диктатора». И таковым в районе боевых действий назначается начальник штаба Г.М. Штерн, а за Блюхером оставлено «общее руководство». Фактически он отстраняется от командования, а ответственность за ним, тем не менее, сохраняется. С него почти незамедлительно и спросили. Обвинили во всем его. И сейчас есть охотники до этого же.

Как отмечалось, главные обвинения в адрес Блюхера делались не в связи с Хасаном. Ему ставили в вину шпионаж в пользу Японии, связь с «правыми», участие в заговоре. Все — вымысел, фабрикация.

В.К. Блюхер погиб через две недели после ареста. Его забили до смерти. Умер в тюремной больнице. Сведения о дне его смерти противоречивы. В связи с реабилитацией Блюхера постановлением Военной прокуратуры от 12 марта 1956 года («за отсутствием состава преступления») родственникам было сообщено, что смерть его последовала 9 ноября 1938 года. Эта дата вошла в справочную литературу. Но вот в 70-80-е годы генерал-лейтенант в отставке Б.А. Виктор, сведущий в творившихся в 30-е годы репрессивных делах, изучавший архивные документы, в выступлениях по телевидению, в печати стал указывать на 11 ноября. В 1990 году в Москве вышла в

свет его книга «Без грифа «Секретно». И в ней мы читаем: «Из тюремной камеры Блюхер больше не вышел. Следователь Иванов получил из медчасти тюрьмы справку, что его «подследственный Блюхер В.К. 11 ноября 1938 года умер от закупорки легочной артерии, образовавшейся в венах таза» (с. 249).

Казалось, следовало верить и этому авторитетному источнику. Автор этих строк делал запросы в Центральный архив ФСБ, но ответа не было. Наконец, на новый запрос в ноябре 2000 года таковой последовал:

«Уважаемый Иван Федорович!

Сообщаем, что в хранящемся в Центральном архиве ФСБ России архивном следственном деле на Блюхера В.К. имеются рапорт 1938 года и акт судебно-медицинского исследования трупа Блюхера В.К., в которых говорится о том, что доставленному в амбулаторию в 22 часа 45 минут Блюхеру В.К. была оказана медицинская помощь, однако, арестованный скончался через 3-4 минуты от «закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза».

10 ноября 1938 года в 7 часов 25 минут (так указано в акте кремации) тело Блюхера В.К. было кремировано...

Начальник архива (подпись) Н.П. Михайкин».

Здесь имеются и данные о времени кремирования (указание о производстве которого, выясняется, дал лично И.В. Сталин) еще до 11 ноября. Значит, погиб Блюхер не 11-го, а именно 9 ноября, на исходе этого дня, не дожив три недели до своего 47-летия. Он для крупного военного деятеля был еще молодым, полным сил. Нужным был стране маршал Блюхер!

Изучение документов, доступных теперь историкам, свидетельствуют о том, что В.К. Блюхер был сыном большевистской партии, Октября 17-го года, советской эпохи в целом. Но он, к его чести, не был все же слепым, послушным военным орудием сталинского режима. Он в той или иной степени был недоволен им, больше того, — в какой-то мере пытался противодействовать ему, его агрессии и авантюризму.

Маршал В.К. Блюхер на военных учениях

Арсений БОРИСИХИН, Екатеринбург

Когда открывается занавес

В мире нет окраин.

Центр там, где ты.

Девиз молодых лидеров ЮНЕСКО.

Если вести речь о 10-летнем юбилее ЮНЕСКОвского движения на Урале, то, скорее всего, это будет репортаж с дальних и близких экспедиционных маршрутов. Идеи рождались в дороге! Нынешний президент ЮНЕСКО Юрий Борисихин, еще первокурсником факультета журналистики УрГУ, опубликовал в «Уральском следопыте» свой первый очерк, который символично назывался «Торопитесь видеть Землю».

Так и получилось. С удостоверением спецкора «Уральского следопыта» журналист и путешественник Ю. Борисихин прошел с десятком сложных экспедиций по пустыням и горным хребтам, океанам и тайге; дважды одолел Арктику — северным морским путем и ледовыми береговыми пустынями... Тридцать лет экспедиций! Есть среди них уникальные, даже занесенные в книгу рекордов Гиннеса, а есть спокойные, как, например, по средиземноморскому пути Демидовских флотилий... Переход по границам СССР занял шесть лет! Обо всех писал «Уральский следопыт»...

И вот в экспедициях появляется сын Арсений. Встает рядом и в ЮНЕСКОвском движении. Помогает отцу в создании первых на Урале клубов ЮНЕСКО, участвует в международных, всемирных конференциях, одерживает победы в соревнованиях среди молодежных лидеров ЮНЕСКО, избирается президентом международного рейтингового клуба... В свои шестнадцать — он капитан сборной международных молодежных лидеров ЮНЕСКО Екатеринбурга...

Сегодня мы начинаем ЮНЕСКОвские страницы «Следопыта». Публикуем репортаж Арсения Борисихина из минувшего десятилетия, свидетелем которого он был.

Говорят, реки живут три миллиона лет. Вот и моя река Реж размыла за это время высокий слоистый каменный берег. Ошеломляющая красота! Вода, камень, лес... Тут стали селом, назвав его Коптелово, поморы, рискнувшие ступить в Сибирь. Видно, не отпустила дальше эта красота... Здесь же сохранился с тех пор и первый дом коптеловский, чуть осев-

ший теперь... С этого дома пошел мой род. Борисихины — фамилия коптеловская.

И вот у этого трехсотлетнего дома, теплого даже по осени, стою рядом с Генеральным секретарем Всемирной Федерации клубов ЮНЕСКО Патриком Галло.

Он приехал в Коптелово, чтобы что-то понять о России, о времени. Чуть раньше был в Коптеловском музее народного быта, где от косы до иконы встала перед глазами Россия... Еще раньше, рядом в Алапаевске, он встретился с Иваном Самойловым, академиком, директором Музея уральской деревянной архитектуры, где представлена пламенная настенная роспись уральских изб, ровесниц Версаля, часовни, башни сторожевые, рукоделье. Что он мог узнать об истоках ЮНЕСКОвского движения на Урале, миссия которого — представить эту культуру в мире?..

В поездке этой было мало слов. Они (я услышал их, и буду знать, где они родились) зазвучат в речах Генерального секретаря на Всемирных конференциях, конгрессах. И господин Гал-

Верхотурье. Дом для приема почетных гостей

ло скажет на Всемирном Конгрессе в Екатеринбурге: «Я готов быть послом культуры Урала в мире...»

1991 год. Екатеринбург — Москва

Так когда же открылся на Урале ЮНЕСКОВский занавес? Для меня это был занавес Большого театра, где проходила презентация только что учрежденной в Екатеринбурге Федерации клубов ЮНЕСКО России. Высоких ЮНЕСКОВских гостей из Парижа разместили в освободившейся квартире Бориса Ельцина, который стал Президентом России. (Поздравление от него пришло прямо в Академию Кадровой службы, которая дала крышу учредительной Конференции. Вахтер, не развертывая, сунул телеграмму под телефон. Там ее и нашли. Похоже, это была одна из первых телеграмм первого Президента России).

А на презентацию в Москву, в Большой театр отправился из Екатеринбурга вагон с двадцатью президентами клубов ЮНЕСКО на Урале.

Помню, когда принималась основная ЮНЕСКОВская программа, то, отдавая дань и Уралу, и нашей настоячивости, таковой стала Демидовская программа. Шли девяностые годы. С чего начать широкий диалог с миром? Демидовых, владельцев уральской горнозаводской империи, знали в Европе за щедрость, поддержку культуры и меценатство... Разве это не основа диалога с Европой?!

1989 год. Идет экспедиция вокруг границ СССР. Сплоченная группа уральцев (куда входил и я), большинство из которых являлись членами первого уральского клуба ЮНЕСКО «РУБЕЖИ», отправилась восходить на высочайшую вершину Северного Кавказа — Эльбрус. Мне не было и десяти, но четкую задачу, помню, ставил — во что бы то ни стало оставить отпечаток своей небольшой стопы на вершине, как мне тогда казалось, целого горного мира. Но достиг только высоты четырех километров. Меня посадили под ледяной глыбой, укрыв от жесткого ветра, напоили крепким чаем, налитым в эмалированную кружку. Мне запомнилось и то место, и та глыба. Лед в горах держится долго. Еще вернусь!

1990 год. Новая экспедиция, теперь уже на другой край России — на озеро Байкал. Рано или поздно россиянин познает вселенское величие своей земли. Здесь многометровые льды, прозрачные, словно лаборантское стеклышко, корабли у причала. Недоуме-

ваю, как они могли находиться так близко от берега? Оказывается, глубок Байкал сразу. Без мелей. Оказывается, соринка, попав в Байкал, сходит в глубины его, и только через четыреста лет выталкивается обратно. Здесь другой мир — очищения! Через десять лет снимки зимнего Байкала, этого прозрачного гиганта, увидят делегаты всемирного Конгресса в Екатеринбурге. Ширь его, чистоту его, горы окраин. Байкал внесен теперь в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Это была одна из последних больших экспедиций моего отца. Не отсюда ли будет и мой настоящий старт?

Итак, презентация. Урал, считавшийся одним из самых закрытых регионов России, вдруг выражает желание стать частью мирового культурного наследия. И действительно, спустя каких то четыре года об Урале услышал весь ЮНЕСКОВский мир — в 1995 году в Екатеринбурге прошла первая Всемирная конференция «Культурное наследие Урала, Сибири». В ней приняли участие многие видные деятели образования, культуры и науки и представители ЮНЕСКО. То была первая важная победа уральцев — смогли показать себя миру такими, какие мы есть на самом деле — мы доказали и нам поверили, нас стали уважать, с нашим мнением стали считаться.

Год следующий открыл серию моих поездок за рубеж. Первая оказалась нелегким испытанием — я сразу замахнулся на Американский континент — США. Больше месяца жил в Калифорнии, в пригороде Сан-Франциско. Другая планета! Я впервые увидел океан — сильный и ледяной. Как яростно он сопротивляется человеку, ударяясь о пирсы, и влажный дух его ощущается даже на дальних подступах к городу. В Сан-Франциско приезжаешь с полной

Патрик Галло (в центре) на Урале

уверенностью, что там, так же как и в нескольких десятках километров от него, градусов этак 30, а получаешь холодный ветер и людей в шапках и шарфах — словом, позднюю уральскую осень. Спалившие почти всю Калифорнию лучи солнца не смогли побороть побережье и покорились силе океана. Здесь понимаешь: человечество может сопротивляться стихии, но покорить — никогда, ведь мы — и есть природа, и, сражаясь с ней, ведем к поражению самих себя.

В апреле 1997 года Всемирная федерация пригласила уральцев в штаб-квартиру ЮНЕСКО в Париж. Это неземной город! В него влюбляешься сразу. С широкими, мощенными камнями, проспектов попадаешь на узкие извилистые улочки, на которых и родилась европейская литература. Париж утопает в зелени: стены, окна, обочины дорог — все покрыто цветами. Мы проехали пол-Европы: были и в пыльной и дождливой Варшаве, и самой большой стройке Германии — Берлине, в сказочном и миниатюрном Амстердаме...

Страны, культуры, европейская цивилизация. За ней — тысячелетие. А Генеральный секретарь уважаемой организации пристраивает в своем кабинете сувенир с Урала — Невьянскую башню. Прямо за креслом. Говорят, что с тех пор она всегда на своем месте. Башня с Урала. Демидовская тайна. Слово о нас...

2001-й: Уфа. Сильный порывистый северный ветер, температура минус 20, и снежная буря. Гуляю по городу с утра до ночи, обретаю чувство стихии, так необходимое для построения картины окружающего мира.

В Уфе мне предстоит защищать титул капитана сборной Екатеринбурга. Соревнование идей по международной технологии общения. Надо ярко, побед-

но прочитать доклад. Башкирские лидеры ЮНЕСКО прекрасно подготовлены. Я говорил о Демидовых, об идее вечного союза культуры и предпринимательства, заложенной в меценатстве Демидовых и подтвержденной решением международной встречи на всемирной выставке ЭКСПО-2000 в Ганновере в сентябре прошлого года.

У башкир доклады о курае — национальном музыкальном инструменте, о пещере Шульганташ, чьим настенным рисункам 15 тысяч лет. Уникальная культура — рядом... Надо только увидеть. У башкир прекрасная речь, сильные голоса. Уверенность. Их не победить. Екатеринбург — Уфа: ничья... А по мне, так это победа двух культур — русской и башкирской.

Читаю материалы последнего исполсовета ЮНЕСКО в Париже. Там приняли декларацию о защите самобытности культур в мире. Как много я чувствую между строк этой декларации: Коптелово, Башкирия, разноязычный, разноплеменной Урал...

Лето 2001 года. Снова в Коптелово. Приезжая из любой точки планеты — сразу сюда. Мое село — гарант моей уверенности. Вот вода. Вот высокий берег. Да, Россия стоит на высоких берегах. Мой отец назвал свой первый материал в Уральском следопыте «Торопитесь видеть Землю». И увидел ее почти всю. Что сделать мне? На сей раз я привез в Коптелово сувенир — телескоп, увеличивающий космос в 30 раз. Теплой ночью на высоком холме ставлю треногу и — в окуляре телескопа зашелестела лавина новых, похожих на светящиеся зерна пшеницы, звезд...

С этой точки на берегу реки планеты и звезды кажутся своим и близким миром. Шагнем туда, «Уральский следопыт»?

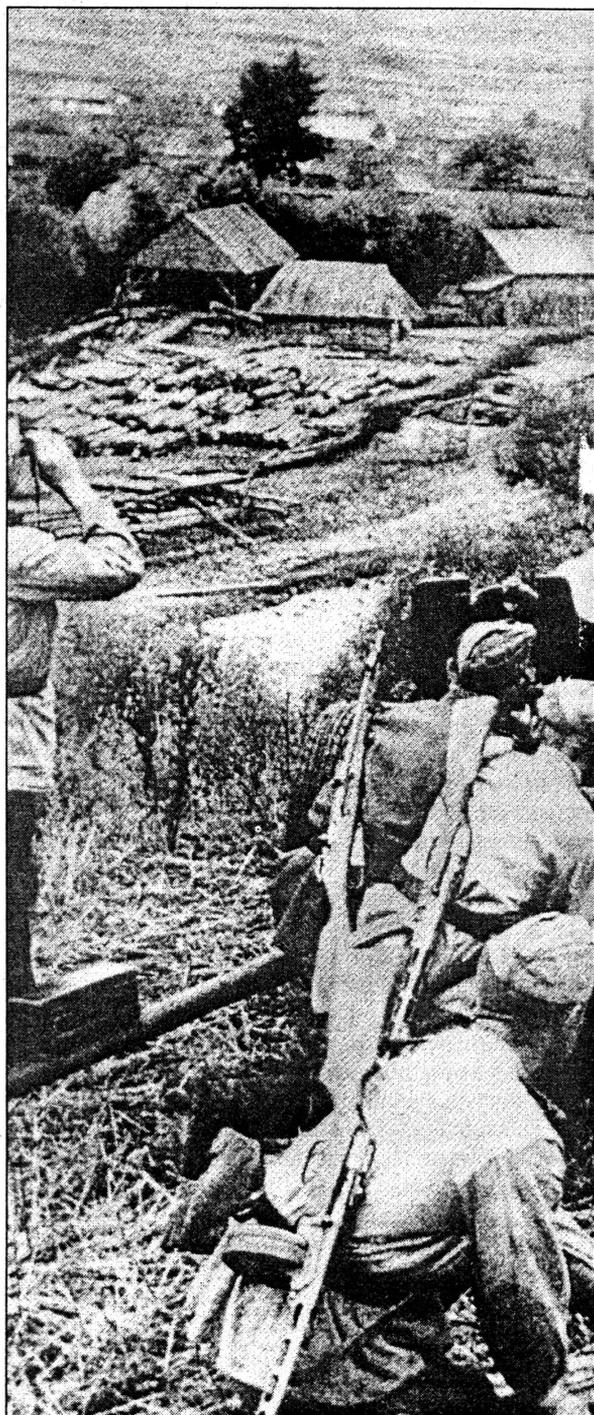
Решением правления Урало-Сибирского центра ЮНЕСКО принята аккредитация Арсения Борисихина, как специального корреспондента журнала «Уральский следопыт» по освещению ЮНЕСКОвского движения на Урале, в России он же включен в состав кругосветной творческой Демидовской экспедиции «Диалог цивилизаций», проводимой при содействии Информационного центра ООН и Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО. Репортажи об Урале Арсения Борисихина будут прочитаны нашими читателями в России и за рубежом. Да, за рубежом! При УСЦ ЮНЕСКО открыт международный пункт подписки на журнал «Уральский следопыт». Подписка объявлена уже более чем в 80 странах мира — участниках Всемирного Конгресса ВФАК ЮНЕСКО в Екатеринбурге. Среди первых зарубежных читателей, уже подписавшихся на журнал, Генеральный секретарь Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО Патрик Галло.

**В Урало-Сибирском центре ЮНЕСКО
открыт международный пункт подписки на журнал
«Уральский следопыт»**

Василий ШЕНДРИКОВ, г. Каменск-Уральский

МЕРТВЫЕ УЧАТ ЖИВЫХ

Документальная повесть-воспоминание (окончание)

НА ПУТИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Этим ранним утром на кочковатой лужайке в окружении кучнистых зарослей и немецких автоматчиков вместе с десятками других однополчан, измученных тяжелыми боями и голодным скитанием по болотам, — сидел и я. Мои невеселые, обжигающие душу раздумья прервало тихое стенание. Я обернулся — на буровой травянистой стерне склонился русоволосый, средних лет, сухощавый солдат. Он плакал и, как показалось мне, в его нервном всхлипывании была ни с кем не разделенная боль растерявшейся души. Я дотронулся до его вздрагивающего плеча:

— Ты что, ранен?

— Ра-нен...

— Так давай, перевяжу... Пакет вот остался.

Он обхватил потное в редкой заросли лицо узкой подрагивающей ладонью, будто отжал его от скорби, обернулся. Вскинув лохматые брови, внимательно присмотрелся, упрекнул с расстановкой:

— Разве душу... перевяжешь?..

Вечером нас — и раненых и покалеченных, измочаленных болотами и голодухой — втиснули в лошадиный загон с еще не выветрившимся терпким удушьем навоза, мочи и пота. Скотское обиталище обнесено трехъярусной жердяной городьбой, и это в какой-то мере облегчало немцам охрану. Сгустившаяся над нами тьма придавила своей голодной тяжестью.

В эту ночь было не до сна — скотский загон наполнился новыми пленными, выловленными по болотам:

— Алеша Петров, ты здесь?

— Кто из штаба полка сто восьмого, откликнись!

— Батареец Загулин, подай голос!

— Друг мой, Сергей Капустин, отзовись, если жив.

— Ваня Рубцов, где ты?.. Я тут!

— Братцы, кто из Воткинска?

— А нет ли кого из Серова?

Прошли напряженные минуты молчания и надежды — и из дальнего угла загона слабый голосок:

— Костя, я здесь... ранен в бедро, подойти к тебе не могу...

Из противоположного угла загона медленно проковылял солдат с правой рукой на подвеске:

— Я счас, счас я, потерпи, дорогой! — торопился он.

Люди искали знакомых однополчан, чтобы не

остаться одинокими и беспомощными. Переключка еще долго продолжалась, и я, уже под самое утро, словно облитый ледяной тяжестью, погрузился во тьму, пахнувшую мне в лицо свежесвеженным хлебом. И очнулся в глубоком подземелье, оборудованном под колхозную пекарню. Иду по брусчатому коридору, а навстречу — мать с вытянутыми вперед руками. А на них — вышитый красными петухами рушник с круглой зарумяненной белой буханкой. Мать застенчиво улыбается, охает:

— Господи, радость-то какая! Неужто ты, сынок? А мы тебя похоронили. На-ко свеженького, отведай, родимый ты мой. Вас, небось, таким-то здесь не балуют?

— Нас, мама, совсем не кормят.

— Как это... совсем? — возмущается она, и губы кривятся, и слезы на серые глаза навертываются. — Скотинке и той соломки подбрасывают, когда сена нет.

— А нам — одни подзатыльники подкидывают.

— И что же это за изверги?

— Фашизм, мама, страшнее проказы!

— Господи, накажи ты их за лютость безбожную!

— Пока сами не свернем фашисту башку, литься крови людской еще долго.

— И у тебя — кровь, вона, из щеки-то... Перевя-зать бы надо.

— Не лечат они наших — лишние расходы.

— Так кровь же у тебя! — плачет мать. — Перевя-зать бы надо, — и торопливо высвобождает из-под буханки вышитый холст. — Я вот рушничком ранку-то прикрою...

— Да ты, мама, не печалься, ранки-то пустяшные.

— Зубы-то хоть целы?

— После войны новые вставим.

Мать снова присматривается:

— Боже ж ты мой, и шея кровоточит...

— Да ты не убивайся, уже присыхать начинает.

Вдруг она спохватывается:

— Вот ведь, старая недотёпа, про хлеб-то и позабыла. Бери, ешь, не стесняйся, на всю армию напекла. И гляди-ка, какой он славный: ты его сожмешь, а он — обратно распрямляется... Нашего характера хлебушек-то...

Только протянул я руку к буханке, а сзади истошный окрик:

— Ауфштеэн! — и увесистый пинок в бок, и все мгновенно исчезло — и мама с буханкой, и подземная пекарня. Вскочил я на ноги, а кругом — столпотворение. Словно стая волков ворвалась в утреннюю овчарню — все закружилось, завывало, застонало, со всех сторон понеслось:

— Ваня, Петров, где ж ты?

— Я здесь, Гришуха!

— Митя, давай быстрее!.. Да сюда давай, ко мне!

— Сеня, не отставай, дорогой! Теперь нам с тобой надо вместе!

— Петро, держись за меня, а в правую-то вот те палица.

— Опять ты, Михайло, раскис... Господи, пропадешь ведь без подмоги.

— Ты смотри, что, изверги, делают, а?

— Видать, и за скот-то нас не принимают...

— Скот так не дубасят.

— Радуйся, человеке, коль это пока лишь цветики: все ягодки-то еще впереди.

— Для фашиста мы теперь — быдло засупоненное.

— Раш, раш, руссишэ швайнэ! — ввинчивалось в общий суматошный гул, и слышалось, как вокруг бухали увесистые пинки и подзатыльники. Кто-то из пленных все-таки набрался мужества шутить и в такой обстановке:

— Иван, слышал?.. Немец-то уподобил нас свиначьему роду.

— Да он, Афоня, свинину обожает, потому и отрыгивает ее запросто, вроде блевотины.

Еле переводя загнанное дыхание, голодные пленные выстроились в колонну по пять человек. Рядом со мной тяжело дышал пожилой в гражданской одежде. Вообще-то он только раскрывал рот, хватая воздух в неполную силу, и поддерживал молодого, еле державшегося на ногах солдата.

— Крепись, сынок, крепись, — подбадривал он и горестно вздыхал: — Вот отыскался. И не чаял встретиться... Что деется, что деется! — исковерканное оспой лицо отца обливалось потом. — Ранен в ногу сын-то мой, — пояснил мне. — Шибко ослаб, боюсь за него...

— Ахтунг! — ошаршил пленных немец-коротышка, блеснув под лучами утреннего солнца стеклами очков в металлической оправе. Он подобострастно вытянулся перед офицером, только что подошедшим. Рядом с ним в гражданской одежде еще один молодой человек, с почтительностью младшего слушающий диалог военных. Его маленькая голова на длинной шее напоминала ошипанную от пера петушиную голову с тонким горбатым носом. Он то склонялся в сторону говоривших — и глаза его закрывались, то распрямлялся — и рыжая физиономия светилась любопытством и готовностью. Беседовали немцы неторопливо, изредка бросая взгляды на освещенный солнцем строй. Но вот молодой вступил в свои обязанности, подбирая русские слова вперемешку с немецкими:

— Дойчланд не фоефайт протиф руссиш шелофек. Наш враг болшефик... Комиссар!.. Он ночью убифаль ваш шестный шелофек... Ми его надо и-скаль... э-э-э... цузамэн — месте фами.

В колонне зашевелились, робко загудели. Переводчик посмотрел на офицера — тот подбросил несколько отрывистых фраз.

— Ми даем подумайт! — взвизгнул переводчик. — Фешер думайт, темно — нох думайт... Потом ска-зать нам про комиссар! — он посмотрел на офицера.

Тот подсунил дополнительные соображения — и переводчик снова ринулся в словесную атаку: — Потом дафать фам кушать, — помолчал, для затравки добавил: — Кто насофьет комиссар — даем фоснагражданье... булька бутер, маргарин, сигаретэн! — бойко выпалил, обнажив в улыбке редкую мелкоту зубов. Кто-то из колонны по-своему оценил усилие переводчика:

- Ищи-свищи, на погост тащи!
- Спешим, аж запинаемся.
- Обнагтели, что крысы в половежье.
- Бесстыдство у них весьма цениться...
- Еще бы: «бульку» не пожалел, уродина.

После обмена мнениями вокруг наступило затишье, словно всех облили помоями. Немцы продолжали совещаться и, видимо, не знали, что еще можно предпринять для задуманного «улова». Но вот офицер кивнул переводчику — и тот отдал команду разойтись.

Прошел день. Новое утро после прохладной и вновь бессонной ночи проявилось к худшему. Обещанный переводчиком завтрак не состоялся по той простой причине, что комиссаров никто не выдавал, и убийцу «шестного шелофека» не нашли. Зато охрану лошадиного загона усилили, и двое немцев привели в загон пеструю корову с переломленной ногой. От такого события истощенный голодный люд ожил, что муравейник, закопошился, обступив полукругом место забоя. Суетились возле пеструхи два ефрейтора. Они что-то долго лопотали, видимо, никак к единому мнению не могли придти. Наконец, скрутили скотинке веревкой ноги и опрокинули на бок. Один навалился на голову, другой всадил в белую шею штык, а когда выхватил обратно — алая струя ударила ему в грудь.

— Что вы делаете? — раздался дикий вопль, словно кого-то из нас тоже пронзили железякой. Из взбодраженной массы пленных вышел на редкость высокий и тощий. Судорожно дергаясь, опустился на колени около коровы. — Такую ценность — кровь, еще живую, а вы — в навоз? — и с жадностью уткнулся в пенящийся кровяной выплеск. Обратно он шел с гордо поднятой головой, испачканный кровью, и его запавшие в орбитах глаза горели еще не остывшим трепетным огнем; шел он ни на кого не глядя, и мне казалось, что уходил от всеобщей суеты с сознанием утоленного голода. Все смотрели на него с удивлением, а кто-то даже и завидовал дерзкой солдатской находчивости, приведшей к такой редкостной в наших условиях удаче — отведать живой крови: ведь по старинному преданию такой человек непременно долгожитель.

Коровью тушу немцы освежевали, разрубили на мелкие части, унесли. Только теперь стало ясным, что забой предназначался не для пленных. И пока мы с завистью смотрели на уходивших с мясом, неожиданно раздалась команда переводчика:

— Построить колонна!

И снова заработали приклады охранников. На этот раз они усердствовали еще остервененней. Все так же, еле переводя обессиленное дыхание, пленные выстроились в две шеренги. Старший офицер не заставил себя ждать — мгновенно вырост перед строем. Словно из-под земли, вытянулся перед ним переводчик с тремя автоматчиками. Гневно сверкая желтыми глазами, офицер выбрасывал одну злобную фразу за другой, как автомат — очередь за очередью — и переводчик сглатывал их, дергая выпирающим кадыком:

— Пленные! — он поперхнулся и сконфуженно посмотрел на офицера. Тот одобритительно кивнул: — Яволь! — и затараторил: — Свершился шестокий преступлений!.. Ми опнарушил смерть дойч офицieren!.. Его лишил шизн партизанка Фьеня. Она бешаль, — он снова уставился в шефа, тот кивнул. — Ми садершаль супруг Фьеня... Будэм расстреляйт! Если ви не фидафаль подстрекатель-комиссар, берем салощник!

Колонна отмалчивалась... Гитлеровцы покручивали головами, выискивая желающих отозваться на их вызов... Гробовое молчание пленных всколыхнула команда:

— Лос! — крикнул офицер автоматчикам. Те кинулись к первой шеренге, выхватывая пленных наугад. Передо мной на этот раз стоял рябой солдатский отец. Схватили не его, а сына, и он бросился к нему с протянутыми руками:

— Мой он, законный, понимаете?..

Переводчик передал шефу смысл сказанного. Тот скривил рот:

— Лос! Цузамэн! — и автоматчик приобщи́л отца к сыну.

Переводчик ухмыльнулся, обнажив крысиные зубы, доразъяснил:

— На тот свет кляйн кольхоз-семья создафайт!

Когда первые одиннадцать пленных были скошены автоматами, двенадцатый заложник только заканчивал яму на двоих. Он выбросил последнюю лопату тяжелой земли со дна водянистого предсмертного ложа, с трудом вылез на поверхность, отдышался... И не вытер, а размазал по рябому лицу болотистую грязь. Рядом, совсем обессилевший, ожидал своей смертной минуты сын. Отец поднял его подмышки, встал у края могилы, тоскливым взором окинул уходящий на восток зеленый простор... Поцеловал сына в лоб, резко обернулся в сторону убийц:

— Фашистские упыри! Придет и ваш поганый смертный час!.. Придет... Братцы, проща... — автоматчик резанул крест-накрест. И скатились в могилу два безвестных человека, унося с собой позор фашистской нации.

После расправы колонну вывели на большак. Мы брели, заплетаясь обессилевшими ногами — и едкая

пыль, застилая слезящиеся глаза, набивалась в нос, уши, до тела продиралась сквозь мокрое от пота расплазующееся обмундирование, разъедающая малые и большие раны. Мимо расхлестанных разрывами созревающих хлебов, сожженных деревень, опустошенных пожарами лесов, словно серая гигантская гусеница, медленно ползла колонна по рабскому пути — задыхалась, чихала, надсадно кашляла, стояла и кровоточила...

Небольшая деревенька с соломенными крышами, с зелеными островками дубрав, чудом уцелевшая от военного разгула, неожиданно выплыла из-за лесистого поворота. Ее единственная улица пролегла к пыльной проселочной дороге под острым углом. Немногочисленные жители — женщины, старики и дети — спешили на окраину, поближе к нам. Шагах в двадцати останавливались, застыв в бесильном желании облегчить людскую участь. Они напряженно всматривались в шевелящийся серый от пыли поток, пытаясь отыскать своих отцов, сыновей, братьев, мужей. Маленькая сгорбленная старушка с землистым лицом громко причитала. Ее успокаивала молодая женщина с обветренным лицом. Вот она вышла вперед, вскинула над непокрытой русой головой обнаженные по локоть сильные руки, звонко провозгласила:

— Мы будем вас ждать... Возвращайтесь, родные!.. Слышите, будем ждать!.. Захлебнется он, жадина, собственной кровью!

— Вер-нем-ся! — раздалось из колонны вразнобой. Один из ревностных конвоиров заметался очумело:

— Руссишэ швайнэ! — потряс винтовкой.

Но женщина не унималась:

— А ты их не трогай! Им и так хоть голову в петлю... Не трогай, говорю, — и разъяснила самой себе: — Бить безоружного — грех от Бога.

Конвоир злорадно ощерился, показав женщине место с мужским отличием:

— Ауф дэм вэк цурюк хабэн вир дан байшлоф, — и грязненько рассмеялся. Женщина погрозила похабнику кулаком:

— Кобель ты поганый!

А тот защелкал затвором, надул щеки, по-рачьей вытаращил глаза. Но она выкрикнула вызывающе:

— Смотри-ка ты, какой козел рогатый!.. Испужал до смерти... Прямо-таки, хоть ложись да помирай, — и вскинула руки к бедрам. — Видали мы заграничную блевотину! — с наслаждением плюнула в его сторону. — Пакостник ты эдакий!.. Мерзавец потусторонний!

Женщина взбудоражила всех, кто хлынул из деревеньки. Многие осмелели, приблизились, бросая пленным куски нарезанного хлеба, вареного мяса, картофеля, огурцов, брюквы, моркови и всего другого, что можно было есть. Все это мгновенно подхватывалось с пыльной дороги и тут же на ходу съе-

далось. Чтоб усмирить людскую стихию, конвоиры открыли предупредительную стрельбу, отрезая местных жителей от колонны. Та самая женщина, что сопровождала старушку, вдруг всплеснула руками:

— Пелагеюшка, гляди-ка, никак твой Иван...

— Ива-нуш-ка! — отчаянно вырвалось у старушки, наугад протянувшей руки.

— Ма-мо! — выскочил из колонны невзрачного вида солдат.

— Цурюк! — вскинул винтовку близкий к беглецу конвоир. Но пленный, шатаясь и разводя руками, словно шел не по земле, а плыл в воздухе, устал перебирая босыми ногами, не обращал внимания на окрик. Переломленной сухой лучиной треснул выстрел — Иван споткнулся, взмахнул руками и распластался у материнских ног. А старушка так и осталась стоять в нерешительности. Конвоир подошел к убитому, перевернул ногой, обернулся к старушке, что-то вопрошая, но та отрицательно покачала головой. Немец ткнул пальцем себе в висок:

— Матка — феррюкт!

А колонна продолжала ползти сквозь клубы пыли. Через какие-то полкилометра пути по правую сторону дороги потянулся наполовину скошенный и обугленный огнем могучий лес, исходящий смоляным дымом. У левой же обочины неподвижно лежал под палящим солнцем наш солдат, подтянув к животу колени, видно, ранен в живот. Обожженная щека отсвечивала иссиня-багровым пятном. Жизнь в нем еще теплилась — тело вздрагивало...

Уже где-то к вечеру колонна спустилась в чашеобразную, выжженную солнцем равнину. Охрана выбрала для себя удобный бивак, приперев нас к болоту, охватившему поляну с трех сторон. Кто-то из пленных пытался отыскать съедобную траву. Я невольно вспомнил предгорья Алтая — и тоже зашарил вокруг себя в надежде встретить одну из наших пищевых трав. Но как ни ползал, а ни вшивика, ни саранки, ни медунки, ни щавеля, ни колбы не обнаружил. «О, благословенная природными щедротами алтайская земля! И есть ли еще где на свете такая добрая для людей, как ты?» Так что единственным утешением оставалось напиться ржавой болотной воды, подернутой сизой плесенью...

Мстительно долго тянется захмуренная тучами голодная ночь. От нескольких глотков вонючей воды в пустом кишечнике урчит и ноет. Ощущение такое, будто тебя выпотрошили и зашили, а внутрь залили горючей жидкости. И ты не знаешь, что бы такое предпринять для облегчения невыносимомучторного состояния. А придумывать все равно что-то надо... Обязательно! Иначе с ума сойти можно: от истощения в сознании беспомощная пустота; перед глазами назойливое пищевое мельтешение; в ушах — болезненно-нудный перезвон.

Я опрокинулся на другой бок и настроился было на сон, но перед самым носом в траве запищало.

Всмотревшись в темноте в подозрительное место, не поверил: «Уж не чудо ли явилось в образе лягушки?» Долго на нее смотрел завороченно и соображал: «Постой, постой... Ведь французы вроде бы едят каких-то сородичей этой породы».

Не помню, как лягушка очутилась в руке, подрыгивая лапками. И невольно притормозилось обрадованное раздумье: «А на чем ее поджаришь?» Мельком стрельнул в сторону конвоира — это с моей стороны было дерзостью, идти с ним на сближение... Но что поделаешь, если голод затмевает рассудок, и иного выхода нет? И я не спеша двинулся к нему... Он бросил скошенные взгляды по сторонам, навострил винтовку — не окружают ли его пленные? Только вокруг никого из наших не оказалось. Настороженность у фрица вроде бы прошла, хотя лицо застыло в удивлении. Я показал на лягушку, попросил спичек:

— Хэр дойче, биттэ штрай хольц... Ихъ виль эсэн. Ихъ мус этвас братэн.

Конвоир перевел взгляд с лягушки на меня и — обалдел... К нему подошел другой конвоир. Они весело обсудили мой дерзкий замысел и, видимо, решились посмотреть, как русский дикарь будет готовить и, тем более, есть такое редкостное блюдо. У конвоира, к которому я обратился, была зажигалка, он только что вынул ее из кармана френча, но, порывшись в другом, достал потрепанный коробок спичек. Побренчав им около уха, вручил:

— Шнэль, шнэль! — приказал, задрав голову в небо. Но вьсь была затянута облачностью.

Я отделил от туловища лягушки лапки, поочередно поджаривая их на зажженной спичке. Израсходовав не более десятка, остальные вернул. Руки мои нетерпеливо дрожали, рот наполнялся обильной слюной. Не горюпясь, я запохрустывал передними — они лучше прожарились. Пока оба вахмана в смехе поджимали животы, я покончил и с желтовато-розовыми задними лапками. Мне совсем не хотелось думать, что съел, важно, что в желудок пища заложена, и невольно почувствовал, как на щеках заиграли тепловые импульсы.

— Гут? — с явной издевкой спросил тот, кто вручал спички.

— Берлинские отбивные, — в той же тональности ответил я. — Так что, данке! — и отправился к своему соседу на ночлег. Но тот же конвоир подозрительно окликнул, вроде бы недовольным остался:

— Вас хайст «от-биф-ные»? — пропыхтел, и в глазах его запыльхало недоброе. Другой же охранник подошел ко мне со стороны спины, и тогда я прощепсехал, как смог:

— Дас ист гут!.. У вас в ресторанах они ведь так же называются — «от-бив-ные».

Первый недоверчиво спросил:

— Гут?

— Я!.. Это когда вы нам пинками зады отбиваете... Стало быть, и есть «от-бив-ные».

— Ихъ ферштэе нихт! — недовольно отрезал, ожидая взаимного ответа.

Я совсем ласково объяснил ему:

— Надо было изучать русский язык. Хотя, со временем, и тебе его придется понять. Скорее всего, тогда, когда и твоя душа обольется кровью! — и попрощался: — Ауфвидерзэй!

Я отыскал своего соседа, осторожно приткнулся к его широкой спине. Мне думалось, что он уже спит, но богатырь заворочался, промычал через зевоту:

— Ты, эт самое, где был?

— Лягушку поджаривал.

Кузнец кулаками протер полусонные глаза:

— Для чего, эт самое?

— Голод утолить.

Он приподнялся, сел поудобнее, молча рассматривая лягушееда. Не совсем доверяя тому, что услышал, удивился:

— Да ты... не спятил?

— Если бы не съел — обязательно спятил.

Богатырь скрипнул зубами:

— Ах ты, мать их за ногу!.. Их бы всех самих, эт самое, вместе с Гитлером — крыс жрать! Не жареных, с потрохами, окалина им в зубы!

— Хорошо бы! — согласился я, почувствовав, как легкая тошнота подкатывает к горлу... Мы помолчали, повздыхали горестно, размышляя про себя, он, видимо, над моим поступком, я — над его словами.

— Ты, эт самое, — устало продохнул богатырь, — не печалься, что так обернулось против тебя. Сожрать лягушку в наших условиях — тоже, брат, подвиг... Не каждый такое сможет, — твердо подчеркнул: — Не каждый, подковки-гвоздики, — и одобрил: — Стало быть, выживешь! — Помедлив, завалился на бок. — А теперь приваливайся к моей спине... До утра надо сил набраться для новой терпёжки.

Остаток ночи для меня прошел в кошмарных видениях: нырял в болотистую воду и оттуда, из-под воды, охотился за утками, пытаюсь схватить их за перепончатые лапки. Утки вырывались, а жесткая кожа оставалась в моих руках, и пахла она опаленными свиными ногами; вода же почему-то превращалась в кисель — и я задыхался; от неустанныго зова о помощи голос мой осип, тело одеревенело. «Ты чо, эт самое, там чудишь?» — подал голос с берега кузнец. Он не полез в глубину, а выкинул правую руку — сначала она повисла в воздухе, потом, словно резиновый раструб, вытянулась, сграбастала меня в середине болота, выбросив на сушу, как лягушонка. И мне почудилось, будто я заквакал. Но это началась рвота, и рядом знакомый голос:

— Русское нутро, эт самое, отвергает квакушку.

И тут его руки схватили меня за плечи, поставили на ноги.

— Давай подсоберись, эт самое, а то и тебя кокнут.

Приходя в себя от ночных кошмаров, я спросил:
— За что?

— Прозри: конвоиры, эт самое, злобствуют, нашего брата добивают нещадно!

Хлопки выстрелов привели меня в нормальное состояние. Оглядевшись вокруг, заметил: вместо солдат-охранников к нам приставили в черных мундирах с красными повязками на рукавах. Поеживаясь от утренней ранней туманной прохлады, они сновали меж лежащих на росистой траве обессиленных пленных, поднимая их на ноги пинками. Кто не смог встать — получал короткую автоматную очередь. «Вот уж воистину: человек хуже зверя, если ему уподобляется!» Выстрелы следовали один за другим, прошивая вздрагивающие тела. За десяток минут зеленая чаша ложбины покрылась трупами.

Благодарный своему спасителю, вместе с оставшимися живыми встал я в колонну. Пока выстраивались, один из нацистов обходил жертвы, доколачивая их из пистолета. Другие же садисты, препираясь друг с другом, собрались в кучу, размахивая руками. Но вот один узколобый с оттопыренными ушами рывкнул во все горло — и остальные мгновенно разбежались по заранее отведенным для конвоирования местам. Подставленные под дула автоматов, мы — кандидаты в смертники — тронулись в путь. Молча, настороженно, в ожидании неопределенного, поредевшая колонна под восходящими лучами утреннего солнца заколыхалась по открытой степи. Что еще могло взбесить в арийскую голову главного фашисту-ушастика — было трудно предположить. Но он выскочил к обочине, пропустил несколько рядов, одержимо загоготал, шлепая себя по квадратному заду, истошно заорал:

— Шнэль, шнэль, ферфлюхтэ бандэ!.. Руссланд капут!.. Дойчланд юбэр аллес!

...Уже к вечеру колонна спустилась в редколесную низменность. Впереди на фоне уходящего за грозовой горизонт заката огромным желтоватым нарывом пучилась возвышенность, обнесенная сторожевыми вышками. Это было приготовлено для нас. И когда приблизились к месту заточения — охрана загалдела. Ушастый прогавкал команды, пробежался вдоль колонны, выскочил вперед. Конвоиры уставились дулами автоматов в измученных пленных, запокрикивали: «Шнэль, шнэль, шнэль!» Вскоре колонну остановили у высоких ворот зашнурованного колючкой лагеря. В центре небольшой площади, как древний курган, торчала та самая возвышенность. Пока наши ряды дотошно пересчитывали — я заморожено смотрел на приближение к лагерю мрачной грозы.

— Две тысячи сто! — доложил ушастому шустрым счетчик. Главный с наслаждением гоготнул, прилепнул себя по ляжкам, отдал команду распахнуть ворота. Из-за скверной погоды вечер в считанные минуты превратился в ночь: небо заволокли гро-

зовые тучи, с тяжелой угрюмостью ползшие в сторону лагеря. Лысая гора, по которой пленные расползлись в разные стороны, вдруг завихрилась взлетами пыли. И когда небесная прорва обрушила на лагерь холодные потоки воды, многие бросились к песчаному подножию кургана, чтобы отрыть ниши для укрытия. Только мне прятаться от стихии не хотелось: «Будь что будет!» А потому стоял у столба, вдавившего землю воронкой, и с каждым новым ударом оглушительно-трескучего грома еще плотнее прижимался к древесине. На ее макушке под металлическим козырьком назойливо вспыхивала и гасла красновато-желтая электрическая лампочка слабого накала. Но чем обильнее лил дождь, острее сверкали молнии и громовые раскаты сотрясали все вокруг, — тем легче чувствовалось: вода охлаждала раны, смывая дорожную едучую пыль, на какое-то время смягчалась и мученическая боль за все, чем так безжалостно наградила нас война с первыми же дней.

А дождь утихомирился лишь к рассвету, и небо — влажное и растрепанное — уже очищалось от клочкообразных туч. В угрюмом молчании дымилась испарением лысая гора, изрезанная извилистыми дождевыми ручьями, словно сползавшими к подножию. Многие пленные — мокрые и вываленные в песке — повывлазили из ночных нор, размахивая руками и притопывая ногами. Некоторые разоблачались и тут же, сообщая, отжимали выцветшую от солнца потрепанную обмундировку.

Я обошел песчаное вздутие лагерной территории, обдуваемое резким холодным ветром. Забрался на самую лысину — вокруг испарением курилась безлюдная лесостепь, умытая проливным дождем, в ожидании встречи с солнцем. Мои недолгие поиски привели к опрокинутой бочке из-под квашеной капусты. Невольно подумалось: «Значит, в этом лагере мы не первый контингент!» Я обрадовался, что в дождевой-то ночной суматохе никто не догадался приспособить бочку для отогрева тела: словно вручили мне сибирскую медвежью доху. Присмотревшись к бочке, опрокинул ее на бок. Попытался влезть во внутрь — ноги не вместились. Пришлось сгибаться дугой, плотно прижавшись головой ко дну, коленями — к стенке. Попробовал принять прежнее положение — не смог распрямиться. «Невелика беда, утром помогут выбраться товарищи!».

Спал я в тревожном состоянии, наверное, не более часа — пробудил глуховато-отдаленный голос:
— Да он мертв...

«Интересно, о ком это?.. Уж не обо мне ли?»

— Жив я, братцы, жив... Помогите выбраться!

Кто-то ухватил за одну мою ногу, затем — за другую, выправил их в неподатливых коленях, задубевших в неловком положении, и вытащил из бочки. Я попытался встать на ноги, но они тут же с острой болью подвернулись.

— А мы хотели тебя в штабель смертников, — сообщил тот, кто вытащил меня из бочки. — Смотри, сколько за ночь очоценоло, — показал в сторону ворот, где возвышалась огромная куча трупов.

— Постепенно, эт самое, вымерем все, — уныло выдохнул кузнец, всмотревшись в меня. — Погодь, погодь... У-у-у, подковки-гвоздики!.. Эт не ты лягушку... того?

Только теперь разглядел я его хорошо: круглая массивная голова, отливающая под лучами утреннего солнца буроватостью, темные глаза, пористый скульптурный нос, полные губы, кудревато-смолистая зарось на широком подбородке. И весь он выглядел так, будто его только что отлили из шероховатого чугуна.

— Вообще-то это я.

Он протянул лапищу:

— Подходяще! Кузьмич я по вольному батюшке.

— Коль ты Кузьмич, значит я — Гурьевич.

Он чуть заметно улыбнулся, встряхнул мою руку, дружески хлопнул по плечу:

— Ну вот и подковки!.. Пойдем строиться. Говорят, они ноне добрые: ухлопали-то по дороге нашего брата больше тысячи. Вот и баланды обещают с песочными шкварками. План-то нашей смертности с лихвой перешибли. Можно б и раскошелиться насчет кормежки.

Вскоре очередь из доходяг пропустили в открытые ворота, подвели к месту раздачи. На деревянных козлах, укрепленных на санях, металлический чан исходил худосочным паром. Около суетился ефрейтор с черпаком-банкой поллитрового размера. Рядом, удобно усевшись на установленную в санях бочку, из одних сухожильных жгутов свитый, с березовой дубиной ожидал раздачи болтушки пожилой немец в полувоенной форме. Вокруг всего этого на почтительном расстоянии полукругом к проволочным ограждениям расположилась охрана. Наша очередь ползла без задержки, опоясывая чан, заворачивала обратно к воротам лагеря. Перед тем, как в котелок, а то и просто в растопыренную пилотку пленному опрокидывалась прозрачная жидкость, от жгутового немца он получал увесистый удар дубинкой по спине. Тот, кто при этом выражал возмущение, — получал трехкратный березовый «допшаек».

— За что ты меня едак-то? — решил выяснить пленный, которому из-за низкого роста немец вцепил не по спине, а по голове. — Ведь я тебе ничего плохого не сделал.

— Вэ! — фыркнул жгутик слюной, вращая глазами, поспешно сполз с бочки и начал дубасить искателя справедливости.

— Беги в ворота, раззёва! — спохватился Кузьмич. — Прибьет ведь, стервятник!

Только у лагерных ворот немец оставил жертву в покое. Совсем обессиленным опустился наш сол-

датик у проволочных ограждений и заплакал: баланды в котелке не оказалось — пока увертывался от дубины, всю расплескал. Стоявший у ворот охранник молча подскочил к пленному, пинком опрокинул его навзничь и, как футбольный мяч, зашвырял из стороны в сторону. Двое других охранников подхватили недобитую жертву и утащили в соседний мелкий лесок... Оттуда вскоре татакнула автоматная очередь.

Мы почти у самого котла, и я объясняю Кузьмичу, что у меня, кроме алюминиевой ложки, ни котелка, ни пилотки, брать-то баланду не во что. Он указал на свой котелок: дескать, в один и возьмем. Когда же очередь дошла и до нас, жгутовый немец приподнялся, изумившись богатырскому сложению Кузьмича:

— О-о-о, доннэр вэтэр... Руссишэр булы! — и опустил дубину вхолостую. Однако, такая трусливая встреча не помешала жгуту вцепиться мне. Спасибо ему хотя бы за то, что ударил не по голове, а по плечу. Отвешивал он «привесы» к баланде, аппетитно покрякивая, видимо, занятие это доставляло ему удовольствие. Уханье слышалось уже за нашими спинами. Мы зашли за проволоку, уселись в кружок, с жадностью набросились на баланду из ржаных плелел. Сразу же заметил, как она сильно пересолена. К нам подсел, назвавшись Григорием Петровичем, средних лет солдат:

— Пересол нам может дорого обойтись, — его вопросительные умные глаза скользнули по нашим лицам.

— Да-а-а, без воды — хуже голода, — уточнил Кузьмич.

Чем выше над лесной горой подымалось солнце — тем труднее дышалось: жара спаяла снаружи, пересоленная баланда — изнутри. Истощенные люди один за другим теряли сознание, а помочь им было нечем. Единственное спасение — вода!.. Охрана же равнодушно созерцала чужие мучения, полагая, что все идет своим, узаконенным нацистами, порядком. И хотя солнце перевалило за вторую половину дня, жажда беспощадно добивала нашего брата. Самые слабые умирали тихо, без трагического шума.

— По-мо-ги-те! — взорвал тишину отчаявшийся вопль.

— Что там стряслось? — озабоченно спросил Кузьмич, перевернувшись со спины на бок.

А тут и Григорий Петрович всполошился, кивнув в противоположную от нас сторону — там вскинулся костистый грузин. На его руках обвисло тело, с которым он метался по лагерю. Страхом безысходности светились его безумные глаза. И лысая гора закопошилась, вскипела гневом, облепив со всех сторон братьев с Кавказа. Старший, державший на руках младшего, шагнул в сторону ворот, увлекая за собой человеческий поток с воздетыми руками.

— Во-ды!.. Во-ды! — хрипели сотни глоток.

А у стоявшего впереди всех с умирающим братом на руках то и дело стоном прорывались слова:

— Чемо дэвирпасо дэма!

В его поддержку в адрес охраны со всех сторон летело:

— Убийцы!

— Гады!

— Паразиты!

И напрасно старший брат тряс на руках безжизненное тело, пытаясь привести его в чувство. Он снова бросился с ним по лагерю в поисках помощи, но, ослабев, беспомощно добрал обратно к воротам и, безутешно рыдая, упал на колени, забившись головой о колючую изгородь. За проволоку ухватился Григорий Петрович, решительно крикнул в сторону тупо уставившегося в нас автоматчика:

— Вир воллэн вассар тринкен!

Не выдержал и Кузьмич:

— Да что ты ему вколганиваешь?.. Фашистский набалдашник и сам видит.

Но вот у ворот появился маленький, жирненький в гражданской одежде, на горбатой переносице — пенсне в золотой оправе, подкатился колобком к охраннику, осведомился, в чем дело. Перекинувшись с ним несколькими фразами, приблизился к проволочным ограждениям, равнодушно профальцетил:

— Господа пленные, война есть не прогулка по Невскому проспекту, — и растянул жирные губы к щекам-булочкам, словно бы не улыбнулся, а культурненько зарычал: — У командования нет транспорта... Доставить нужное количество питьевой воды не можем.

— Это произвол! — взорвался Григорий Петрович.

— Воз-мож-но, — лениво оценил его вызов переводчик, и вдруг артистически выкрикнул: — Но мы — джентльмены! Если вы согласны привезти воды на себе, дадим вам бочку, — прикинул в уме. — С санями, — и зло уставился в Петровича, дескать, мы все можем.

— Издевается, рыжина, — пробурчал Кузьмич.

Но тут раздались голоса:

— Согласны!

— Давай сани!

— Привезем.

— Дьявол с тобой...

— Только б напиток...

— Ох, Господи, и что же ты такое допускаешь? — вроде бы самого себя спросил Кузьмич и страдальчески посмотрел на меня.

Переводчик не спеша подошел к охране, отдал распоряжение приготовить сани, что стояли с бочкой у раздачи баланды. Отобрав покрупнее четырех пленных, с помощью автоматчиков впряг их веревками в оглобли. Закончив приготовление упряжки, отошел в сторону, выбросил руку вперед:

— И-эх, четверка!.. И кто тебя выдумал? — и удалился к тому дощатому домику, откуда выходил к пленным.

С выматывающими последние силы рывками тронулись в свой нелегкий путь водовозы. Коробящим ознобом отдался в моей усохшей спине заскрипевший под полозьями саней дорожный песок. Но вот один из конвоиров остановил упряжку, ухмыльнулся, что-то лопотнул про себя и, опрокинув бочку на санях вверх дном, уселся вместо кучера:

— Лос, лос! — расплылся в разухабистой веселости. Двое других автоматчиков по лошадиному заржали и завывагивали по обочине. Глядя упряжке в перекошенные спины, Григорий Петрович спросил:

— Вы в самом деле решили, что переводчик воспылал к нам сострадаием?

— Фашиста не сразу раскуешь, — раздумчиво ответил Кузьмич. — Думаю так, что все это для новой каверзы...

С затаенным выжиданием выстаивали мы за проволокой под палящим солнцем, всматриваясь в удаляющиеся квелье фигурки. Скрылись они за лесистым поворотом. А выползли оттуда, когда их уже перестали ждать. С каждым новым шагом водовозы останавливались, чтобы набрать силы. На полпути от лагеря двое из них рухнули под ноги товарищам.

— Лос! — заорал немец. Но упавшие не подымались. Раздалась автоматная очередь. Один из конвоиров пришел в лагерь, забрал еще четверых пленных... И вот бочка совсем рядом — послышалось надсадное сопение тянувших непомерный груз. У кого-то облегченно вырвалось: «Ну, слава Богу!» Но прежде чем проволоочь бочку с санями в ворота, по территории лагеря рассыпались охранники. Они оттеснили жаждущих напиток к подножию лысой горы и с необычной для них торопливостью выскочили за ворота. Среди пленных наступило молчаливое замешательство: все были заморожены бочкой — в ней теперь для каждого наперсток жизни на сегодня.

Но как такой огромной массе, изнуренной жаждой, без надлежащего распорядителя воспользоваться предоставленным скупым благом?.. Когда же один из пленных от лысой горы сделал робкий шаг — неудержимой лавиной в низину к воротам покатился обезумевший людской поток. Его яростный натиск вряд ли смогли бы усмирить даже автоматные очереди. Да и было делать это уже поздно: люди потеряли способность контролировать свои действия. За считанные секунды произошло невероятное: первых, достигших заветной цели, смяли нахлынувшие сзади, бочку опрокинули вместе с санями — раздался треск древесины, вскрики и стоны придавленных; кто-то еще пытался пригоршнями схватить расплывшуюся лужу; некоторые припадали к мокрому песку воспаленными губами, чтобы вытянуть из него хотя бы капельку влаги; несколько человек,

что были впереди, валялись в скрюченных позах среди обломков саней и бочки.

А у ворот поджимали животы от смеха гитлеровские выкормыши. Торжественно напыщенный и самодовольный переводчик, уже переодетый в нацистскую форму, пощелкивал фотоаппаратом. Поправив на носу пенсне, вздернул кулак в сторону лагеря:

— Я вам еще не раз объясню, что такое «про-из-вол!» — и лоснящимся коlobком откатился от проволки.

Над лагерем нависла суровая тишина — никаких признаков жизни, кроме сжигавшего наши тела разгневанного бледного солнца, высветлявшего противочеловечную злобствующую сущность фашизма: мы не могли отвести глаз от только что раздавленных наших товарищей, вдруг оживших и зашевелившихся на мокром песке. За ними пригнали закрытого типа фургоны, запряженные бельгийскими тяжеловозами. «Значит, транспорт у командования был!» В пытках на стойкости, на выдержку против иссушающей нас жары прошла последняя мучительная ночь у лысой горы. Утром пленных порадовали вонючим кипятком из болотной воды и выстроили для очередного этапа.

ВПЕРЕДИ — КРЕПОСТЬ СМЕРТИ

Жара по-прежнему держала изможденных людей под прицельным жгучим огнем, потому-то многие совсем выбились из сил и еле переставляли ноги, давно избитые в кровь. Впереди нашей пятерки кто-то уже задыхался, выбившись из сил, и кто-то уговаривал его «держаться». В ответ же обреченное: «Все, не могу!» Опираясь на плечи соседей, совсем обессиленный узбек пробрался к обочине, плюхнулся на выгоревшую от солнца травянистую бровку, чтобы немного отдышаться, хотя бы до прохода колонны, а уж потом снов примкнуть к последнему ряду. И отдыхал-то он пустынное время, пока до него не дошел очередной конвой, властно рявкнувший:

— Ауфштеэн! — и подкованным сапогом двинул под худой зад.

Узбек вздрогнул, перевернулся на спину, карими глазами умоляюще уставился в раскаленное от солнца бледное небо: возможно, там он в последний раз увидел отражение родных ему просторов Узбекистана. Двое пленных подошли к товарищу, чтобы помочь ему встать, но фашист вскинул автомат:

— Раус! — заклёхтал, как индюк, наливаясь кровью. Он жаждал новой крови — и она пролилась: короткая очередь из автомата пришила к дороге еще одного нашего. И тут конвоиры словно взбеленились — вокруг только и слышалось:

— Шнэль, шнэль, шнэль!.. Руссише швайнэ!

Нацисты торопились, вроде куда-то опаздывали, подгоняя нас пинками. Особенно усердствовал зна-

комый нам ушастый конвой, свирепо орущий и размахивающий автоматом. Он тыкал пальцем на свои ручные часы и сверлил злыми глазами подчиненных. И те рыскали вдоль колонны, угрожая оружием. Многие загнанные пленные не выдерживали ударов и падали. И тогда гитлеровцы короткой автоматной очередью пришивали их к дороге. Расправа прекратилась, как только сзади колонны показались наглухо обитые железом грузовые машины. Они медленно продвигались за нами, в бесчувственные утробы загружая убитых. Ускоренный марш, усеявший грунтовый большак пристреленными, закончился, когда машины свернули вправо и исчезли за поворотом в невысоком сосняке. Непосильная физическая нагрузка, выжавшая из меня последние остатки влаги, так высушила носоглотку, что при малейшем кашле слизистая оболочка не выдерживала и лопалась, источая кровь. «Это — конец!» — прохрипел кто-то сзади. Я обернулся — мой сосед харкал шмотьями крови.

А вскоре произошло непонятное: на обочину выскочило из строя несколько пленных, за ними метнулись другие. «Что же случилось?» — спохватился я и, по независимости от меня инерции, потопал туда же. И уж нечем было дышать, и уж ноги подкашивались, но свернувший с дороги людской поток вместе со всеми понес меня в луговину. И все бежали, что стадо от настигавшего пожара, в ту сторону, где в тени плакучих берез колодезь выбросил в небо свой хобот-журавль. Оказывается, мы, обезумевшие от жажды, катились к источнику питья, как тогда к бочке с водой, забыв про смертельную опасность. Но для нас и теперь не было ничего дороже в еще теплящейся в нас жизни — как припасть потрескавшимися губами к воде, а тогда уж и смерть не так страшна. Вот почему ни грубые окрики конвоиров, ни автоматные очереди на смогли остановить бегущих. Многие, сраженные пулями, остановили свой последний в жизни изнурительно-бесильный бег уже в глубине луга. И только самым сильным и быстрым, бесстрашно-упрямым удалось вырваться вперед и достигнуть колодца: их руки вскинулись вверх, ухватились за блеснувшую металлическими обручами деревянную бадью... уже дрогнула веревка, заскрипел, кланяясь, журавль... Я было бросился в ту же сторону, но оглушительный взрыв гранат вздернул вверх журавль с обрывком веревки, разметал в стороны изуродованные тела пленных... И это все, что осталось от безвинной попытки напиться обыкновенной воды, дарованной людям самой природой.

...Остаток дня поредевше-усохшая колонна протащилась по пыльному большаку в суровом молчании. Уже к вечеру задержались в небольшой ложбине, приткнувшейся к заросшему осотом болоту. Стустившиеся прохладные сумерки придавили нас к влажной земле. Сырая ночь протрясла до ноющих

костей. А когда лохмотья утреннего тумана, лениво отрываясь от парившей почвы, поплыли вверх, раздалась команда:

— Општеэн!

Не все пленные сумели подняться — кто-то оказался уже мертвым, кого-то, не успевшего встать на ноги, пристрелил из пистолета все тот же ушастик. Остаток колонны выстроили и пересчитали.

— Девятьсот семьдесят девять! — доложил счетчик-конвоир.

— Рихтиг! — удовлетворенно крикнул ушастик. Он был доволен, что на дороге на Двинск ухлопал нашего брата больше тысячи; теперь его ждала награда и повышение в чине. Коротко посоветовавшись с подчиненными, главный метнул в сторону поредевшей колонны нагловатый взгляд, отдал команду на марш. Он, как и предыдущие, был усеян трупами изможденных пленников. И когда совсем за вечерело, наша обветшалая людская масса подошла к высоким, колючей проволокой оцетинившимся воротам Двинской крепости. Слева от входа на территорию — невзрачное двухэтажное здание скалилось облоданной пулями штукатуркой. Из распахнувшихся дверей подъезда в разношерстном обмундировании вывалилась шатия прихлебателей-полицейских. Цепкими глазами-прилипалами впивались они в каждого пленного, входившего в ворота, тут же тщательно его обыскивали, чтобы на будущее наверняка обезопасить себя от холодного оружия. Некоторые прислужники оккупантов придирчиво всматривались в лица, останавливали, пытались опознать хотя бы отдаленное сходство со знакомыми политурами или командирами. Такая процедура встречи с подонками и без того выматывала остатки сил. Но мы уже предчувствовали, что это всего лишь начало наших мучений.

Внутренний двор крепости встретил нас захлавленной запущенностью. Мутным наплывом хлынули новые обитатели по булыжной территории, заглядывая в закоулки и темные заходы старинных приземистых каменных строений. Каждый старался найти для себя хоть что-то оброненное из съестного. Но кроме голых стен да загаженного каменистого пола (значит, здесь до нас уже были пленные!) обнаружить ничего не удалось. После безнадежных поисков заглянул я в попавший на пути темный спуск в полуподвал с тускло светящимся окошечком. В полумраке разглядел деревянную настенную полку. Пошарил вслепую — наткнулся на противогаз. Потрогал рядом — что-то звякнуло. Оказался самодельный нож. А у меня не было котелка. И я так обрадовался, что не стал больше шарить, выскочил из подвала. Уже во дворе, вооружившись двумя булыжниками, осмотрел швы противогаса и приступил к разборке. За монтажной котелка совсем забыл про новую обстановку, пока на территории крепости не поднялся шум. Оказывается, вечерние по-

иски навели голодных людей на клад: в одной из глухих стен казармы обнаружилось заколоченное окно на высоте в два человеческих роста. На сооруженную из живых людей лестницу с трудом взобрался пленный — и вниз полетели горбыли. В промежутке окна взору собравшихся предстал бумажный мешок, туго набитый чем-то угловатым. Стоявший на верхотуре рванул его на себя — и на головы пленников рухнул бронзовый поток сухарей. Неописуемый восторг охватил внизу стоявших, бросившихся подбирать драгоценную россыпь.

Многие на плацу еще не успели воспользоваться редким для них благом, а когда спохватились — было уже поздно: из-за угла склада с гиком и сквернословием выскочили полицаи, врезавшись плетями в склонившихся над сухарями. На месте расправы из пленников остался один. Он лежал, подобрал под себя непокрытую голову, из которой сочилась кровь. Около него топтался среднего роста атлетического сложения молодой полицай, в нетерпении крутивший плетью. Затянут он был не в наш мундир... и на ногах — кожаные желтые сапоги с высокими голенищами. Только вот на голове по-залихватски сдвинутая на бок фуражка войск НКВД. На выхоленном белом лице — красивые голубые глаза, пышущие злым жаром, и пушистые русые усики, а из-под лакированного черного козырька — вьющийся чубик.

Полицай игриво прошелся вокруг трупа, остановился, с любопытством посмотрел на собравшихся, носком сапога ковырнул под жертву:

— Ишь ты... Дурило!.. Не зря говорят, будто бы дураков ни сеют, ни пашут, а оне — сами произрастают... Угоразило висок подсунуть под плеть! — осклабился, пояснил собравшимся вокруг него: — Зад подставлять Европе надыть! Хоть ноне он у вас и тощий, все равно поджоже виска, — и кивнул своим прихлебателям: — Трофей убрать незамедлительно!.. Быстро наелси, — показал в улыбке белые литые зубы, с ухмылкой присмотрелся к свидетелям убийства, пригрозил: — Это вам не в советии! — похлестал плетью по голенищу. — Новый порядок очищать общество от хлипких людишек. А ето надыть знать всем, кто не хотить неперед сгинуть. — Убийца еще долго распространялся по поводу преимущества нового порядка и, видимо, не мог остыть от «боя» в поединке с безоружными — усики подергивались, становясь наперекос, ноги подрыгивали. Наконец он успокоился, заткнул за офицерский ремень плеть, игривой походкой отправился к двухэтажке, насвистывая «Катюшу». И что это был один из законченных подлецов — сомнений не вызывало: полицейскую свору лагеря смерти возглавлял усердный гестаповский холуй.

...Через месяц после заточения в каменном мешке — Двинской крепости — мы превратились в грязных, обтрепанных, завшивевших, с заросшими ще-

тиной лицами существ, напоминавших друг другу людей каменного века. А полицаи и их стукачи, поощряемые немецкой комендатурой, с каждым днем нагнали, пытаясь превратить нас в бессловесное быдло, выскивая среди пленных неподдающихся их «воспитанию». Так в одну из ночей исчез Григорий Петрович, а затем и симпатичный для меня Кузьмич... По доносам тех же полицаяв в крепости была сформирована рота из советской интеллигенции — учителей, агрономов, инженеров для отправки на заготовку для лагеря дров. Обратило они не вернулись: после завершения работ их расстреляли прямо в лесу, свалив в общую яму.

Не лучшая участь была и тех, кто остался пока в крепости: под заплесневелыми каменными сводами казармы, в стиснутом окружении мрачных, прожженных в отеках осклизлых стен, на ледяном полу разметались буйно завшивевшие тела пленных, вроде бы вымершие. Вот кто-то опять застал от незатянувшейся раны; недалеко от меня кого-то заколотил насадно-изнуряющий приступ кашля; кто-то по инерции отозвался ему на другой стороне; совсем рядом — прерывающийся всхлипом крик о помощи; чей-то неистовый шепот вспомнил Бога... И тут же, заглушающий все остальные всплески людской беды, истеричный рев: «Прямой... о-гонь!» И в хриплом гневе задышающаяся песня: «Э-то есть наш пос-лед-ний...» Кто-то умирал, не допев мужественное наследие наших отцов...

Где-то уже за полночь в казарму втиснули новое пополнение пленных из мелких лагерей для прохождения все той же профилактики — выдержки на живучесть. В казарменном спертom зловонии задышался самый разумный на Земле обитатель — Человек. Итог пригодности к жизни на завтрашний день для каждого из нас подводился утром: тот, кто подымался на ноги своими силами — жилец, а нет — в общую яму. Такое здесь происходило каждое утро. Вчера проснулся, а рядом — два мертвеца: один головой уткнулся в мое лицо, другой — в спину, свернувшись шинельной скаткой. Второго-то не смогли выправить, таким и вынесли во двор.

Сегодняшнее же солнечное сентябрьское утро в этом отношении было рекордным по выволакиванию трупов из казарм, вроде целая похоронная процессия: словно манекен, сшитый из тряпья, жертву нацизма опрокидывали в металлическую тачку и везли через булыжный двор, вытрясая последние остатки живого духа. За тачкой тянулась вереница тех, кто еще держался на своих ногах, цепляясь за плечи санитаров. Печальное зрелище замыкал высокий пленный, тот самый, что когда-то в скотном загоне высасывал из штыковой коровьей раны кровь: теперь он с великим трудом опирался о плечи санитаров. Его бурое лицо щетинилось волосным покровом, пугало темными провалами глаз; он еле переставлял босые ноги, испачканные кровяны-

ми испражнениями; временами голова его с продолговатой желтой лысиной беспомощно сваливалась на плоскую грудь. Вот он остановился, собрался с силами, оттолкнул от себя санитаров и, вскинув голову к небу, простонал:

— Будь проклят, Ирод Германский!

Какое-то время он стоял, покачиваясь, но, вздрогнув, грохнулся на булыжник. И послышалось мне, как от предсмертного удара костями о выпуклые камни крепостного двора — вокруг зазвенело колоколами церквей русской земли. Земли человеческой доброты и дружеского привета. Только одни к ней тянулись с чистыми помыслами, другие — с отточенным ножом, чтобы всадить в спину... Печальными глазами смотрели мы на уходивших в потусторонний мир в ожидании такого же своего утра...

А над крепостью в эти часы тянулись прозрачные струйки невесомых, серебристо-пушистых облаков, подрумяненных закатом. Небо неудержимо звало в полет — и я невольно им залюбовался:

*Мне б теперь на заплечья —
Вон те облака!..
Вместо крыльев —
Расправить бы руки над Миром
И лететь, и лететь,
Сердце бьется пока, —
Над Уралом родным
И далеким Памиром.
Рассказать бы Земле,
Как нам жизнь здесь горька,
Как уродуют души
Фашистские каты!..
Но плывут на Восток
Без меня облака...
И в неизвестности гибнут
России солдаты...*

КАК КРИЦА В «ТИГРА» ПРЕВРАТИЛАСЬ

Россия состоит из малых городов. И Урал весь соткан из маленьких поселков и городков, каждый из которых имеет свою гордую историю. Некоторые, споткнувшись на «новых экономических отношениях», остались только в архивах, а иные сдаваться не хотят, напротив, изо всех сил стараются возродиться и продолжить свою историю.

Есть на уральской земле район с певучим названием — Нижнесергинский, а в этом районе маленький поселок — Атиг: всего четыре тысячи жителей. Поселились здесь люди 211 лет назад, построили завод по изготовлению металла высочайшего качества и назывался этот завод Атигской кричной фабрикой (получение железа непосредственно из руды). Впоследствии она преобразовалась в железоделательный завод и выпускала различного вида изделия из железа, в том числе и метизную продукцию.

Шло время. Завод вместе с Россией пережил революцию, прошел через пламя гражданских и отечественных войн, окреп в периоды восстановления и развития народного хозяйства... А в 1961 году сменил свой профиль и перешел на производство подростковых велосипедов. В 80-х годах производил ежегодно более 350 000 двухколесников широко известных марок «Уралец» и «Весна».

Но в 1998 году Атигский завод не сумел приспособиться к рыночным отношениям и обанкротился.

В 1999-м начался новый этап в истории предприятия. Менялась форма собственности, руководство и название. Теперь предприятие называется ЗАО «Евро-Азиатский машиностроительный завод». Но формальные новшества сами по себе ничего не решали: новому руководству и немногочисленному коллективу (поскольку к этому времени большинство работников покинули обанкротившееся предприятие) предстояла тяжелая и самоотверженная работа по восстановлению производственных мощностей, пересмотру и совершенствованию технологий, повышению качества продукции, подбору и обучению кадров.

Сейчас основным видом продукции, выпускаемой ЗАО «ЕАМЗ», по-прежнему являются подростковые велосипеды, но к уже известным маркам «Весна» и «Уралец» добавились совершенно новые модели: дорожный велосипед для взрослых и шестискоростной горный велосипед «Тигр». Творческий потенциал заводских конструкторов позволяет надеяться на то, что в ближайшем будущем завод подарит россиянам еще несколько новых моделей велосипедов. Причем на технологическую цепочку — от идеи до воплощения — уходит сегодня не более полугода. А по уровню качества ЗАО «ЕАМЗ» намерен конкурировать с лучшими зарубежными производителями. Для удобства потребителей продукции завода сразу в 1999 году был создан торговый дом «Атигмаш», который находится в Екатеринбурге.

Кроме основного вида продукции завод успешно осваивает выпуск замков трех моделей, пломбирно-запорных устройств для железной дороги и некоторых видов метизной продукции.

В возрождении завода есть одна особенность. Процесс восстановления захватил не только производственные цехи и отделы предприятия, он отразился и на отношении людей к заводу, к своей работе. Генеральный директор предприятия Виктор Стрелецкий — человек беспокойный и заряжает своей энергией остальных. В его планах — не только сделать завод флагманом в своей отрасли, но и создать комфортные условия для работающих, а территорию превратить в цветущий сад. Уже сегодня на предприятии прекрасная столовая, где сытный обед для работников стоит 10 рублей, остальное оплачивает завод. Построены теплицы, овощи и зелень из которых поступают в заводскую столовую; восстановлена баня. Прямо по территории завода течет речка, на которой

сохранилась плотина еще демидовских времен. Этой весной на берегу речки работники предприятия посадили яблоневосливново-облепихово-вишневый сад.

Евро-Азиатский машиностроительный завод — предприятие градообразующее, поэтому стремится выполнить свою миссию и относительно поселка Атиг. Несколько лет стоял в запустении поселковый Дворец культуры, теперь же внутри ДК силами завода уже произведен ремонт, в ближайших планах — привести в порядок фасад. Недавно завод приобрел аппаратуру для ДК, и теперь здесь идут концерты художественной самодеятельности и дискотеки на хорошем уровне, приглашаются артисты из Екатеринбурга. В этом году ЗАО «ЕАМЗ» выделил средства на реставрацию памятника участникам Великой Отечественной войны, и 9 мая жители Атига могли возложить к нему цветы.

Руководством ЗАО «ЕАМЗ» разработана программа по подготовке кадров: в этом году завод готов направить нескольких выпускников поселковой школы на учебу в высшие учебные заведения; все подготовлено для того, чтобы принять школьников на производственную практику во время летних каникул, ученики разных классов приглашаются на экскурсии по цехам и отделам завода...

Руководители ЗАО «ЕАМЗ» и Торгового дома «Атигмаш» уделяют социальной политике особое внимание, и распространяется она не только на работников завода, но и на жителей поселка. С праздником 9 мая, например, были поздравлены не только ветераны-заводчане, но все поселковые ветераны и вдовы участников войны: каждому завод вручил подарок; в ДК был организован бесплатный концерт с приглашением артистов Свердловского Академического театра музыкальной комедии; организованы спортивные соревнования с вручением победителям денежных призов.

Планируя мероприятия к Дню защиты детей, генеральный директор предприятия Виктор Стрелецкий обратился в администрацию Нижнесергинского района с предложением провести крупномасштабную акцию, охватывающую весь район, и получить поддержку. Благодаря помощи районной администрации, финансовым и организационным вложениям Евро-Азиатского машиностроительного завода, в Верхних и Нижних Сергах и Атиге стало возможно провести велосипедные соревнования среди подростков. ЗАО «ЕАМЗ» выделил в подарок районному комитету по физической культуре и спорту два велосипеда, а спортивному атигскому клубу «Пегас» — три, чтобы положить начало созданию в Атиге велосипедного клуба.

Праздник, который прошел в Нижнесергинском районе 2 июня, был посвящен Международному Дню защиты детей, назывался «Чудеса вокруг колеса». Велосипедные соревнования, в которых участвовали ребята до 14 лет, доставили истинное удовольствие не только самим участникам и маленьким болельщикам, но и всем жителям Нижних Серг, Верхних Серг и Атига, которые стали свидетелями этого веселого и захватывающего состязания. Мальчишки, прошедшие дистанцию первыми, получили в подарок велосипеды. Главным же призом организаторам этого праздника стали счастливые лица ребят.

Руководители и небольшой на сегодняшний день коллектив Евро-Азиатского машиностроительного завода с надеждой смотрят в будущее. Они уверены, что в нем должно быть все: и достойные будни, и веселые праздники.

Ф. КАМИНА

«Уральский следопыт» — глубинке

Прочитал книгу — подари сельской библиотеке

Чтобы периодически знакомить наших читателей с редакционными новостями, «Уральский следопыт» заводит соответствующую рубрику.

**редакция получила
Свидетельство на
товарный знак**

Новостью номер один следует признать то, что редакция получила наконец-то Свидетельство на товарный знак. Теперь логотип журнала и его название уже официально принадлежат Обществу с ограниченной ответственностью «Редакция журнала «Уральский следопыт».

Давние наши читатели знают, что характерной особенностью старейшего на Урале издания является его приверженность к общественно-полезным акциям. Читатели-ветераны вспомнят, например, «Операцию— Ч» семидесятых годов — круп-

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ную, почти всероссийского масштаба акцию по спасению нашей уральской красавицы Чусовой. Инициаторами общественного экологического движения были известные на Урале писатели Борис Степанович Рябинин, неустанный борец за чистоту уральской природы, и Юрий Михайлович Курочкин, возглавлявший тогда отдел краеведения. «Уральский следопыт» привлек к участию в «Операции-Ч» ученых и краеведов, студентов и школьников. Каждый номер журнала освещал связанные с ней события.

Всероссийскую, а может и всемирную известность получили ежегодные фестивали фантастики «Аэлита» с присуждением премий и призов авторам лучших произведений отечественной научной фантастики.

Менее известно широкой читательской аудитории многолетнее шефство редакции журнала и его постоянных авторов над обитателями бывшей Верхотурской колонии несовершеннолетних правонарушителей. Это были периодические десанты к ребятам в Верхотурье писателей и журналистов, литературные вечера, встречи с интересными людьми. Нам хотелось, чтобы годы изоляции от общества оставили в детских душах не только тяжелый осадок наказания, но и светлые вспышки приобщения к прекрасному.

Впрочем, мы не ставим целью перечислить все общественные деяния журнала, да это едва ли и нужно: если наши культурно-просветительские побуждения достигли цели, то те из читателей журнала, кто прикоснулся к ним, их не забыли.

А мы вспоминаем для того, чтобы уверить читателей: тревожное и сумбурное время перемен не поколебало наших намерений и впредь быть в гуще и общественной жизни, и культурных интересов города, области, всего Большого Урала.

**...недавно члены редакции
побывали в госпитале ветеранов
Великой Отечественной и
локальных войн минувшего и
наступившего столетий, что на
Широкой речке...**

Совсем недавно члены редакции побывали в госпитале ветеранов Великой Отечественной и локальных войн минувшего и наступившего столетий,

что на Широкой речке, познакомили его пациентов с планами отделов журнала, обратили внимание на интересные для них публикации, подарили каждому из присутствующих на встрече очередной номер. По нашей просьбе гостями ветеранов были и артисты владивостокского цирка, гастролировавшие в Екатеринбурге.

Встреча пришлось по душе и ветеранам, и нам, работникам редакции. Было решено сделать визиты «Уральского следопыта» на Широкую речку регулярно.

Акция журнала была замечена правительством области. Редакция получила Благодарственное письмо от заместителя председателя

Правительства С.И. Спектора.

...объявлен ежегодный литературный конкурс «Большие Надежды» — для детей и подростков, юношей и девушек до 18 лет

Хочется также напомнить читателям, что нами объявлен

ежегодный литературный конкурс «Большие надежды» — для детей и подростков, юношей и девушек до 18 лет. По своим номинациям он совпадает с конкурсом «Алмазные грани», одним из инициаторов и учредителей коего был наш журнал, но и

существенно отличается от последнего своим литературным, а не реферативным характером. Он призван выявлять и развивать именно творческие литературные способности детей и молодежи. Нам безразлично, о чем и как будет писать «Уральский следопыт» в наступившем XXI веке.

Напоминаем, что первое подведение итогов конкурса состоится в октябре 2001 года.

Наконец, последняя новость. Редакция журнала совместно с клубом ЮНЕСКО «Содружество павленковских библиотек» продолжает реализацию долговременной программы «Не дать свече погаснуть», которая призвана общими усилиями помочь сельской читальне, зачастую остающейся сегодня единственной культурной свечкой в уральской провинции.

В рамках этой программы мы начинаем совместную акцию под девизом «Уральский следопыт — глубинке». Посильное участие в ней примут, кроме редакции и Содружества, областные (универсальная им. Белинского и детско-юношеская) и городская (Главы города) библиотеки; «Фонд Язева»; Урало-Сибирская ассоциация клубов ЮНЕСКО и все, кто понимает нужность и роль библиотеки на селе — как самого доступного и востребованного учреждения культуры.

В связи с этим редакция начинает сбор книг-дарений для библиотеки села Верхняя Ослянка Пригородного района Свердловской области. Народная читальня в этом селе была открыта в начале прошлого века стараниями и на средства русского издателя-

...редакция начинает сбор книг-дарений для библиотеки села Верхняя Ослянка Пригородного района...

просветителя Ф.Ф. Павленкова — в числе двух тысяч других бесплатных народных читален. Теперь те из них, что сохранились в российской провинции носят название павленковских.

Книги — художественную, детскую и другую литературу, а также журналы последних лет издания просим доставлять в редакцию журнала «Уральский следопыт» по адресу: Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Справки по тел. 22-45-01 и 22-36-62.

Акция «Уральский следопыт — глубинке» завершится поездкой в село Верхняя Ослянка, торжественной передачей библиотеке книг-дарений, праздником для жителей села.

Прочитал книгу — подари сельской библиотеке!

Прочитал книгу или журнал — подари их сельской библиотеке!

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 34
Владислав КРАПИВИН «Давно закончилась осада...»	стр. 35
Андрей ЩУПОВ «Очередь»	стр. 57

НАТУРАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА

Где-то у кого-то совсем недавно прочитал: «Нет ничего фантастичнее реальности». И согласился. Действительно, что там фантазии писателей, экстраполяции футурологов, предвидения экстрасенсов. Жалкие попытки дилетантов. А настоящую крепко сбитую фантастику, причём интереснейшую, небанальную, остросюжетную, нам преподносит то, что вчера ещё было будущим, а завтра, естественным образом станет историей.

Кстати, об истории. Разве то, что прошлое нашей страны меняется в зависимости от «политической конъюнктуры» — это не фантастика? А оборона Севастополя, одна из самых героических и трагических страниц России, которую в школах «проходят» как бы между делом — это не фантастика? А развал великой державы СССР? А мгновенное превращение читающей нации в нацию потребляющую?.. Фантастика, да ещё какая!

Вот и научились мы ничему не удивляться, да, по большому счёту, ничего и не бояться. Всё, всё уже с нами было. И пластмассовая игрушка, убивающая взрослого хама — не самое фантастическое явление в наших очередях, на наших митингах, в залах наших думских собраний.

И всё же писатели-фантасты стараются не отставать от реальности. Они ещё не сошли с дистанции. И, конечно, ещё скажут своё веское слово в соперничестве с нашей историей, с нашим сегодня, с нашим не поверяемым никакой логикой будущим.

Евгений ПЕРМЯКОВ

28 апреля в Беверли Хиллз состоялась первая в третьем тысячелетии церемония вручения премий **Nebula**, присуждаемой голосованием членов Американской ассоциации писателей-фантастов (Science Fiction and Fantasy Writers of America).

Лауреатами премии стали:

Роман / Novel

«Darwin's Radio», Грег Бир (Greg Bear)

Повесть / Novella

«Goddesses», Линда Нагата (Linda Nagata)

Новелла / Novelette

«Daddy's World», Уолтер Йон Уильямс (Walter Jon Williams)

Рассказ / Short story

«macs», Терри Биссон (Terry Bisson)

Сценарий / Script

«Galaxy Quest», Дэвид Ховард и Роберт Гордон (David Howard, Robert Gordon)

Были также вручены ранее объявленные специальные премии SFWA:

Grand Master

Филип Жозе Фармер (Philip Jose Farmer)

Author Emeritus

Роберт Шекли (Robert Sheckley)

Премия Брэдли (Bradbury Award)

Серия радиопостановок «2000х» — ведущий и составитель Харлан Эллисон (Harlan Ellison), продюсер и режиссер Юрий Расовский (Yuri Rasovsky), звукооператор Уоррен Дьюи (Warren Dewey)

7 февраля 1998 года астроном Старкенбургской обсерватории Феликс Хормут (Felix Hormuth) открыл **новый астероид** и, по традиции, получил право придумать для него название. Это название было утверждено Центром Малых Планет — и список невероятных совпадений, связанных с фантастикой, пополнился еще одним.

Астероид был назван Arthurdent. В сообщении Центра Малых Планет сказано: «Землянин Артур Дент сталкивается с превратностями судьбы и Вселенной в знаменитой блистательной и жизнерадостной пятитомной трилогии Дугласа Адамса «Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом».

Объявление было опубликовано 11 мая 2001 года — в тот же день, когда скончался Дуглас Адамс.

19 мая 2001 года в лондонском Музее Науки состоялась церемония вручения премии Артура Кларка (Arthur C. Clarke Award) за лучший научно-фантастический роман, опубликованный в Великобритании в 2000 году. Премию в размере 2001 фунта стерлингов и памятную гравированную подставку для книги получил Чайна Мивиль (China Mieville) за роман «Perdido Street Station».

Британский писатель Чайна Мивиль дебютировал романом «King Rat» в 1998 году. «Perdido Street Station» — вторая его книга. Помимо премии Артура Кларка, роман номинировался на премию British Science Fiction, премию Брэма Стокера (предварительная номинация, в финал не вышел) и на премию Джеймса Типтри-младшего. Американское издание романа вышло в начале 2001 года и книга будет легитимна для номинирования на американские премии по итогам 2001 года.

По сообщениям Сергея Бережного, СПб

Владислав КРАПИВИН

Давно закончилась осада...

Севастопольская фантазия

Роман

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Продолжение. Начало в № 4-5, 2001

Вторая часть. Тендер «Котёнок»

Барабанные палочки

Когда Коля сделался взрослым Николаем Федоровичем, ему несколько раз случалось читать воспоминания разных авторов о Севастополе шестидесятих годов. Один из них назвал те годы «безвременьем славного города». Все эти литераторы писали почти одинаково: о длинных улицах развалин, о мертвой белизне прекрасных, но разрушенных зданий, о грудах камней и щебня, о сглаженных временем брустверах и траншеях.

Упоминали писатели и о строящихся храмах, о растущих на берегах бухт доках и мастерских, о горожанках, сумевших соорудить жилища среди руин. Но все же главными впечатлениями в этих очерках были малолюдство и запустение.

И, наверное, для того, чтобы сильнее поразить читателя картинами запустения, авторы утверждали, будто нигде сквозь груды камней и щебня, сквозь голую глину и кремнистую твердость здешней земли не пробивалась никакая зелень.

Это неправда.

И на центральных улицах, и в запутанных переулках слободок, несмотря на беспощадность бомбардировок, уцелели кое-где старые деревья. Они стояли и вдоль тротуаров Екатерининской улицы, и вокруг развалин домика государыни Екатерины, и по берегам оврагов и балок. В тех же балках и среди окраинных кварталов сохранились остатки садов и виноградников. А кроме того, за десять мирных лет на склонах и откосах, среди мертвых и оживающих дворов, у разбитых стен и каменных лестниц появились молодые деревца, закурчавилась кустарниковая поросль. Кое-где развалины сверху до низу были окутаны зарослями дрока, похожего на водопад из тонких веток и листьев.

Весной шестьдесят седьмого года вся эта растительность вспухла бело-розовой пеной цветения.

Северный житель Коля Лазунов не знал, как зовутся здешние кусты и деревья. Ему говорили: «Миндаль... кизил... персик... черешня... акация...» Он кивал и тут же забывал названия. И утыкался лицом в гроздь цветов. Подумать только! — по берегам Финского залива и по дворам столицы еще лежал почти нетронутый оттепелями снег, еще по Неве ездили на лошадях, а здесь уже все цело и зеленело!

Весна в этом году случилась ранняя, миндаль стал зацветать уже во второй неделе марта, а за ним, набирая силу, оделись пахучими гроздьями и другие деревья. О случайном февральском снеге никто уже не помнил. Душа радовалась!

Конечно, выпадали и холодные дни. И особенно ночи. Бывало, что под набежавшими серо-сизыми ту-

чами ревел шторм. Отороченные пенными гребнями волны так гремели галечником на берегах за Карантинной бухтой, что слышно было даже в переулках Артиллерийской слободки. Волны эти штурмовали Константиновский форт, врывались в Северную бухту, на внутренний рейд, мотали ошвартованные у плавучих бочек суда. На некоторых парусниках для безопасности спустили стены. Чайки косо металась на фоне косматой штормовой мглы, лететь против ветра они не могли, их сносило, и они укрывались под берегами Южной бухты, где шторм не мог показать всю свою силу.

Однако в этих штормовых ветрах уже не было ледяного зимнего холода. В них можно было ощутить влажную согретость — первый намек на близкие теплые времена.

Застывшая земля давно оттаяла, глинистые тропинки на склонах делались липкими и скользкими, впамятные в них камни держались теперь непрочно, шевелились под подошвами. Это, если спешишь в школу и выбираешь не лестницу, а ближнюю дорожку, ведущую вниз к Южной бухте.

По обеим берегам Южной бухты лежали ржавые горы тяжелых ядер, множество пушечных стволов и якорей. Их свозили сюда с затопленных судов, подымать которые взялся опять купец Телятников.

Большими усилиями водолазов подняли, наконец, на поверхность и один из корабельных корпусов. Поглядеть на это собралось на руинах Николаевской батареи и склонах Хрустального мыса почти все немногочисленное население города. Корабль медленно вырос из синей, покрытой мелкой зыбью волны. Из открытых орудийных портов хлестали потоки. Тотчас пошла среди мальчишек (да и среди взрослых) споры: что это — «Силистрия», «Уриил», «Три святителя»? Поди разберись, когда это уже и не корабль вовсе, а громадная обросшая туша без мачт...

На той же неделе подняли еще одного затопленного великана. Оба корабля буксиры утащили в самую оконечность Северной бухты, к Инкерману, и приткнули к отмели. Там их неспешно принялись разделявать плотники. Видимо, просто для того, чтобы не занимали место. Говорили, что ни корпуса целиком, ни их древесина ни для чего уже не годятся, потому что источены морским червем...

Пришел апрель, близилась Пасха. Дни сделались совсем теплые, почти летние. По берегам появилось немало рыболовов. Но Коля рыбалкой не интересовался. Ничуть. Ему казалось скучным подолгу ждать дерганья поплавка, да и жаль было трепещущую, попавшую на крючок рыбу. Приятно было угощаться жареной ставридой или кефалью, но видеть, как она бьетсся, пуская кровь из-под жабр, это уж увольте... Конеч-

но, в такой постыдной жалостливости Коля не признался никому из приятелей. Кроме Жени. Женя его понимал. Он и сам не был любителем рыбной ловли.

Интереснее было охотиться за крабами. Кинешь приманку из гнилого мяса в сетку, натянутую на ивовый, с грузилами, обруч, спустишь эту сетку с причала к самому дну и смотришь, как осторожный краб подбирается к добыче. А потом — дерг вверх! Попался!.. Однако сам Коля крабов не ловил, смотрел только, как охотятся другие. Но скоро убедился, что хорошего тут мало. Мальчишки обычно сразу расшибали крабов о камни, чтобы пустить их мясо на наживку для рыб. А иногда варили их, выколупывали «начинку» и делали из пустых панцирей и клешней чучела — для продажи туристам. Но такое занятие Коле казалось противным и предательским по отношению к пленным крабам.

Впрочем, среди мальчишек Артиллерийской слободки мало было любителей рыбалки и охоты за крабами. Всех гораздо больше волновала другая охота.

На отогрившихся склонах кургана и косогорах, на обвалившихся брустверах и в полузасыпанных траншеях мельтешили, как воробьиные стаи, мальчишки со всего города. Добывали из-под камней, из сухой глины и сыпучей, перемешанной с гравием земли то, что осталось от войны.

Уже не один год шла такая охота, но до сих пор пули и осколки попадались сплошь и рядом. Форменные «гудзики» тоже. А случалась и более интересная добыча: кокарды, штыки, помятые фляжки, истлевшие ремни с форменными бляхами, медные накладные буквы и цифры с эполет. Некоторые счастливицы находили ржавые тесаки и даже сабли...

Немало встречалось и ядер. Всякий раз у Коли замирало сердце, но при осторожном осмотре он убеждался, что это сплошные чугунные шары, без отверстий и без остатков запальных трубок. Ну, оно и понятно. Так ли уж много их, бомб и круглых гранат ударило тут о землю и не взорвалось? Скорее всего, это большая редкость...

Коля увлекался сбором трофеев не меньше остальных мальчишек. А может, и больше. Ему это было в новинку. Он горел азартом, для него каждая находка была свидетельством истории, в то время как его приятелей чаще всего интересовало другое: на сколько копеек «потянет» их трофей?

Впрочем, Колю это интересовало тоже. Не столько ради самих денег, сколько опять же из-за азарта. Это было увлекательнейшей игрой — такая и не снилась ему в прежние времена, в столице!

У разных ребячьих компаний были свои, определенные давним обычаем, места для торговли. Мальчишки и девчонки Корабельной стороны предлагали свой товар посетителям Малахова кургана, Второго и Третьего бастионов. Ребята из городских кварталов держались ближе к пристаням, куда подходили шлюпки с прибыв-

ших пароходов. И в этом было свое преимущество. Только что ступившие на берег пассажиры горели свежим интересом к здешним достопримечательностям и сувенирам.

Первые пароходы с туристами — и российскими, и иностранными — стали приходить в конце марта. Сперва не очень часто, а потом чуть не каждый день. Иностранцы обычно приплывали из морей, лежавших за Босфором, где перед этим посещали земли древних библейских стран...

Коля, конечно, сперва стеснялся торговать. Но быстро привык и, в точности, как другие мальчишки, бойко объяснялся с «дамами и господами», на пальцах показывая стоимость своего товара.

Заработанные копейки и гривенники он ссыпал дома в жестяную коробку и думал, что, если у них с тетушкой наступят трудные времена, он с гордостью откроет свой запас.

Татьяну Фаддеевну, однако, не радовал образ жизни ее ненаглядного племянника — успевшего загореть под весенним солнцем и вечно перепачканного сухой глиной и пылью бастионов.

— Ты совершенно превратился в уличного сорванца! Целыми днями пропадаешь на свалках!

— Там не свалки, а исторические места! Я собираю коллекции!

— Тебе надо заниматься не коллекциями, а уроками! Иначе на весенних экзаменах тебя ждет чудовищный позор!

Коля в всякий случай мысленно плевал через плечо, но боялся не очень. Во-первых, он все-таки занимался уроками (хотя и не столь старательно, как зимой). Во-вторых, он уже знал, что не так страшна гимназия, как оно казалось прежде.

А в ремесленной школе уроков домой вообще не задавали. Особенно Коле Лазунову, давно получившему зачеты по большинству предметов. Теперь он ходил только в мастерские да на занятия по корабельному делу. Да и там ему — строившему вместе с Трофимом Гавриловичем учебную модель — было легче, чем другим. Основные названия корабельных деталей он знал давно, а те, что не знал, запоминал сразу.

Кстати, именно он приклеил Фролу новое прозвище. Когда изучали устройство шпангоута, все развеселились, узнав, что треугольная деталь на стыке двух корабельных ребер называется «флор». Очень уж похоже на «Фрол». А нижняя часть ребра — тимберса — называлась «флор-тимберс».

— Фрол-тимберс! — громко высказался Коля, зная, что за шутки не наказывают (тем более таких прилежных учеников, как он).

Трофим Гаврилович погрозил пальцем, но и посмеялся вместе со всеми, видя как забавно растерялся Фрол Буденко.

С той поры и повелось: «Эй, Фрол-Тимберс!» А

вскоре от прозвища остался просто «Тимберс». Фрол понял, что сердиться нет никакого резона. Кличка все равно не отлипнет, если уж приклеилась. К тому же, была она корабельной, значит, ничуть не обидной. На Колю Фрол не злился. После истории с пистолетом он вообще относился к нему по-иному — как к равному и без насмешек...

Иногда Коля возвращался с поисков добычи перед самым заходом солнца (а заходы эти делались все более поздними). И если Тё-Таня оказывалась дома раньше него, снова возникал шумный разговор:

— Где ты был? Я себе места не нахожу! Ты свихнешь себе шею на этих бастионах, если только... если не случится чего-нибудь еще хуже!

Коля опять мысленно плевал через плечо и сцеплял на левой руке два пальца, но бодро отвечал, что ничего хуже свихнутой шеи не бывает.

— Перестань глупо острить! Я говорю серьезно! Скоро ты сведешь меня с ума!..

Однажды за Колю заступился Борис Петрович. Доктор объяснил тетушке, что «мальчик ведет себя в соответствии с законами природы». Все дети за зиму устают от холода и занятий, поэтому стремятся на улицу, на солнце и свежий воздух — к шумным и подвижным играм. А прилежание их в это время, увы, ослабевает.

— И тут уж, любезнейшая Татьяна Фаддеевна, необходимо смириться, с природой не спорят.

— Но если бы это были нормальные игры! А он тащит домой всякое... всякий военный ужас!

— Что поделаешь. Надо учитывать своеобразие местных условий...

Но ни Татьяна Фаддеевна, ни доктор не знали тогда, что Коля не только собирает «военный ужас», но и торгует им. А когда это открылось, для тетушки было новое потрясение.

— Это переходит все границы! Какой стыд! А если об этом узнают мои знакомые? Соседи?

— Давно уже все знают...

— Ты словно гордишься этим!

— А чего такого?

— Ты... видимо, забыл, что ты не только ученик ремесленной школы, но и... фон Вестенбаум!

Коля пожал плечами. То, что было неприемлемо для столичного мальчика из почтенного (хотя и небогатого) рода фон Вестенбаумов, вполне годилось для Кольки Лазунова из Артиллерийской слободки. А таким он себя ощущал все больше. И сказал с интонацией именно слободского мальчишки:

— Я разве ворую? Я честно деньги зарабатываю, своим хребтом. На черный день...

Татьяна Фаддеевна села к фортепьяно и разразилась бурной музыкальной пьесой.

Фортепьяно появилось в конце марта. Его где-то раздобыл и с несколькими мастеровыми привез на те-

леге доктор. Сказал, что дарит его Татьяне Фаддеевне и Коле..

— Но Борис Петрович! Как можно! Это же безумно дорогой подарок!

— Ничуть! Оно досталось мне случайно и почти бесплатно. Отыскали, когда разгребали развалины за Морской библиотекой. Смотрите, сохранилось почти без царапин. Мне пришлось только на два-три часа стать настройщиком...

Доктор был не только медик, но и весьма изрядный музыкант. Прекрасно играл на виолончели и — вот, оказалось — умел настраивать пианино.

Тетушка в конце концов приняла подарок. Тем более, что девать его все равно было некуда. Не спускать же с крутого склона за Косым переулком (телега уже уехала).

Маленькую фисгармонию перетащили в комнату, где спал Коля (он не спорил), а фортепьяно заняло почетное место. И теперь, когда у Татьяны Фаддеевны в споре с племянником кончались слова, она садилась за клавиши, и фортепьяно гремело гневной музыкой. А тетушкина прямая спина выражала негодование.

Любопытно, что, несмотря на все возмущение Татьяны Фаддеевны, лазать с мальчишками по бастионам и траншеям и даже торговать трофеями она Коле не запретила. Видимо, по тем же соображениям, что «всю жизнь держать мальчика у юбки не будешь».

Коля же, чтобы лишний раз доказать свою правоту, однажды сказал:

— Женя Славутский уж на что воспитанный мальчик, а от нас никогда не отстает.

Тё-Таня только руками развела. Женя был для нее действительно примером благоразумности и скромного поведения. И если уж он...

Женя в самом деле искал трофеи и продавал их вместе с другими ребятами из компании Фрола (Тимберса!). Деньги он иногда отдавал Лене на хозяйство (все-таки кой-какая помощь!), а порой покупал на них бумагу, карандаши и акварельные краски в писчебумажной лавке Савватеева, что зимой открылась в начале Морской улицы.

Однажды Коля и Женя на берегу Южной бухты, у самой воды, нашли рядом с громадным якорем-кошкой обломок доски. Была доска толщиной дюйма два. Черная от старости, но сухая. Кое-где ее проточил морской червь, но не сильно, с краю.

— Возможно, от корабельной обшивки, — определил Женя.

— Главное, что старая... — Коля ухватил обломок под мышку. — Давай, потащим в школу!

— Зачем? — удивился Женя.

— Есть одна мысль... Можно из этой штуки выточить барабанные палочки. Получится не меньше дюжины. Скажем покупателям, что нашли на бастионах. Таких трофеев еще ни у кого не было.

Женя подумал, пожал плечами, но не заспорил.

По извилистым тропкам поднялись они от воды на обрыв, принесли доску к школе.

— Иван Ефимыч, можно ключ от мастерской? По-работаем немного...

Сторож поворчал, но дал. Знал, что наставники доверяют ученику Лазунову. Да и второй, Славутский, был деловой парнишка, не то что некоторые сорвиголовы.

В мастерской опилили доску до нужной длины (палочки, они ведь примерно вершков десять). Раскололи доску на двенадцать квадратных палок. Дерево кололось неохотно (дуб, наверно), однако в конце концов подчинилось топору и железным клиньям. Потом на верстаке остругали палки, чтобы сделать более или менее круглыми — получились заготовки. Дерево даже внутри было темным, старинным на вид. То что надо! Заготовки припрятали за верстаком, потому что уже вечерело. А на следующий день снова попросились в мастерскую, стали точить. Женя крутил педалью тяжелый маховик, а Коля водил отточенной стамеской по вертешейся в зажимах станка заготовке. Летели мелкие стружки, пахло морёным деревом.

Первая палочка получилась на загляденье! Гладкая, но старинного вида — серовато-коричневая, будто долго пролежавшая в земле. Черные дырки-червоточинки усиливали это впечатление.

— Здорово, да? — сказал Коля, оглаживая нагрешее дерево. Он и палочке был рад, и гордился своим токарным умением.

Женя смотрел странно. У Коли вдруг ёкнуло сердце. Он вспомнил историю с пистолетом.

— Ты... может быть, думаешь, что это нечестно? Ну... потому что сделали сами, а продавать будем как настоящие... Тогда ладно. Не станем...

Но Женя отозвался небрежно:

— Отчего же нечестно? Тем, кто купит, это ведь все равно, они будут думать, что и правда от барабанов. А когда что-то ясно представляешь, оно будто так и есть... Да к тому же эти палочки все равно из дерева той поры...

— А тогда чего ты так... смотришь?

— Я хочу попросить... Можно, я две палочки возьму себе?

— Да почему же две? Половину! Мы же вместе работаем!

— Я как-то не подумал... Я не про то. Мне они нужны не для продажи, а для себя... — Женя слегка порозовел.

— Ну, для себя так для себя! Какая разница... Женя, а зачем они тебе? Если секрет, не говори...

— Да не секрет. Просто я боюсь, что другие станут смеяться... У меня с давних пор дома есть барабан. Он не такой большой, как настоящий, потому что он игрушка, но все же изрядный. С ведрерко... А палочки давно потерялись. Вот я и хочу для него... Играть я не собираюсь, не маленький, но просто пусть они будут...

Кажется, Женя чего-то не договаривал, но Коля был рад и такому признанию.

— Конечно! Мы, когда все выточим, выберем самые лучшие!..

Женя порозовел сильнее.

— Потому что... у меня есть одно желание. Нарисовать картину. Про того барабанщика, про французского... Будто он нашел наконец свой барабан, и теперь пора возвращаться к себе. И он присел отдохнуть перед дорогой... Вроде бы все хорошо закончилось, но он не очень веселый. Потому что прежде было много тяжкого... да и впереди неизвестно что. И вот он сидит, а кругом развалины и над ними луна... А палочки нужны мне, чтобы лучше получилось. Ну, как добрая примета...

Коля в один миг будто воочию увидел эту картину. Как настоящую! И шепотом сказал:

— Ты только нарисуй обязательно. Не отступайся.

— Я постараюсь...

Неизвестно, нарисовал ли Женя такую картину. Однако несколько набросков сделал. И один из них отдал Коле. Тот сказал:

— Ты настоящий художник!

...Женя Славутский и правда стал художником. Был он не очень знаменит, но его некоторые полотна в прошлом веке висели в городском музее. «Затопление кораблей», «Тендер «Македонец», «Дети, собирающие пули под огнем». Сохранились ли они сейчас, трудно сказать. Едва ли. Ведь столько было еще потом боев, обстрелов, пожаров...

А основным делом Евгения Славутского были даже не картины, а его работа по росписи вновь построенных в городе храмов. Он и там не был главным, лишь помогал тем знаменитым живописцам, чьи имена сохранила история. Но все же долю своего труда Славутский в это дело внес и потому считал, что кое в чем в жизни преуспел. А слава — что? Он любил разноцветье красок, свой город, своих друзей, а не славу...

«Пушкари» и «корабельщики»

Две неровные шеренги, в каждой человек шесть или семь, стояли в пяти шагах друг от друга. В одной — ребята из команды Фрола Буденко по кличке Тимберс. В другой — незнакомые им мальчишки с Корабельной слободки. Дело происходило в неглубоком каменистом рву под разваленным бруствером Четвертого бастиона. Шел разговор;

— Чего приперлись на чужое место?

— А оно ваше? Вы его купили?

— А, может, ваше? Мотайте отсюда за свою Лаб... таб... Лабораторную балку!

— «Лаб-баб»! Говорить научись, косоротый!.. Бегите сами за свой Пятый бастион, пока не догнали!

Шел обычный дележ территорий. Как на всем белом свете.

Вообще-то земли были поделены. В основном. Ребята из кварталов у Малахова кургана, Ушаковой балки и Аполлоновки обычно собирали трофеи на линии обороны от Третьего бастиона до Килен-бухты. То есть на Корабельной стороне (мало им этого, что ли?!). Поэтому и назывались «корабельщики». Во владении мальчишек и девчонок Артиллерийской слободки и прилегавших к ней улиц были Пятый и Шестой бастионы, редут Шварца, люнет Белкина, батарея Шемякина, траншеи у кладбища. В общем, все, что находилось у правой части оборонительной линии. Поскольку Артиллерийская слободка была там главным поселением, юных жителей этих мест именовали «пушкарями».

Земли от Центральной балки до Пересыпи, посреди которых возвышался Четвертый бастион, были ничейными. Значит, спорными. То есть вообще-то они считались «городскими». Но жителей в центральной части города было мало. Ребят среди них — и того меньше. Их жиденькая ватага не могла, конечно, отстоять свои права. Ладно хоть, что их не прогоняли. Но и во внимание не принимали. И как во всей мировой политике, территория слабенького и малолюдного государства стало предметом дележа и полем вооруженных конфликтов для более сильных соседей.

Компании «корабельщиков» и «пушкарей» время от времени сходились у Четвертого бастиона, и тогда начинались разговоры, подобные нынешнему:

— Чего приперлись-то? На ваших дистанциях и так добра не меряно! Руки загребущие...

— А вы у себя уже все выковыряли? На кладбище покопайтесь, вам покойнички кой-чего поотрывают!

— Мы вам сами сейчас поотрываем! — пообещал Поперешный Макарка. И плюнул под ноги.

— «Пушкари», «пушкари», пальцем ж... подотри! — сказал с той стороны похожий на растрепанного воробья мальчишка.

— Корабельщики в ответ: «Обоср... мы весь свет», — сообщил знакомый с Пушкиным Фрол. Не пожалел Александра Сергеевича ради красного словца.

— Щас мы вам покажем, где свет, а где его нет, — спокойно пообещал худой длиннорукий парнишка с курчавой башкой. Видно, предводитель.

Женя Славутский рядом с Колей тихонько вздохнул. Вот уж кому не хотелось драться, так это Женьке. А Коле разве хотелось?! У него противно стонало в животе и обморочно пустело под сердцем. А куда денешься?

Длиннорукий деловито спросил:

— Ну, чего? Стенка на стенку? Или сделаем выставку?

«Выставка» — это когда с каждой стороны выставляют по одному бойцу. Чей боец победит, те и остаются

на завоеванной территории. А противники отступают. Конечно, их отступление не похоже на бегство, они покидают спорную территорию с достоинством, оглядываются и обещают в следующий раз намылить своим недругам транцы. Но на сей раз уходят — таков неписанный закон.

По такому же закону полагалось выставлять для схватки «поединщиков» примерно равных по росту и силе.

Фрол сказал с коротким зевком:

— Давайте выставку. Чего всем-то мордоваться, у нас малой... — И кивнул на Савушку.

— У нас и того мельче, — сказал командир «корабельщиков». В его шеренге стоял «шкертик» лет шести, в громадных, аж «до самого пупа» сапогах и просторной рубахе. У него была круглая коротко стриженная голова, любопытные глаза и широкий улыбчивый рот.

А еще был среди «корабельщиков» мальчишка с рыжими локонами и веселыми бесстрашными глазами. Ростом с Колю. Они уже несколько раз переглянулись, и Коля обреченно почуял — это его судьба.

Мальчишка был отчаянно похож на всадника, который осенью мчался за поездом. И теперь он смотрел на Колю, как на знакомого. С насмешливым прищуром.

Длиннорукий спросил его:

— Бунчик, пойдешь?

— Как скажешь, — беззаботно отозвался рыжий (вернее, золотоволосый) Бунчик. Шагнул вперед и опять уперся взглядом в Колю. Тот заставил себя смотреть в ответ прямо и без боязни.

Бунчик прищурил один глаз. Спросил Колю:

— Ну, как? Будешь?

— Кольчик, давай, — ласково сказал Фрол.

Ему, Тимберсу окаянному, чего? Конечно, «давай»! А зачем? У Коли ну ни капельки злости к этому Бунчику нет! Наоборот... Им бы подружиться, а в спину говорить «давай»...

Вот так и солдаты, которые в мирное время могли бы стать друзьями, на поле боя кидаются друг на друга, потому что командиры отдали приказ...

А ради чего кидаться-то? Ради вот этого куса земли, на котором всем хватает места? Ради того, что на тебя смотрят «боевые друзья»? Ради того, чтобы не назвали трусом? Вот ведь жизнь какая — не хочешь, а идешь...

Коля встал перед Бунчиком.

Тот смотрел все так же прищуренно. Потом сказал:

— Где-то я тебя видел...

— А уж я тебя как видел... Сказать — не поверишь, — с грустной ноткой усмехнулся Коля.

— А ты скажи!

— Обойдешься! — Надо было как-то разозлить себя. Ведь сердце-то совсем непонятно где, а колени жидкие, как кисель.

— А по мо не на? — жизнерадостно спросил Бунчик. Это означало «а по морде не надо?»

— А по жо не хо? — с последними остатками мужества выдал ответ Коля. В полном соответствии со стилем и нравами «пушкарей» и «корабельщиков» (слышала бы Тё-Таня).

Бунчик толкнул его ладонями в грудь. Не сильно. Коля откачнулся, но не отступил. За ним стояли «пушкари», смотрели на него как на крепкую надежду. Коля кулаком слегка двинул Бунчика в плечо. Конечно, это была лишь разминка. Сейчас будет нешуточный ответный удар. Но...

Бунчик не бил в ответ. Не смотрел на Колю. Смотрел мимо него, вытянув шею и округлив глаза. Потом отчаянно крикнул:

— Не смей!

Коля рывком оглянулся.

Сзади, правее шеренги «Пушкарей», от бруствера в ров спускалась разбитая каменная лесенка. Наверху ее сидел на корточках «шкертик» в громадных сапогах. Он улыбался. Он только что пустил с ладоней по лесенке свою тяжелую находку. Ржавый серо-коричневый мяч, дюймов пяти в диаметре, неспешно прыгал по косым ракушечным ступеням. При каждом скачке раздавалось негромкое «туп...», «туп...», «туп...». Слышно было отчетливо, потому что наступила глухая тишина. Чем литое ядро отличается от круглой артиллерийской гранаты, знал каждый. Наверно, кроме «шкертика». На ржавом шаре мелькала крупная черная дырка.

Коля все видел очень замедленно. Каждая секунда растянулась в минуту.

Туп... Туп... Туп...

Внизу под лесенкой валялся сброшенный с лафета ствол чугунной карронады. Точно на пути у «мячика». Ракушечник — не очень твердый, а когда металлом о металл...

— Падай! — тонко закричал кто-то. Но упали только двое. Остальные задеревенели. Потом Коля увидел, как Женька Славутский (опять же очень замедленно) прыгает к карронаде, перевортывается через голову. Оказывается сидящим на пути у гранаты и мягко принимает ее в подставленные ладони, потом на грудь. И откидывается спиной к пушечному стволу...

Тишина лопнула, время побежало вскачь. К Жене подскочили. Он слабо улыбнулся:

— Могла ведь грохнуть...

Длиннорукий командир «корабельщиков» бережно взял у него гранату. Побаякал.

— Такой подарочек как рванет... Половину всех положил бы...

«А ведь правда!» — охом ахнуло все внутри у Коли. И сейчас уже не было бы ничего. Ни этого теплого весеннего дня, ни этого безоблачного неба, ни курчавой молодой полыни над откосом, ни громадных прогнив-

ших корзин с землей, из которых когда-то был сложен бруствер... Потому что не было бы его самого, Коли Лазунова... Может быть, в стихах Шарля Дюпона — правда? Предсказание судьбы...

В ушах продолжало стучать: «Туп... туп... туп...» Уже не скачущая граната, а сердце.

Бунчик вдруг поднял голову. Сказал плачуще:

— А ну иди сюда, балбес!

Это он «шкертику». Тот, путаясь в сапогах, начал виновато спускаться по ступеням. Коля вдруг понял, что это младший брат Бунчика. Не рыжий, но лицом похож...

Бунчик, натянув на ладонь рукав, вырвал шипастый прошлогодний чертополох с тяжелым глинистым комлем.

— Иди, иди...

— Не надо... — через силу сказал Коля. — Маленький же, глупый еще...

— Вот и надо учить, чтобы поумнел...

При молчаливом всеобщем понимании Бунчик взял приковылявшего «шкертика» за шиворот и комлем треснул его между лопаток. Не очень крепко, но все же так, что на рубахе остался отпечаток, похожий на рыжую звезду.

— В другой раз шкуру сдеру...

— Я думал, оно ядро, — обрадованно объяснил «шкертик», счастливый от того, что отделался так легко.

— Чем думал-то? По весу не чуешь, что ли? Ядро ты и не поднял бы, только в штаны бы наложил с натуги...

Командир «корабельщиков» все баюкал находку. Фрол наклонился над ней. Сказал озабоченно:

— Как теперь быть-то? Ежели оставить, кто-то снова отыщет... Может, рванем?

— А чего ж! Рванем, — согласился «корабельщик».

— В костре?

— С костром возни-то сколько! Цельный час лежишьверху транцем и боишься: грохнет или нет... Мы эту голубушку так, как ей привычнее... Подержи, пожалуй... — Он протянул гранату Фролу. Тот мягко, но безбоязненно принял ее.

Командир «корабельщиков» потянул из кармана широченных штанов серую веревку. Все сразу поняли, что это такое — пороховой шнур в нитяной оплетке. Вещь редкая и весьма ценная среди ребячьего народа.

— Режим у кого-нибудь найдется?

Женя протянул складной ножик, подаренный на Рождество Колей. «Корабельщик» отрезал кусок шнура длиной в пол-аршина. Возвращая ножик, вежливо сказал:

— Благодарствую.

Потом стал винчивать кончик тугого фитиля в запальное отверстие гранаты.

Коля смотрел не дыша. «А если она... прямо сейчас?..» Сердце ударилось о ребра все с той же тревогой. Но остальные следили без опаски, со знанием дела.

— Огонька, небось, надо? — сказал Фрол.

— А как же...

Фрол вытащил выпуклую линзу. После истории с пистолетом он всегда носил с собой зажигательное стекло. Не ледяное, конечно, а от старой подзорной трубы. Нацелился было на фитиль, но с опаской спросил:

— Запалим — и куда?

— Да вон же! — «Корабельщик» мотнул курчавой головой на каменный откос в дальнем конце рва. Там в желтом слоистом известняке чернели квадратные дыры, спуски в минные галереи, что вели когда-то навстречу врагу русские саперы. — Тут один колодец есть, прямо вниз. Зажем да кинем... Гляньте-ка сперва, нет ли кого близко.

Похожий на растрепанного воробья мальчишка взлетел по лесенке, крикнул оттуда, что никого.

Фитиль загорелся бездымно, раскидал красные искры.

— С дороги! — крикнул командир «корабельщиков». И длинными плавными прыжками кинулся к дырам.

«А если запнется?»

«Корабельщик» не запнулся. Замер на миг у откоса и бросил гранату в черную нору. Кинулся обратно.

— Бежим подальше! Падай! А то плюнет вверх осколки...

На этот раз послушались все. Упали среди пологих гряд кремнистой земли. Коля увидел у носа ярко-зеленые травинки. По одной шел черный блестящий жучок. И было тихо-тихо.

И долго было тихо.

Командир «корабельщиков» приподнялся на локтях.

— Вот подлая, неужели загасла... Ну да ладно, там её и так никто не найдет. Глубина такая, что...

В это время под землей словно подавилось горячей кашей громадное чудовище:

— Кха!..

Всех потрянуло, из колодца высвистнуло горячим ветром куски щебня. Они взлетели вертикально и никого не задели. Снова упала тишина.

Все поднялись. Командир «корабельщиков» отыскал глазами Славутского.

— Тебя как звать-то?

— Женя, — сказал тот вполголоса.

— На-кось... — «Корабельщик» протянул ему блестящую бляшку на цепочке. На серебристом металле отчеканены были полумесяц и звезда. То ли орден, то ли знак какой-то. Видать, турецкий.

— Да что ты... Зачем?

— Держи, — строго сказал «корабельщик». — Кабы не твое геройство, мы сейчас, может, руки-ноги друг дружки по камням собирали бы.

У Жени зарозовели щеки.

— Да какое геройство... Я весь обмер. А потом меня будто толкнул кто-то...

— Тебя же ведь толкнул, а не кого другого... — вдруг сказал Бунчик. — Бери... — После этих слов он притянул к себе братишку (хотя и дал ему при этом легкий подзатыльник). Тот прижался к Бунчику с запоздалым испугом. А Савушка — к Федюне (Коля мельком отметил это). Женя, что-то смущенно бормоча опустил награду на цепочке в карман курточки.

Командир «корабельщиков» поскреб курчавый затылок и вздохнул.

— Вы, ребята, теперь не бойтесь нигде ходить. Наши вас никогда не тронут.

— А кто боится-то! — вскинулся Макарка. — Ибрагим, разве мы боимся?

— Зачем спорить, — сказал Ибрагимка.

— Вот и ладно, что не боитесь, — покладисто отозвался командир. — И дальше не бойтесь. Ходите по нашей земле хоть до самой Килен-бухты.

— А вы по нашей. Хоть до Херсонеса, — сказал Фрол.

— А то чего делим-то? — вдруг вставил слово тихий большеглазый мальчонка чуть помладше Коли и Бунчика, — Может, гибель свою...

До сих пор он молчал, а тут — надо же такое! У Коли опять холод по сердцу...

И все притихли на минуту. Потом командир «корабельщиков» сказал «Ну, бывайте...», и обе команды разошлись по своим сторонам.

После они еще не раз встречались в здешних местах и, конечно, не было уже никаких споров. С другими компаниями случалось по-всякому, а с этой всегда говорили по-приятельски. Иногда обменивались новостями. Рассказывали про самые интересные находки и про глупых иностранцев, мало что понимающих в товаре. Говорили о счастливых случаях, которым удалось отыскать в земле несколько французских серебряных монет «во-от с такую медаль». А Бунчик однажды поведал историю, как его знакомый мальчишка, что жил в хибаре у старого водопровода в Аполлоновой балке, в «том годе, по весне» отыскал среди осыпей Второго бастиона золотую иностранную табакерку.

«Пушкари» засомневались. Мол, ежели это по правде, то такой случай стал бы скоро известен всему городу. Бунчик засмеялся:

— Так отец-то с маменькой у него не дурные же. Велели ему молчать накрепко и сами никому ни слова. Однако же на деньги с той табакерки строят теперь новый дом...

Эта история повернула Колины мысли опять к поиску клада. Вдруг все же удастся помочь Маркельчу? Но Фрол, как и в прошлый раз, заявил, что искать золото в трюме — дело совершенно глупое.

— С той же пользой, что у себя под кроватью...

Женя, однако, вступился за Колю.

— Ты, Тимберс, какой-то скучный. Как услышишь про что-то интересное, сразу норовишь этот интерес развеять.

— Ну, ищите, ищите, — хмыкнул Фрол. — Только сперва узнайте: правда ли, что макеевский тендер тот самый «Македонец». Что-то у меня такой веры нынче нету...

— А давайте спросим деда! — вмешался Федюня. — Он про многие корабли все знает досконально. Может, помнит и про «Македонца»!

Дед Федюни и Савушки Евсей Данилыч был в свое время марсовым на линейном корабле «Двенадцать Апостолов». В феврале пятьдесят пятого года, когда «Апостолам» пришлось занять место во второй линии затопленных кораблей, Евсей Карпухин с остатками команды перешел на бастионы и там весною был ранен в ногу. С той поры нога плохо сгибалась. Таким образом отставной квартирмейстер Данилыч пополнил армию хромых и безногих ветеранов, которых в соотношении с другими жителями было в городе почему-то очень заметное количество.

Сделавшись отставником, Евсей Карпухин быстро состарился. Бакенбарды его стали растрепанными и редкими, светлые глазки под косматыми бровями слезились, крепкий большой нос превратился в мягкую пористую грушу. Дед часто кашлял, виновато улыбаясь при этом и открывая редкие прокуренные зубы. Однако силы не потерял.

У всех таких инвалидов путь был один — в яличники. И всем хватало работы, потому как в городе, изрезанном длинными бухтами, яликов нужно множество, даже если население совсем небольшое...

Евсей Данилыч, однако, общим путем не пошел. Руки у него были умелые, способные к тонкой работе. Начал он резать из грушевого корня курительные трубки, плести для хозяек узорчатые корзины, мастерить всякую мелочь для кухонного хозяйства. Все это добро его дочь, мать Федюни и Савушки, неплохо продавала на рынке, а порой и на пристанях — заезжим иностранцам. Такой доход был совсем не лишней, потому что отцу ребятишек, матросу с парохода «Благодарение», что ходил от здешнего порта до Одессы, платили не густо.

Однако с прошлой весны дед Евсей Данилыч почти оставил свой промысел и занялся делом, на первый взгляд совсем не прибыльным и даже ребячьим. Начал он мастерить корабль саженной длины. По-умному говоря, модель. И не просто безмянный корабль, а свои «Двенадцать Апостолов», которых помнил до самой малой досочки, до последнего нагеля в обшивке (так он утверждал).

— С этой памятью возведу я корабль с достоверностью, мне и бумаг никаких с чертежами не требуется, — говорил он внукам слегка самодовольно. — И пус-

кай люди после меня знают, какой он был, наш корабль, в полном соответствии с натурой...

Коля с приятелями раза два уже был у Евсея Данилыча, разглядывал наполовину готовую модель. На первый взгляд она казалась даже не наполовину, а вовсе готовой. Но требовалось смастерить еще множество мелочей для корпуса и оснастки, выточить и расставить по орудийным палубам пушки, сшить и подвесить к реям паруса, протянуть немало тросов бегучего такелажа...

Евсей Данилыч работал в каменной пристройке, которую, конечно же, именовал кубриком. В кубрике был для ночевки широкий топчан, для тепла — железная печка, для гостей — сиденья-чурбаки, напыленные из утлегаря шхуны «Каламита», что в позапрошлом году раздолбало штормовой волной о камни прямо на внутреннем рейде, у Павловского мыса.

Ребята рассаживались на чурбаках, а Евсей Данилыч заводил какую-нибудь историю.

Самый любимый рассказ деда был про то, как сопротивлялся затоплению его родной корабль «Двенадцать Апостолов».

— Это князь Меншиков, не к ночи будь помянут, надумал таким путем загородить рейд. Сперва одну линию затопили, а после и вторую — между Михайловской и Николаевской батареями. Владимир Алексеич Корнилов, он геройский был адмирал, ни за что не хотел флоту такой погибели, говорил: «Выйдем на открытую воду и схватимся с врагами по-честному, как того велют морские законы. Или победим, или погибнем честно для славы русского флага...» Только не все командиры его поддержали. По правде говоря, даже Павел Степаныч с ним не согласился, хотя была у них крепкая дружба. Мол, погибнуть дело не хитрое, а кто же тогда будет защищать город? Враг войдет беспрепятственно, потому как светлейшему князю со своей сухопутной армией против союзников ни за что не устоять, город-то был открытый, бастионы еще не построены...

Ну и начали топить корабли. Слезы слышны по всем берегам, народу собралось видимо-невидимо... Это сейчас в городе безлюдье, а в ту пору было тут населения почитай сорок тысяч... И вот все сорок тысяч — в плач. А морякам какой выход? Приказ есть приказ. Прорубают днища. Корабли один за другим идут на дно. Как есть с пушками, с припасами, потому как выгружать было некогда, опасались, что враг вот-вот начнет вторжение...

Ну, значит, все назначенные корабли и фрегаты уже ушли на дно, только «Три Святителя» никак не хотят тонуть. Еле покончили, утопили пушками с «Громононца».

А мы на «Апостолах» думаем: «Господи, неужели и наша судьба будет такая же? Ведь и повоевать не успели как следует». Потому как не повезло нам перед Синопом, не успели попасть туда из-за открывшейся течи...

Поставили нас у входа в Южную бухту. Вскоре началась бомбардировка, та, в которой погиб Владимир Алексеич Корнилов. Нам же опять с врагом сражаться неспособно, закрывают его от нас берега да наши же позиции. Матросы чуть не плачут. А командир говорит: «Не горюйте братцы, скоро свезем пушки на сушу и сами пойдем на батареи, там успеем посчитаться с неприятелем». Так оно и вышло. Почти все ушли с орудиями на берег, лишь самую малость от команды оставили, несколько десятков из тысячи человек. И я в это число попал. Просился тоже на бастионы, да офицеры говорили: «Надо кому-то и за кораблем смотреть. А тебе, Данилыч, и побережь себя не грех, в годах уже, сверх срока служишь»... А на корабле в ту пору был плавучий госпиталь...

Обидно мне — товарищи бьются, будто сам наш корабль весь в сражении, а я, значит, вроде милосердной сестры... Но пришел и наш черед. К зиме те суда, что были затоплены, разболтало, ослабла их линия. И решили устроить вторую, ближе к Южной бухте. Туда-то назначили и наш корабль...

Ну, все исполнили, как приказано: спустили стеньги, подпилили шпангоуты, прорубили днище... Все другие корабли, кто был в линии, ушли на дно, а наш никак. То же, что в прошлый раз со «Святителями». Мы-то, конечно, уже на берегу, смотрим с Павловского мыса, как наш корабль, будто живой страдает, погибать не хочет, и сами мучаемся, будто все наши души там остались.

Подошел пароход «Владимир», начал бить по кораблю из пушек, да проку никакого. И тут вспомнили матросики, что в жилой палубе, где прежде был лазарет, осталась икона Николая Чудотворца. И пошел разговор: потому, мол, и не тонут «Апостолы».

Тогда старый мой товарищ, Арсений Гуциков, и я пошли к командиру: «Дозвольте, ваше высокоблагородие, сходить до корабля, снять с него святой образ». Капитан-лейтенант, что в ту пору был за главного, отвечает: «Да ведь потонет! Он вот-вот ко дну пойдет!» — «Никак нет, ваше высокоблагородие, не потонем, не сумлевайтесь! А чудотворную икону оставлять мыслимое ли дело!» Он и отпустил.

Поплыли мы, а зыбь с моря шла немалая, еле выгребли да чуть не задубели от брызг. Ну зацепились за брошенный трап, Арсений — наверх, а я жду. Скоро он вернулся с иконой, слава Спасителю... Только отошли мы, как слышим бурление воды, будто кто рыдает во много голосов. Смотрим: пошел наш корабль ко дну... Лучше бы и не видеть такого... — Тут Евсей Данилыч всякий раз промокал суконным обшлагом глаза, а ребята деликатно вздыхали и смотрели вниз. Дед, шумно подышав и покашляв, заканчивал:

— На берегу, ясное дело, распределили нас по разным бастионам. Образ чудотворный оказался, говорят,

на Третьем, с нашими товарищами. А мы с Арсением попали на Пятый. Там его и убило штуцерной пулей у меня на глазах... — Старик быстро крестился на блестящую в углу иконку. — А я вот уцелел... Как я полагаю, неспроста уцелел, а отпущено мне время, чтобы построить мою модель в полном совершенстве. На память всем, кто будет дальше служить на море. Потому как был это один из самых лучших кораблей в российском флоте, красавец. Одно время сам Павел Степаныч на нем свой флаг держал, да...

Потом Евсей Данилыч запальчиво кричал и воинственно поглядывал сквозь открытую дверь, в которую со двора доносился голос его дочери, скликавшей кур. И назидательно обращался к внукам:

— А то, что ваша маменька, почтенная Евдокия Евсеевна, говорит, будто занят я ребячьей забавой, так вы эти слова принимайте с поправкой на ее непонимание. Моей работой интересуется сам капитан второго ранга Николай Иваныч Костомаров, тот что на Четвертом бастионе командовал передовой батареей. Видели небось ее остатки?.. Николай Иваныч нынче в бывшем доме Эдуарда Иваныча Тотлебена собирает всякие предметы, имевшие касательство к нашей обороне, и устроит потом их всеобщее обозрение. И говорил мне уже не единожды: «Твой корабль, Евсей Данилыч, будет там главным украшением»...

После этого дед раскуривал трубку (вроде той, что у Фрола), пускал к потолку синие клубы, и дым этот был похож на дым от залпов корабельных орудий.

Модель стояла посреди кубрика на обширном столе. Ее освещало не только бьющее в окно солнце, но и два корабельных фонаря, которые старик часто не гасил даже днем. Он считал, что смесь дневного и фонарного света лучше высвечивает корабль со всеми его деталями.

Один фонарь стоял на полу и бросал желтые лучи вверх. Тени рангоута и такелажа падали на стены запутанным рисунком. Это был фантастический корабельный узор. В движении синего дыма он казался живым. Словно еще один корабль — невесомый и громадный — возник здесь и, раздвинув пространство, прошел сквозь стены.

Женя сказал однажды, что ради одной этой картины он готов бывать у Евсея Данилыча каждый день...

Колю и Женю Евсей Данилыч отмечал особо — за их понимание корабельного устройства и за то, что они по его просьбе выточили четыре фигурных столбика для подставки модели (у деда токарного станка не было). На вопросы их отвечал охотно и обстоятельно. И сейчас, шагая с приятелями с Четвертого бастиона, Коля удивлялся себе: почему он до сих пор не догадался расспросить старика о «Македонце»? Ведь Савушка еще зимой, в погребке, советовал сделать это, но-потом, за другими делами, как-то выскочило из головы...

На этот раз к Евсею Данилычу пришли четвером: два его внука, Женя и Коля. Когда расселись на чурбаках, Коля сразу взял быка за рога:

— Евсей Данилович, правду ли говорят, что тендер «Курган», который у Федоса Макеева, это тот самый «Македонец», которым командовал лейтенант Новосильцев?

Дед покашлял, обстоятельно обдумывая ответ. Пошвелпил клочкастыми, как пакля, бровями.

— По всем данным, так оно и есть, — наконец веско заявил он. — Их два таких было. Один назывался «Луч» и шибко пострадал в одна тыща восемьсот тридцать восьмом году. Командовал им тогда капитан-лейтенант Панфилов, который потом, к осаде, был уже контр-адмиралом... Стоял этот «Луч» у абхазского берега, и случилась тогда небывалая буря, при которой погибло не одно судно, выкинуло их на сушу. И такие тут напасти: с одной стороны свирепое море, с другой черкесы нападают безжалостно. Ну, отбились наши, однако. А тендер потом сняли с мели, да только после того был он уже не такой хороший ходок, как прежде... Я к чему это говорю? К тому, что «Луч», а потом «Македонец» считались в свое время самыми скорыми среди тендеров. Было у них одно заметное отличие. Обычно у военного тендера форштвень отвесный, прямой, и бушприт от него идет вот так... — Евсей Данилыч сухой ладонью повел над краем стола. — Говоря по-умному, горизонтально... А у «Луча» и «Македонца» форштвени были изогнутые, будто глядящие вперед, и бушприты ноками своими глядели малость вверх. Потому, как мне думается, и скорость у них была поболее остальных...

— А ведь на «Кургане» форштвень тоже выгнутый! — радостно подскочил на чурбаке Коля. — Я видел! «Курган» стоит в Артбухте!

— То-то и оно. «Луч» до осады не дожил, значит, «Курган» никто иной, как «Македонец» и есть... Я вот думаю, что ежели Федос решит свое судно продавать на слом, надо его уговорить, чтобы снял штурвал и всякие мелкие вещи да отдал его высокоблагородию капитану Костомарову для выставки...

— Да зачем же на слом-то! — опять подскочил Коля. — Маркелыч сказывал, что «Курган» еще крепкий. Его бы только в надежные руки... Может, Маркелыч накопит денег да купит.

— Эх-хе-хе... — с сомнением покашлял дед.

— Евсей Данилыч, а правду говорят, что лейтенант Новосильцев отыскал английское золото? — осторожно спросил Женя.

Старик покашлял опять.

— Мало ли чего болтают... А вы неужто решили это сокровище отыскать? Пустое это дело, ребята, на таких находках счастья не сделаешь. Деньги, они труд любят, их надо зарабатывать, а не из тайных мест выколупывать... Вот так-то, любезные «пушкари»...

Мальчишки молчали, виновато посапывая. Потом Савушка засмеялся:

— Дедушка, мы «пушкари», а ты «корабельщик», хоть и живешь на нашей стороне. Потому что строишь корабль...

— Оно так, — усмехнулся дед. — А вы с «корабельщиками», небось, всё войну ведете?

— Не-е, мы нынче с ними помирились, — радостно сказал Савушка. Федюня толкнул его ногой: «Не вздумай про гранату...» Савушка послушно примолк.

Коля хотел еще расспросить Евсея Данилыча про трюмников, но не решился. Старый матрос лицом сам похож был на трюмника — так вдруг подумалось Коле. В самом деле, если вечером в бане глянет из-за печки такая голова — ну, в точности трюмник. Коля поежился. И с досадой сказал себе: «Опять ты со своими дурацкими страхами...».

И еще один страх сидел в нем — оставшийся после взрыва. Сидел в душе, как холодная колючка. Но вместе со страхом была и гордость. Ведь то, что случилось, немного походило на войну, и на этой войне он, Коля Лазунов, вел себя без открытой трусости. Конечно, не с тем героизмом, что Женя, но и не хуже других.

Горох и пули

Фрол соорудил гальваническую батарею.

Как батарея устроена, Фрол в подробностях не объяснял. Где взял нужные для нее вещества и предметы, он тоже не говорил, только хитро хмыкал. В большой стеклянной банке бултыхалась прозрачная жидкость, в ней видны были две металлические пластины. Разглядеть их как следует было невозможно, поскольку банку для безопасности оплетала густая веревочная сетка. От пластин через широкую деревянную пробку шли наружу две проволоки.

Когда Фрол соединял концы проволоки, между ними проскакивала синяя трескучая искра. Мальчишки совали к проводам палец и ойкали — ударяло как горячей иглой. Коля тоже сунул. Не хотелось, да что делать-то? Нельзя же быть боязливее всех...

А Саша совать палец не стала («страх такой»). И Савушка не стал. Сказал «нема дурных». И Коля подумал, что Савушка умнее всех.

Фрол поглаживал банку.

*У меня искра,
Воевать пора, —*

поговаривал он тем же тоном, что и любимые слова про пистоль.

С помощью искры было решено взорвать фугас на пустоши недалеко от Пятого бастиона. Точнее — перед остатками люнета Белкина. Так же, как случилось это в последние дни осады, при штурме со стороны

союзников. Тогда союзники (те, кто уцелел) драпали от люнета что было сил...

Впрочем, военные события часто перепутывались в памяти. Даже у взрослых перепутывались, а что говорить о ребятах, которых при осаде не было еще на свете или только-только родились. И не мудрено, что нынешняя мальчишечья игра у бывшей первой дистанции оборонительных укреплений включила в себя совсем разные бои: не только день последнего штурма, но и начало осады, когда случилось Инкерманское сражение.

В тот день для отвлечения сил противника Минский пехотный полк под командованием генерала Тимофеева выступил с Шестого бастиона и стремительно двинулся к французским батареям на горе Рудольфа. Ворвались на батареи, стали заклепывать орудия, разгорелся нешуточный бой. Весь французский корпус генерала Форе поднялся по тревоге.

Что один полк перед корпусом! Минцы сделали свое дело, генерал Тимофеев приказал трубить отход. Послушались не сразу, очень уж горячая была схватка. Но все же приказ есть приказ, начали отступать. Горячий генерал Лурмель со своей бригадой бросился преследовать русских. Себе на беду. Французы попали под огонь Шестого бастиона и Шемякиных батарей и потеряли чуть не половину бригады. И генерала потеряли...

Теперь же, в игре, получилось, что русских преследуют сразу два генерала — Лурмель и Трошу (который когда-то атаковал люнет Белкина). Русские отступали, огрызаясь огнем. С криками «ура» переходили в контратаки. Отбивали воображаемого врага деревянными штыками...

Это была славная схватка... Конечно, настоящая война — дело кровавое и вовсе не веселое, но игра в войну — это совсем другое. Убивают-то не по правде! И если когда-нибудь люди наконец догадаются прекратить войны на всем белом свете (Коля был уверен, что это случится скоро), мальчишки будут играть в сражения еще долгие века. Потому что здесь и горячий азарт атак, и постоянные победы! А если под ногами взорвалась песочная бомба или уткнулся в грудь картонный меч — что такого! Полежал на траве, притворившись убитым, несколько секунд и снова вперед!.. И Коля вместе с остальными не жалел сил, раскидывая вокруг себя сделанных из воздуха интервентов.

— Заманивай их, братцы! — кричал Фрол, размахивая пистолетом. Он уже дважды выпалил из него без боязни, поскольку известно было, что околоточный надзиратель Семибас нынче в отлучке.

И «братцы» заманивали солдат Лурмеля и Трошу на пустырь перед рвом у люнета Белкина.

Саши среди воюющих, конечно, не было. Не женское это дело ходить в штыковые атаки. Коля предлагал Саше сделаться сестрой милосердия, но она отказалась. Какая радость сидеть в блиндаже и слушать от-

даленные вопли скачущих среди камней и груд мусора вояк! Лучше она будет читать журнал «Земля и море» — там столько всего интересного, что он кажется бесконечным...

Зато, кроме обычной компании Фрола, в сражении участвовали и другие мальчишки. В том числе Мешок, Митя Дымченко и конопатый Артемка Горох. А Ибрагимки не было. Он отнекивался от таких игр, ссылаясь на множество дел в лавке у деда...

«Минский полк» наконец заманил противника на поле с фугасом. Фугас был сделан из нескольких картузов орудийного пороха, добытого в известных лишь мальчишкам артиллерийских погребах. Сверху картузы затвердели от старости, но под этой коркой порох был вполне годный.

Заряд был еще перед игрой зарыт в землю и завален всяким мусором и щебенкой. Провода протянуты в ров. Банка-батарея спрятана среди камней. Запыхавшиеся мальчишки с разбега попрыгали с невысокого каменистого обрыва.

— Никому не высовываться! — приказал Фрол (или генерал Тимофеев, или генерал Тимберс — как хотите). Взял в руки провода, встал на камень, выглянул наружу. — Враг приближается... Подпустим ближе... Огонь! — Он пригнулся и свел концы.

На пустыре громко ухнуло. Земля толкнулась. Над головами свистнули камни. Ребята повыскакивали из рва. Над землей стоял высокий дымный столб. От закатных лучей он казался рыжим. В отдалении кричала дурным голосом чья-то перепуганная взрывом коза.

Фрол стал прямо и вытянул шею.

— Генерал Лурмель убит, — строго и сумрачно сказал он. — Это был храбрый противник... — И Фрол приложил два пальца к своей рваной суконной шапке.

— А он по правде убит? — шепотом спросил Савушка.

— Да, — таким же шепотом отозвался Женя Славутский. — Только не сейчас, а давно, не бойся.

Фрол вытащил из-за пазухи пистолет и третий раз разрядил его в воздух (когда только успел зарядить?) Видимо, это был салют по храброму французскому Лурмелю.

На этом сражение кончилось. Наши победили, и можно было расходиться по домам. Сразу все поскуцнели. Дома всех ждали привычные заботы. А Фрола еще и крики матери, что «опять где-то цельный день болтался, байстрюк окаянный, вместо того чтобы матери помочь» и что «вымахала орясина ростом с отца, а все ишло с ребятишками скачет, как шалая коза с колючкой под хвостом»...

Коля пошел проводить Женю до лестницы, что вела вдоль стены Седьмого бастиона к рынку и Городскому оврагу. Поздно уже было, но сейчас, после недавней боевой горячки, Коля не чувствовал привычных опасений.

Женя тоже был доволен недавним сражением. Вроде бы вовсе мирный по характеру, а сегодня тоже развоевался. Он сказал:

— Хорошо поиграли, да?

— Хорошо. И рвануло здорово. Погромче того раза, на Четвертом... Женя, знаешь что?

— Что?

Коля сказал наполовину дурачась, а наполовину всерьез:

— Когда будем воевать в другой раз, ты возьми свой барабан. Под барабанный марш ходить в атаку не в пример веселее...

Женя принял это всерьез. И всерьез вздохнул:

— У меня уже нет барабана.

— А куда девался?

Женя быстро глянул на Колю и стал смотреть под ноги. Ответил с полуулыбкой:

— Подарил. Вместе с палочками...

— Кому?

Женя искоса взглянул опять.

— Ты не поверишь, наверно... Барабанщику... Тому саму, французскому...

— А! — засмеялся Коля. — Шутишь!

Женя вздохнул снова:

— А вот и не шучу... Я недавно шел из вечерней лавки, Лена посылала за солью, сумерки уже были... Я решил сократить дорогу, проскочить сквозь разбитый дом купца Шагаева. Прыгнул в окно, прошел к другому, смотрю, а он сидит на подоконнике. Я сразу понял, что это он, потому что мальчик вроде нас, но в мундире. Белые ремни крест-накрест и пуговицы в два ряда блестят... А волосы длинные, почти до плеч... Смотрит и молчит, глаза еле видны.. Ну, мне, по правде сказать, слегка страшновато стало...

«Слегка!... — ахнул про себя Коля. — Я бы умер на месте!.. Ох, да это ведь просто сказка. Женяка придумывает, будто рисует картину...»

— И что дальше? — спросил он небрежно, хотя по спине уже гуляли сотни колючих мурашек. Бессовестный он, этот Славутский! Нашел время сочинять такие истории!

— Дальше?.. Мы смотрим друг на друга и молчим. Потом он говорит: «Здравствуй... Ты меня не бойся». Я говорю: «Здравствуй... Не нашел еще свой барабан?» Он головой покачал: «Не нашел... Теперь, наверно, никогда не найду. Так и буду маяться до конца времен». И вдруг заплакал. Тихонько так, почти незаметно... Знаешь, мне так жалко его стало... «Посиди здесь, — говорю, — не уходи, я сейчас...» Побежал домой, схватил барабан — и обратно... Прибегаю, а он сидит, ждет. Я ему протянул барабан: «Вот... Может, пригодится? Он не такой большой, как настоящий, зато палочки хорошие...» Видел бы ты, как он обрадовался! Схватил его, надел на плечо поскорее. «Самый подходящий! Спасибо, товарищ! Храни тебя Бог!» Махнул рукой и пропал...

— Как же ты с ним беседовал? — ослабевшим голосом спросил Коля. Не для того, чтобы уличить Славутского, а желая успокоить себя. — Ты не знаешь французского, а он едва ли говорит по-нашему.

Женя сбил шаг.

— А ведь правда... Я и сам не понимаю, как... Но разговаривали! Вот как мы с тобой сейчас...

Конечно, это была Женякина сказка. Немного печальная и, если бы днем, то очень даже славная. Но сейчас, как всегда при мыслях о темных развалинах, стало Коле тошновато. А Женя, видать, не почуял его страха. Сказал: «Ну, до завтра», и запрыгал вниз по ступеням.

С верхней площадки лестницы Коля помахал Жене вслед и торопливо зашагал к дому.

Солнце к тому времени быстро свалилось в море, и закат раскинул в полнеба разноцветные перья. Прекрасный закат! Ну, прямо для какой-нибудь Женякиной картины!.. Только эта красота мало радовала Колю. Огненные перья стремительно тускнели, из переулков стекались лиловые сумерки.

Коля до сих пор не мог привыкнуть, как быстро здесь наступает после захода солнца темнота. Над Петербургом зори всегда тянулись часами. А тут, у южного моря, несколько минут закатных красок — и сумрак!

И Коля оказался в этом сумраке.

Нет, кромешной тьмы, конечно, не было. Смутно светились побеленные изгороди. Даже разбитые, пустые дома отражали остатки рассеянного света, потому что сложены были из белого инкерманского камня. В отдалении светились два желтых окошка. В небе разгорались звезды. Да много ли проку от этих окошек и звезд!

Все страхи сразу ожили в душе у Коли. И каждый шаг он теперь делал с усилием, как среди черной душевой ваты. А потом остановился совсем — укрылся в нише глубокой, прорезанной в ракушечнике калитки. Потому что впереди, там, где окна, мелькнули невысокие тени. Может быть здешние псы, а может быть... Если собаки, то ладно. Они добродушные, а некоторые даже и знакомые. Но от собак бывает хоть какой-то шум, а тени скользнули беззвучно.

Может, трюмники?

«А что они тебе сделают? — попытался образумить себя Коля. — Они же безобидные и к людям относятся по-хорошему!» Но сердце ухало как припадочное. Оно боялось не какого-то определенного зла, а замирало перед неведомым...

Калитка, в которую Коля вжимался спиной, была целая. Но двор за ней — заброшенный, и дом в нем — пустой, с проваленной крышей. И в той заброшенности тоже мог бродить *кто-то*... Эта мысль как бы толкнула Колю в спину. Он на цыпочках побежал через кремнистую дорогу, зацепился сапожком за камень, упал, расшиб колено, расцарапал ладони, вскочил и спрятался

у другого забора. Но забор был светлый, и, разумеется, Коля был виден на нем всем ночным существам, которые водились здесь...

Презируя и ненавидя себя, Коля свернул к узкому каменному трапу, чтобы оказаться ниже по склону. Там тянулась Ростиславская улица, где большинство домов были обитаемы и можно было встретить не трюмников, не духов, а настоящих людей.

Нет, людей не оказалось и здесь, но окошки светились во многих местах, и сердце стало колотиться по-слабее. Правда и по этому пути Коля шел с великой опаской, часто замирал у калиток. Но все же приближался к своему Косому переулку. Скоро повезло — подбежал из темноты знакомый кудлатый пес Нагель. Сперва напугал, потом обрадовал. Коля ухватил Нагеля за густую шерсть загривка и с таким вот безбоязненным спутником добрался наконец до своей калитки.

— Наконец-то!.. Силы небесные, на кого ты похож! Где ты был?!

Вот ведь одно невезенье за другим: Тё-Таня уже дома!

— Я гулял...

— Я понимаю, что не уроки учил! Где ты гулял и почему до такого времени?

— В войну играли. Потом Женю проводил... Я разве виноват, что солнце садится в одну минуту? — сказал Коля тетушке. А себе мстительно добавил: «Вот тебе твоя дурацкая трусость. Сейчас расплачивайся...» И почувал, что расплата, кажется, и правда не за горами. Потому что Татьяна Фаддеевна смотрела странно. Очень странно.

— Значит, виновато солнце?

— Ну... не только. Я тоже виноват... — На всякий случай он решил не ершиться (к тому же ведь и вправду виноват). — Тё-Таня, я впредь буду внимательней следить за временем...

— Полагаю, ты станешь очень внимательным... после того примерного наказания, которое получишь сегодня. Потому что у меня кончилось последнее терпение.

У Коли охнуло под сердцем. Или под печенкой, не разберешь. «Вот оно... Достукался». И главное, не было ни сил, ни слов для противодействия. Только все более, как тяжелая жидкость, наливалась в него виноватость. «Так тебе и надо!.. Может, хоть это выбьет из тебя наконец всю твою трусость!»

— Ты слышал, что я сказала?

— Да, — грустно отозвался он. И попытался спрятать обмирание за последней капелькой юмора: — Вы, верно, опять про метод Пирогова?

— К сожалению, нет. Я поняла, что у меня не поднимется рука... Я просила научить тебя уму-разуму Бориса Петровича, но он почему-то отказался...

— Ну и правильно! — вскинулся Коля. — Разве он имеет право? Он же все-таки не родственник!

— Что значит «все-таки»?!

— Ну... то и значит. А как же вы собираетесь... учить меня уму-разуму?

— Как скверного и упрямого мальчишку, которого, к сожалению, некому выдрать! Ты будешь два часа стоять в углу! На коленях!.. — Видимо, тетушка совсем недавно придумала этот метод воспитания и теперь вдохновлялась на ходу. Добавляла подробности: — Да! И не просто так, а на сухом горохе. Голыми коленями... Как ленивый и непослушный деревенский школьник.

Это был все-таки не «метод Пирогова»! В облегченной Колиной душе опять шевельнулась искорка смеха.

— У нас же нет гороха.

— Есть у Лизаветы Марковны. Ты пойдешь к ней и попросишь две горсти. И скажешь, зачем. Пусть она и Саша знают, чего ты добился своим поведением.

Этого еще не хватало! Вот стыд-то!

— Тё-Таня! Лучше уж не на горохе! Лучше... вот на этом! — Коля полез в карман когда-то новеньких, а теперь уже обтрепанных штанов (они уже не застегивались под коленками, потому что «гудзики» отлетали, сколько тетушка ни пришивала). Нащупал горстку пуль — круглых и «минек». Протянул на ладони.

Татьяна Фаддеевна возвела брови.

— Разве это лучше, чем горох?

— Ничуть не лучше, даже больше. Но зато... как-то достойнее. Будто расстрел вместо повешенья...

У тетушки дрогнули губы. Она зажала поехавшую улыбку и отвернулась.

— Ты... совершенно несносное создание... На сегодня ты лишаешься ужина! Умывайся и немедленно марш в постель. Никакого чтения, никаких игр. Саше я скажу, чтобы не приходила. Будешь лежать и размышлять о том, как исправиться...

— Но еще же только девятый час!

— Предпочитаешь стоять в углу?

Коля засопел и стал стягивать сапожки.

— Что у тебя с чулками? Почему опять дыры на пятках?

— Я, что ли, нарочно их дырявлю? Если хотите, могу босиком гулять. Многие уже так гуляют...

— Твоя деградация идет с нарастающей скоростью, — скорбно сообщила Татьяна Фаддеевна. — Известно тебе, что такое деградация?

— Известно... — буркнул Коля. — Воды-то хотя бы можно попить?

— Можно. И немедленно стели постель. А я уйду и вернусь после полуночи.

— Надеюсь, доктор проводит? — дернуло за язык Колю.

— Ты глупый мальчишка! Я иду к Лизавете Марковне. Она хочет научить меня новому сложному пасьянсу. Вернее, гаданию... А ты... надеюсь, для человека, который болтается в темноте по улицам, не будет ка-

заться страшным провести вечер одному в собственном доме?

— Ни в малейшей степени, — тем же тоном отозвался Коля. После уличных страхов собственный дом ему и в самом деле казался безопасным. Так что напрасно тетушка думает, будто одиночество станет для него дополнительным наказанием.

Когда он лег, Татьяна Фаддеевна задула на столе лампу.

— Оставить в моей комнате свет?

— Как хотите, — самым безразличным тоном отозвался Коля.

Она оставила. И ушла, сухо сказав «покойной ночи». Щелкнул на двери внутренний замок новейшей английской конструкции. Коля натянул до носа одеяло и стал смотреть в потолок. И думать о всем случившемся.

Что же все-таки делать-то?

Почему он такой трус?

Так невозможно жить дальше. Уже и мальчишки догадываются и, скорее всего, знает про его страхи и Саша. Сколько же можно так существовать? До старости, что ли?.. А как вылечиться?

В глубине души Коля даже сожалел, что тетушка не решилась, а доктор отказался применить крайние меры. Может быть полноценная вздрючка выбила бы из него всю недостойную мужчины боязливость? В конце концов, не зря же придуманы наказания... И ведь именно из-за своего дурацкого страха он слишком поздно пришел домой!

«Сейчас ты получишь то, что заслужил», — мрачно пообещал себе Коля. Встал с постели. В углу под горячей лампадкой разложил на половицах пули — близко друг другу, двумя аккуратными блинчиками, под оба колена.

«Будешь стоять два часа!»

Он опустился коленями на пули, подпернув ночную рубашку... О-о-ой! Какие там два часа! И двух минут не выдержишь! Лучше бы уж прут, им хоть быстро... Свинцовые зубы безжалостно вгрызлись в коленные чашечки. «Стой, негодяй! Сам виноват!...» Но терпеть не было сил. Коля вскочил. Впившиеся в кожу пули отвалились и застучали об пол. В глазах стало сыро... И сделалось вдруг очень стыдно. Потому что увидел себя как бы со стороны. Съезженного, в рубахе до щиколоток, изъеденного, как морским червем, страхами всех сортов и размеров... До чего же это глупо! Разве стоянием на коленях изменишь свой характер? И битьем не изменишь...

Было лишь одно средство — то, о котором Коля догадывался давно, и о котором боялся думать всерьез. Потому что знал: на такое он не решится никогда в жизни.

Это он раньше думал: никогда в жизни. А сейчас понял: пришла пора. Надо было стиснуть зубы, скрутить душу и отчаянно пойти навстречу страхам. Чтобы наконец сделаться сильнее, чем они. Чтобы не томить-

ся каждый день от мыслей о предстоящем. Чтобы не слабеть от предчувствия выдуманных бед. Чтобы не бояться города, который любишь. Потому что нельзя же так — и любить, и бояться!..

Коля сел на постели. Потер колени, вздохнул. Скинул ночную сорочку и стал одеваться.

Оделся он не так, как днем. Курточку надел на нижнюю рубашку, а верхнюю оставил на спинке стула. А поверх нее бросил чулки с дырами на пятках. Загородил стулом постель. Открыл дверь тетушкиной комнаты так, чтобы свет лампы падал на стул. Если Тё-Таня придет раньше срока, она глянет в дверь, увидит одежду на стуле и поймет, что Николая наконец уснул, раскаявшись в своих поступках... Под одеяло со стороны ног следует, пожалуй, подложить несколько книг. А туловище и голову из-за спинки не видно.

Сапоги он тоже не стал надевать, оставил у двери, чтобы сразу было ясно — хозяин их дома. Надел домашние башмаки, переделанные из Тё-Таниных туфель.

Потом Коля вернулся в комнату и стал выколупывать конопатку из оконной рамы. Небольшое окно было одинарным, потому что здесь не север. Однако щели на зиму были забиты паклей крепко, и Татьяна Фаддеевна до сих пор не решалась ее вытащить — иногда бывало еще холодно, особенно по ночам. Теперь Коля выдирает паклю безжалостно. Затем он сгреб ключья под диван и пошатал раму.

Пошатал, надавил... открыл со скрипом. Плотный уличный воздух вошел в комнату — с запахом цветущих деревьев, ночного моря, нагретых за день камней и резкой, до озноба, прохладой. Лампадка у иконы Николая Чудотворца замигала. Коля встал перед иконой, несколько раз перекрестился и мягко выпрыгнул в невысокое окно — в подростную, мелко цветущую траву, названия которой он не знал. Оглянулся и притворил за собой раму.

Лунная кругосветка

То, что Коля решил сделать сейчас, ему еще вечером, до заката, показалось бы немыслимым. Но теперь он знал — иного выхода нет. Он решил назло себе и всем на свете страхам обойти по кольцу главную часть города. По Екатерининской, по Морской. Мимо светлых зеленых от луны развалин, а где-то, может быть, и прямо через них. И уж после этого (если останется жив) он не будет бояться ничего на свете. Или почти ничего...

Полная луна поднялась недавно, однако светила уже в полную силу. Тени от нее были черными и резкими. Коля тряхнул плечами, шагнул за калитку и быстро пошел вниз по Косому переулку. Путем, обратным тому, каким недавно спешил к дому. Только Нагеля, к сожалению, нигде не было...

Холодок цапал Колю за непривычно голые икры,

встречный ветерок отбрасывал со лба отросшие пряди. Капитанскую фуражку Коля тоже оставил дома — на гвозде, который зимой вбил для пистолета.

Коля шел и удивлялся, что не боится. Пока не боится. Место было знакомое, и, видимо, весь запас страха, предназначенный этим переулком, Коля растратил еще прежде. К тому же луна разогнала зловещие сумерки, видно было далеко. Встречные не попадались, но и безлюдья не ощущалось. Светились окошки. Был четверг Страстной недели, шли вечерние службы. Наверно, поэтому слышался негромкий перезвон колоколов — на Михайловском соборе, на старенькой кладбищенской церкви и где-то совсем далеко — кажется в Херсонесском монастыре. А впрочем, звон этот, возможно, был лишь в ушах у Коли...

Так он дошагал до верха лестницы, на которой при заходе солнца расстался с Женей. Пошел вниз. Луна светила слева, по ступеням рядом с Колей прыгала черная тень. Разболтанные башмаки срывались с пяток и отчетливо стучали по камням. В этом стуке была насмешливая смелость, даже какой-то вызов.

«Вот удивительно, почему же мне не страшно?»

Коля спустился к оконечности Артиллерийской бухты. На лунной воде чернели парусники. Здесь ему встретились несколько мужчин и женщин. Шли, наверно, в церковь или из церкви. У нескольких лавок горели фонари. Вдали, у кабаков, стоявших вдоль руин Николаевской батареи, слышались скандальные крики. Возможно, матросы подрались с мастеровыми или просто пьяницы разгулялись. «Эк ведь они. Нехорошо же, пост ведь», — подумалось Коле с ноткой Жени Славутского.

Коля не пошел по берегу. Он взял направо и двинулся вдоль Городского оврага. Здесь тянулся каменный забор с густыми космами дрока. Листья на дроке распустились еще не вездѣ, он похож был на взлохмаченную темную шкуру. Стало наконец страшновато. Луна в такт шагам прыгала по кромке забора. «Как та граната по ступеням...» Порой она пряталась в дроке, и делалось совсем темно.

Однако скоро овраг с забором кончился, и Коля с колотящимся сердцем вышел на окруженный разбитыми двухэтажными домами пустырь. Зеленовато белели под лунной зазубренной вверху стены. Чернели тени и неровные проемы окон. За этими окнами, внутри развалин, могло быть сколько угодно призраков и всякой потусторонней жути. Так много, что... что на всех на них опять же не хватало страха. Тем более, что ни одно туманное существо так и не показалось в окнах.

Коля подождал немного, прошептал на всякий случай: «На пути не стой, у меня пистоль», глубоко вздохнул и перешел пустырь, гремя башмаками по щебенке.

За пустырем была короткая улица (опять же из развалин), которую Коля прошагал, не глядя по сторонам и крепко сцепив на левой руке указательный и безымянный пальцы — это, как известно, помогает от нечи-

стой силы, хотя и не в полной мере. Видимо, трусил он в эти моменты крепко, потому что потом расцепил пальцы еле-еле. Но страх его был уже какой-то отстраненный. Словно все это происходит не с ним, Колей Лазуновым, а с каким-то другим мальчиком, причем происходит не по правде, а во сне, а сам он как бы со стороны наблюдает за этим сном...

В таком вот слегка затуманенном состоянии Коля достиг подножья одной из лестниц, которые вели на главный городской холм. Здесь опять стало нестрашно, поскольку попадались люди. Но потом лестница опустела, и сонное состояние вновь накрыло Колю.

Он поднимался по ракушечным ступеням (стук, стук каблуками), и лунное пространство вокруг сдвигалось, перемешивая тени, светлые и черные контуры развалин, редкие деревья и одиночные пятнышки далеких огоньков. Косо выросли в воздухе развалины Морской библиотеки с уцелевшей Башней ветров, ушла налево, к Малому бульвару, засыпанная камнями улица, вздыбились остатки домов с колоннами, справа светлым айсбергом возник в лунных лучах недостроенный Владимирский собор, в котором были похоронены адмиралы Лазарев, Корнилов, Истомин и Нахимов.

От того, что рядом покойники (пускай и очень знаменитые), веселее не стало, появилась внутри дополнительная зябкость. Но опять же не у Коли, а у того мальчишки, что в странной дреме шагал рядом. В дреме и в ломаном пространстве, которое смещало массы домов и скрадывало расстояния.

Коля повернулся к собору спиной и тихо ахнул. Впереди под холмом начиналось громадное лунное пространство с блестящими, как рождественская фольга, сабельными клинками бухт, с редкими огоньками на берегах и в черных нагромождениях города. А за этой чернотой, за смутными обрывами Северной стороны, за Константновским мысом вставала искрящаяся стена моря.

Мигал над фортом на мысу красный маяк. Мигали плавучие огни. Двигались цветные огоньки пароходов... Вот оказаться бы там, вблизи этих огней, среди людей, занятых неусыпным морским трудом, в котором нет места для страхов и сомнений!.. Но Колин путь лежал в другую сторону. Он сам этот путь назначил себе.

Коля сжал зубы и зашагал направо, к восточному спуску с холма. Сонный мальчик-попутчик исчез. Коля опять был один со своими ощущениями, со страхом окружающей ночи. Но теперь в нем появилось что-то новое. Словно только что виденный морской простор поделился с Колей капелькой своей уверенности и силы...

Впереди открылась Южная бухта с огнями над доками, с движением неумолимых судов. И это снова прогнало от Коли чувство пустоты и безлюдья.

«А ведь я прошел уже половину пути! И, пожалуй, самую страшную...»

Но Коля обманывал себя и знал это.

Во-первых, он прошел меньше половины. Во-вторых, самой страшной частью пути должна была стать Екатерининская улица. Широкая, бесконечная, с белыми громадами зданий, лишенных стекол и крыш. Коля заранее представлял ее — пустую, залитую мертвым светом луны.

Впрочем, сначала улица не была пустой. Коля спустился на нее недалеко от Михайловского собора, и здесь, конечно, встречались люди. Но жизнь была заметна лишь на отрезке между собором и тем концом улицы, где за площадью белело уцелевшее здание Морского собрания и где площадь спускалась к Графской пристани. Направо же расстилалась лунная пустота, и Коля (под удивленными взглядами нескольких прохожих) шагнул в эту пустоту. Зачем это понесло одинокого съезженного мальчика в край, где нет никого и ничего?

Но никто не окликнул Колю...

Он сделал несколько шагов, и сразу стало очень тихо. Колокольного звона давно уже не было. Лишь равномерные удары каблуков и такие же равномерные удары отяжелевшего сердца расталкивали тишину. А потом перестали расталкивать и стали ее частью...

Пространство опять начало свои ночные фокусы: передвигало дома, склоняло над мальчишкой фасады со сломанными колоннами и барельефами, наслаивало их друг на друга. Домик с сохранившимся номером 13, где жил когда-то Нахимов, оказался совсем в другом месте. Дом Тотлебена, где обещали открыть музей, прижался к домику Нахимова вплотную. Он был почти цел, в нижнем этаже блестели стекла, но не светило ни одного огонька.

Вообще не было нигде ни единой живой искры. Только лунные лучи. Луна теперь светила сзади и чуть слева, и тугой фосфорический свет словно подталкивал Колю. Но не мог пробиться в проемы дверей и окон. Чтобы оказаться подальше от этих непроницаемо черных прямоугольных дыр, Коля заставил себя выйти на середину мостовой. Было жутко оказаться посреди лунной пустоты, но все же не так страшно, как вплотную к руинам... Длинная тень шагала по плитам впереди и немного справа от Коли, и он, чтобы ни о чем не думать и не глядеть по сторонам, стал смотреть на эту тень и забавлять себя мыслями: какая она длиннорукая, длинноногая, с головой-огурцом. А краем взгляда все равно видел медленное кружение высоких разрушенных зданий — они то плавно придвигались, то отплывали. Но постепенно это делалось привычным и страх растворялся в равномерности движения. В равномерности ступка башмаков...

Потом слева опять блеснула вода Южной бухты, мигнули доковые огоньки. И сразу стало легче. Проще. Коля прерывисто вздохнул и будто сбросил тяжесть. А

когда бухта вновь спряталась за развалинами, прежний страх уже не вернулся и кружения домов больше не было.

Улица сделала плавный поворот направо, был близок ее конец. Впереди уже засветились белыми стенами развалины городского театра. А слева зачернел выбитыми окнами и пробоинами трехэтажный громоздкий дом. Коля знал, что в нем во время войны были лавки караимов (наверно, тех, кого так не любил разбойник Алим). Говорят, торговали до последних дней осады...

Тень теперь маршировала точно впереди хозяина. Коля ободряюще сказал ей, что «кругосветное путешествие» теперь-то уж точно перевалило за половину. От площади с театром он повернет на Морскую, а она гораздо уютнее и добрее мертвой Екатерининской. Там даже есть обитаемые дома. Кроме того, с Морской ведут к Карантинной и Артиллерийской слободкам несколько лестниц. Взбежишь по ним — и там уже недалеко свои привычные места...

Так, подбадривая себя и тень, Коля миновал дом караимов. И услышал крик.

Игла нового страха прошла его от затылка до пяток. Первым отчаянным желанием было стремительно провалиться под плиты мостовой. Но провалиться не получилось и пришлось выслушать повторный крик. Он был слабый. Он долетал от наполовину рухнувшего двухэтажного дома, что стоял рядом с бывшими лавками караимов. И теперь Коля даже разобрал слова:

— Мальчик!.. Ну, помогите же мне!..

Голос был человеческий, живой. Кажется, девочкин... Да! Коля различил в неровной оконной дыре фигурку в светлом платье.

Те двадцать шагов, что отделяли Колю от девочки, он пролетел за один миг. Она стояла на подоконнике и смотрела сверху вниз блестящими от луны глазами. Волосы ее были светлые, перехваченные черной ленточкой.

Ликуя от того, что теперь он не один, Коля спросил с радостным выдохом:

— Что с вами?

— У меня застряла нога. И кругом никого. Хорошо, что оказались вы...

Ступня девочки была в щели между перекошенным карнизом и вздыбившимся камнем подоконника. Морщась, девочка сказала жалобно и чуть капризно:

— Я забралась сюда, чтобы осмотреться, и вот... Вы можете отодвинуть камень?

Коля вскочил на выступ, тянувшийся под окном. Героически надавил плечом снизу вверх каменный брус. Тот нехотя свалился внутрь дома.

— Какой вы сильный... Вы меня спасли! — Голосок девочки был негромкий, но звонкий, даже чуть переливчатый. Коля протянул руку, чтобы помочь ей прыгнуть. Девочка мотнула волосами.

— Нет, здесь высоко. Лучше туда... — Она посмотрела за спину.

Коля подпрыгнул, лег животом на подоконник, ловко перевалился в окно, следом за камнем. Земля за окном в самом деле была гораздо выше тротуара. Коля опять протянул руку, и девочка дала свою. Пальцы ее оказались очень теплыми и твердыми. Прямо как у малышки.

— Благодарю вас... — Девочка легко скакнула вниз. Платыце с кружевной оторочкой на миг вздулось, как раскрывшийся зонтик, открыло выше колен тонкие ноги в светлых чулочках. Коля мигнул.

Свет луны свободно входил в дом сквозь провалы стены и крыши. Освещал девочку, словно голубой фонарь. Она быстро нагнулась, чтобы поправить подол. Глянула из-под легких, упавших на лицо волос.

— Какое счастье, что вы помогли. Иначе бы я сидела здесь до солнца, а это никак нельзя... Я так благодарна...

— Что вы, не стоит... — неловко сказал Коля. — Нога не болит?

— Ничуть... — Девочка выпрямилась, потопала ногой. — А как вы здесь оказались? Я раньше вас не встречала.

— Я живу далеко. А сюда пришел... потому что гуляю...

— И вам позволяют гулять в такое время? — спросила она чуть лукаво.

— А вам? — улыбнулся Коля.

Девочка округлила губы, отдувая волосы с лица. Потом убрала прядки ладонями. И призналась со вздохом:

— Я сбежала... Впрочем, дома догадываются, но уже привыкли, поскольку это не первый раз...

— И вам не страшно одной среди ночи?

Она сказала чуть насмешливо:

— Считается, что девочки все ужасно боязливы. А малышки сплошь храбрецы...

Коля был счастлив, что встретил ее — настоящую, с теплыми пальцами, с ощутимым ласковым дыханием, вылетающим из улыбчивых губ. Когда рядом живой человек, руины теряют пугающую таинственность. Просто камни, вот и все. И в приливе радостной открытости Коля сказал:

— Совсе я не храбрец. Наоборот... Я сбежал и пошел, чтобы отучить себя от пустых страхов.

— По-моему, это и есть храбрость, — задумчиво отозвалась девочка.

— Ох уж...

— А я... первые разы я обмирала от ужаса. Да что поделаешь. Приходится...

— Отчего же вам приходится гулять по ночам? — неловко спросил Коля. И подумал: «Может быть, тайна, а я лезу без спросу?»

Девочка вздохнула опять:

— Это не тайна. Я ищу котенка...

Новая игла проколола Колю. Но это было лишь мгновение. Он тут же засмеялся:

— Этак вы можете кого-нибудь напугать до смерти!

— Отчего же?

— Да разве вы не слышали сказку про девочку-призрака, которая ходит по развалинам, ищет котенка, который потерялся еще при осаде?

Она посмотрела удивленно и озабоченно.

— Не слышала... никогда в жизни. Вот странно...

— А ваш котенок давно потерялся?

— Давно. Еще в начале осени.

— Так он же с той поры вырос!

Девочка опять дунула на волосы у лица.

— Думаете, вырос? Ну, он все равно узнает меня...

А к тому же, я слышала, что потерявшиеся котята долго не растут. В этом нет никакого чуда, просто они скушают и голодают, поэтому и не могут расти...

— Ну, возможно... — сказал Коля из вежливости. Стало жаль девочку. Наверно, она очень любила котенка.

— А почему вы ищете его по ночам?

— Разве не понятно? — грустно сказала она. — Ночью слышен самый тихий звук.

Они оба замолчали и прислушались, будто именно сейчас должен был подать какой-то звук пропавший котенок.

И звук пришел.

Сначала он был почти неразличим в тишине. Какое-то шевеление той же тишины. Не поймешь даже, что это: шелест, чуть слышный скрип, чей-то очень далекий стон? Потом стало понятно — это слабый-слабый писк.

Коля и девочка с полминуты не дышали, вытянув шею. Потом девочка одними губами сказала:

— Бусенька... Где он?

— Там... — шепнул Коля и кивнул в глубину дома, скрытую от луны. И опять взял девочку за теплые пальцы. Потянул.

Переступая через камни, они пошли в темноту, и скоро пришлось двигаться почти на ощупь. На пути оказалась стена. Коля провел по ней ладонью. Нащупал среди каменных блоков щели. Писк был слышен уже явно. Казалось, он сочится из этих щелей.

— У меня есть свечка, — возбужденно шепнула девочка.

— А есть, чем зажечь? — усомнился Коля. Но в тот же миг тихонько затрещал и разгорелся желтый огонек.

Щели теперь виднелись отчетливо. Было заметно, что многие камни в стене держатся непрочно. Коля вцепился в один, потянул. Камень размером с лошадиную голову гулко рухнул на остатки половиц. Девочка ойкнула и отскочила. Огонек заметался.

— Осторожнее, — строго сказал Коля. И потянул еще один камень. Тот упал с таким же гулом, а в стене открылась маленькая ниша.

В нише сидел тощий серый котенок. Он беззвучно открыл розовый рот.

— Бусенька! — со всхлипом сказала девочка. Коля быстро взял у нее свечку. Девочка схватила котенка, прижала к груди. Он пискнул, вцепился в платье слабыми коготками и тут же притих. А через несколько секунд раздалось умиротворенное «Мр-р... мр-р...» Было похоже, что закипает маленький чайник.

Девочка гладила найденыша и всхлипывала, низко наклонив голову. Волосы опять упали вперед, закрыли лицо и котенка.

— Зачем же теперь плакать, — рассудительно сказал Коля, хотя у самого заскребло в горле.

Так прошла минута. Свечка потрескивала, и ее горячее сало падало Коле на пальцы. Наконец девочка откинула волосы.

— Идемте, — сказала она.

Коля двинулся назад, к знакомому окну.

— Не туда... — Девочка взяла его за ладонь и потянула в темноту. Свечка погасла. Но тут же темнота раздвинулась, открылся новый пролом. Они вышли на каменный тротуар. Девочка ладонью прижимала урчащего Бусеньку к груди. Потом улыбнулась и вскинула ресницы. На них блестели капли.

— Такое счастье, что я встретила вас. Вы спасли Буську...

— Да разве это я? Вы и без меня бы...

— Нет-нет, это вы... Как вас зовут?

— Николай... Коля. А вас?

— Оленька.

— Оленька, я провожу вас до дома.

— Что вы! Не надо. Я... мне совсем недалеко... Коля!

— Что, Оленька?

— Скажите правду: вы в самом деле чего-то боялись, гуляя ночью?

Он не смутился и сказал небрежно:

— Теперь это не имеет значения.

— Как знать! Сейчас не имеет, а завтра... опять...

Коля, можно я сделаю вам подарок?

— Какой?

— Сделаю так, что вы больше ничего не будете бояться.

— Совсем ничего? — улыбнулся он, потому что, конечно же, это была шутка.

— Почти, — серьезно сказала Оленька.

Он кивнул, поддаваясь игре:

— Да, я хочу.

— Закройте глаза.

Коля, улыбаясь, закрыл. И слышал, как мурлычет котенок, как тихо дышит Оленька. Она тепло дунула ему в лоб.

— Вот так... Нет, не открывайте глаз! Сосчитайте до десяти. И потом уж откройте...

Коля послушно сосчитал. Медленно поднял веки. Оленьки не было. Нигде. Показалось только, что за углом дома стихли быстрые легкие шаги. Коля бросился туда, но там увидел лишь нагромождение ракушечных глыб. И отчетливо понял, что Оленьку не догонит, не найдет.

Но досады и печали не было. И... страха никакого не было. Совсем. Не было *так*, что Коля даже удивился: неужели это он обмирал недавно, шагая по пустой Екатерининской?

Насвистывая, Коля перешел площадь, оказался на Морской. Было красиво, лунно, даже сказочно. Было по-прежнему безлюдно, однако в этом безлюдье не пряталось никакой угрозы. Проходя мимо развалин, Коля знал, что в их черной пустоте нет никого и ничего. А если и есть какие-то трюмники или другие загадочные существа, то они безобидны, стесняются людей и никогда не вылезут наружу...

Коля поднялся по лестнице, вдоль которой стояли маленькие черные кипарисы. Оказался в переулке, где заборы были сложены из темного, пористого, как губка, камня. Прошел еще два квартала и — вот он, Косой переулок.

В лунном свете навстречу шла девочка. Это была Саша.

— Господи... Куда ты подевался? Я не знала, что и думать! — Саша часто дышала.

— А как ты догадалась, что меня нет? — снисходительно сказал Коля. Он чуял Сашино беспокойство, но оно казалось пустяком.

— Я... не догадалась, а увидела... Тетя Таня дала мне ключ и сказала: «Сходи, посмотри, не забыл ли этот бездельник прикрутить лампу. Заснет, а лампа начнет коптить...»

«Не за лампу она боялась, а за меня», — понял Коля.

— И что было дальше?

— Я пошла, а замок открыть не смогла. Ключ таковой... хитрый... Пошла к твоему окошку, чтобы взглянуть, и вижу — тебя на постели нет. И окно прикрыто еле-еле... Я так перепугалась.

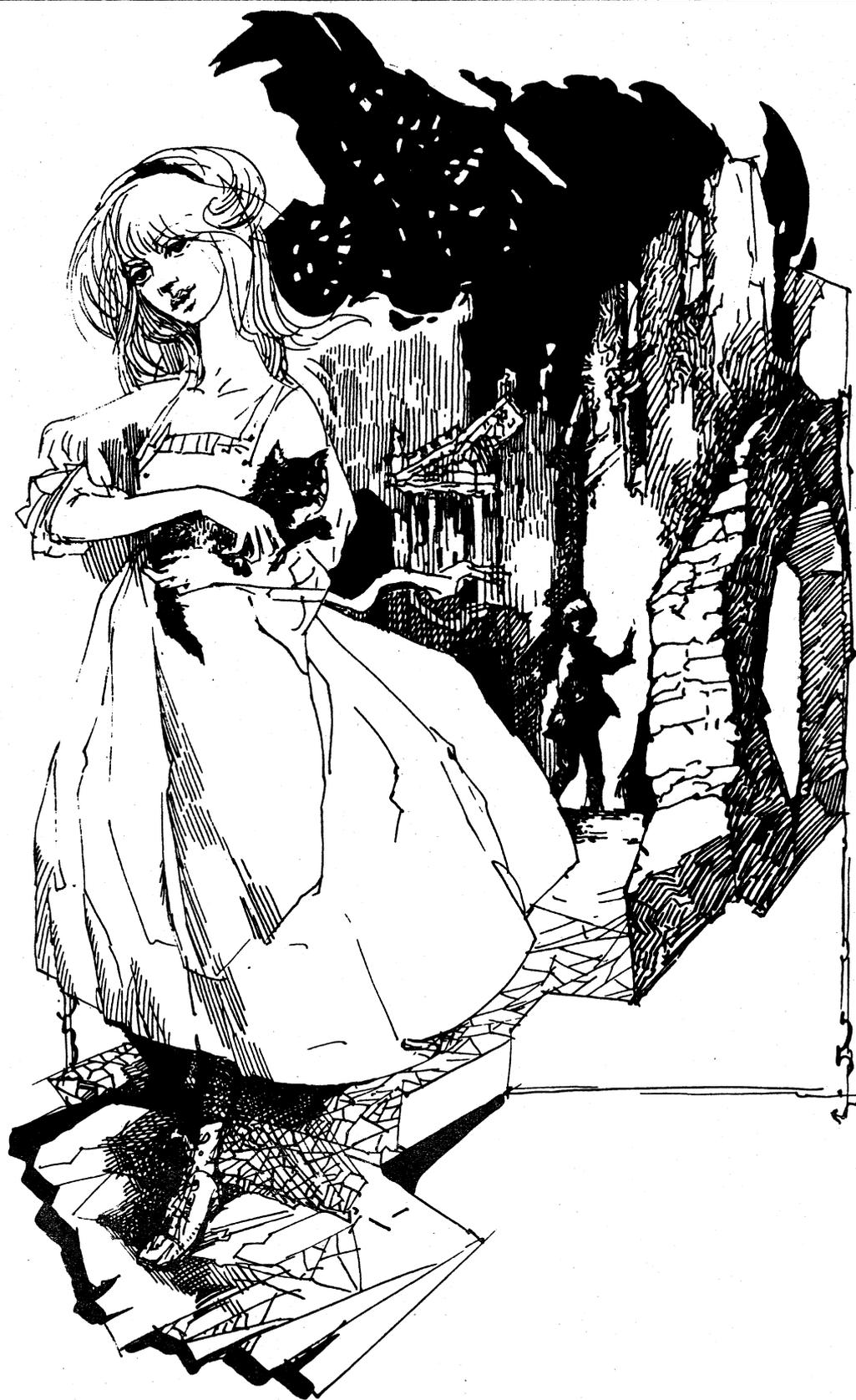
— Отчего же? Вот глупая, — ласково сказал Коля.

— Может, и глупая, а... я же знаю, что бывают такие люди, лунатики называются. Когда полная луна, ходят, будто во сне, по крышам да по карнизам. Падают и разбиваются...

— Никогда они не разбиваются, на то и лунатики, — наставительно сказал Коля. — Да я и не лунатик, не бойся. Просто решил прогуляться вечером ради интереса... А ты перепугалась и пошла искать?

Саша опустила голову. Засопела и чуть ли не всхлинула.

— Ну-ну, без сырости, — сказал Коля и взял Сашу за ладони. Они были холодные.

— Ты, небось, продрог, — прошептала Саша. — Одет еле-еле...

— Нисколько! Я и думать забыл про холод! А вот ты продрогла. Пальцы как ледяшки... — Он приподнял ее руки и жарко подышал на пальцы. — Теплее стало?

— Теплее...

«Саша, а я видел девочку и нашел ей котенка!» — чуть не сказал Коля. Но удержался. Потому что она сразу: «Страх какой...», и тогда придется щелкать по носу. К тому же ясно, что это не та девочка. Просто случилось удивительное совпадение. Хотя... если Женя Славутский станет снова рассказывать про барабанчика, Коля уже не будет думать, что это просто сказка.

— Пошли, — сказал он Саше. И они, держась за руки, двинулись к дому. Яркая луна смотрела на них с высоты.

— Коля, хочешь, я тебе рубаху сошью? — вдруг тихонько спросила Саша.

— Какую рубаху? — удивился он.

— Флотскую. С большим синим воротником. В таких иногда матросы ходят, которые с заграничных судов... Красиво так...

— Небось, мальчишки засмеют...

— Да с чего же? Над флотским ни над чем не смеются. Хоть над нашим, хоть над заграничным...

— Ну, шей...

Они вошли во двор. На крыльце стояла Татьяна Фаддеевна.

— Нагулялся? — устало сказала она. — Вот и ладно... Сашенька, спасибо тебе, ты иди домой, спать пора. А мы поговорим...

В комнате Коля сразу сказал:

— А чего такого? Я решил погулять в ночных развлечениях, чтобы прогнать из себя всякий страх. А то вы постоянно намекаете, что я трус.

— Видимо, не трус, раз не побоялся нарушить мой запрет и не стал лежать, как было велено... Ладно! Поскольку ты все равно не спишь, вернемся к дневным делам. Нам пора поговорить со всей ответственностью...

Коля был спокоен и внутренне весел. Оленька сказала правду: он и правда ничего не боялся. По крайней мере, в данный момент. И самой чувствительной тетушкиной кары не боялся тоже. Поэтому сказал беспечно:

— А может быть, лучше завтра? Иначе придется спать на животе, а я не умею...

Татьяна Фаддеевна стиснула пальцы.

— Ты можешь хоть на пять минут стать серьезным?! А он разве не серьезен?

Татьяна Фаддеевна смотрела в темное окно.

— Я хочу сказать вот про что... Сядь. — (Коля быстро сел на постель). — Я... Борис Петрович... он сегодня... предложил мне стать его женой.

— Да? — скучновато сказал Коля.

— Да... и я не понимаю твоего молчания.

— Тё-Таня... — внутри у Коли предательски щеко-тались смешинки. — Я то при чем? Не мне же он предложил.

— Ты в самом деле несносный мальчишка, — скорбно сказала Татьяна Фаддеевна.

— Но почему? Я... просто не знаю что сказать. В чем тут новость? Все к тому и шло...

— Но сегодня он это сделал официально.

— А вы что ему сказали... официально?

— Я сказала, что посоветуюсь с тобой.

— Зачем?!

— Николя... Мы одна семья, это изменило бы всю нашу жизнь, и я считаю себя не вправе... если ты не согласен...

— Да согласен я, согласен!.. Только дайте одно обещание.

— Какое же?

— Что вы с доктором не станете отправлять меня в Симферополь на пансион. Если окажусь вдруг тут не ко двору...

— Николя! Как у тебя поворачивается язык... такое...

— Обещаете не отправлять?

— Обещаю... хотя, наверное, следовало бы отправить. Борис Петрович никогда не позволит такого. По моему, он к тебе слишком снисходителен.

— Он ко мне справедлив... А мы поместимся здесь втроем?

— Это ведь еще не сейчас... Вдова Кондратьева готова недорого уступить нам дом, и можно будет сделать пристрой для гостиной и ванной...

— Вот видите, вы уже все обдумали, — снисходительно сказал Коля. — Ой! У меня еще одно условие...

— Не слишком ли много условий, друг мой? — тетушка, видимо, обрела уже прежнюю уверенность.

— Не много! Летом вы позволите мне гулять босиком!

Татьяна Фаддеевна возвела глаза к потолку...

Андрей ЩУПОВ, Екатеринбург

ОЧЕРЕДЬ

Старенький, с брезентовым верхом «газик» вползает в район новостроек, и следователя начинает мотать из стороны в сторону. Ударяясь спиной о жесткую обивку сидения, он смотрит, как дома, прохожие и деревья, падая и раскачиваясь, проплывают мимо замызганных окон. Ощущение такое, словно он движется на вертялкой лодке по чавкающему, бескрайнему болоту. Под пасмурным тяжелым небом зябко и неудобно. На очередном подъеме машина завывает и, буксуя в грязи, сбрасывает скорость до черепашьей. Следователя бросает вперед, и он неслышно ругается. Еще не хватало застрять!..

— Кажется, приехали, — шофер бдительно озирается, причмокивает губами и уверенно закручивает руль. Дважды ухнув, «УАЗик» с натугой минует канаву и, взревев тракторным басом, выскребается на сухое место. Медленно они объезжают огромную, обложившую крыльцо магазинчика толпу и останавливаются.

Рывком распахнув дверцу, следователь выбирается наружу. Из толпы навстречу приехавшим тут же выныривает полный молодой старшина, сходу принимается докладывать — путано, сбивчиво, бестолково... Едва слушая, следователь торопливо шагает к магазинчику.

Хорошенькое дело! Оказывается, оперативная группа до сих пор не прибыла — завязла где-то по дороге, и кроме него да этого задастого участкового никого нет. Вернее, имеется один убитый да еще один раненый, плюс десятка два переволновавшихся свидетелей. Преступников естественно след простыл.

Скользнув взглядом по встревоженным лицам, следователь недоуменно сдвигает брови: откуда столько людей? Сбежались на выстрелы?..

Его требовательно теребят за плечо, и, оборачиваясь, он почти сталкивается грудью в грудь с бесформенным тяжеловесным созданием, в котором с трудом опознает женщину. Квадратное пальто, резиновые сапоги, пыльный берет и абсолютно незапоминающееся лицо.

— Сказали бы людям, будут товар отпускать или нет?

Слово «людям» женщина произносит с ударением на последнем слого. Следователь глядит на нее диким взором. Какой, к черту, товар? Здесь убитый!.. В голове проворачивается тяжелый дамок, — он тщательно пытается осмыслить вопрос дамы в квадратном пальто. Ее вопрос тоже квадратен, — каким боком не поверни — кругом одни заскорузлые углы. И ведь не скажешь, что молодая. Уж про тех-то можно поворчать, дескать, бездушные растут, черствые. Здесь же нечто иное. Какая-то железобетонная простота. Коли есть товар, будь

добр — отпусти. А убийство там или не убийство, это дело десятое. Титановые люди! Непрошибаемые!..

С искаженным лицом, не произнося ни звука, следователь шагает прямо на женщину, заставляя ее отшатнуться. Объясняться с подобными гражданами у него нет ни желания, ни времени. И то, и другое иссякло лет восемь или десять назад. Таковы особенности профессии. Свежеиспеченных выпускников юрфака хватает ненадолго. Розовый романтизм умирает в первый же год практики, жажда справедливости угасает лет через пять, и что там еще продолжает тлеть внутри — одному Богу известно. Большинство в рядах славной милиции остается просто в силу инерции — семья, обстоятельства, годы. И неизвестно каким образом огромный правозащитный корабль еще держится на плаву, трепещет ветхонькими парусами, не в лад помахивает неуклюжими веслами, но держится. Еще одно из искомым семи чудес.

Миновав людей, они поднимаются по лестнице. Ноги опасно скользят, вытереть их, конечно, не обо что. Следователь раздраженно поглядывает на участкового. Так ничего он и не понял из бестолкового доклада коллеги. Есть такие люди, что мямят и мямят. Слов много, а сути нет. Не дружат они с ней отчего-то — с сутью.

— Что взято? — сухо роняет он.

— Так ведь я и говорю — ничего... То есть, как есть ничего, — голос старшины звучит жалко и растерянно. Неизвестно — что больше его смущает — произошедшее убийство или погоны приехавшего офицера. Следователь поджимает тонкие губы. Он начинает испытывать к коллеге смутную неприязнь. Из новеньких, а уже с брюшком. Помощничек!.. Ну положительно все складывается сегодня не так! И дома с женой, мечтающей о садовом участке, и с участковым, и с кисельной этой погодой. Еще и братья оперативники застряли черт знает где. Яснее ясного, что начинать придется в гордом одиночестве. В одиночестве, потому что этот размазня — не в счет.

Быстро взбежав по перемазанным глиной ступеням, он входит в магазин.

***

Первое, что бросается ему в глаза, это валяющийся на полу детский исковерканный автоматик. Оплавленная и полурастоптанная каблучками игрушка. Здесь же рядышком лежит цветастая шапочка. Чей-то истерзанный дипломат с пулевыми отверстиями на пластиковом боку распахнутым зевом пытается откусить от пола неприлично огромный кусок. Тело убитого на-

ходится у прилавка, под маленьким кассовым окошечком. Возле него — россыпь изумрудных горошин. У разбитой витрины перетапывается бледный высокий парень. Он держит на весу обмотанную носовым платком руку. С намокшей повязки на линолеум часто падают бурые капли. Те самые рубиновые семена, что засевают землю с адамовых времен...

— Почему нет врача?! — следователь резко оборачивается к участковому.

— Я вызывал, — лепечет милиционер. — Скорую. Обещали вот-вот, но вы же видели, какой это район. Пока найдут машину, пока доберутся...

— Сходите к моему водителю, — перебивает его следователь. — Попросите аптечку. Принесете сюда и перевяжете сами... Да! Вот что еще что... Водителя тоже пригласите. Поскольку оперативников нет, нам понадобится помощь.

— Есть! — участковый неловко поворачивается кругом через правое плечо и походкой циркового медведя семенит к выходу.

Не глядя больше на него, следователь шагает к телу и, наклонившись, двумя пальцами касается левого виска лежащего. Обычно пульс здесь более отчетлив, чем на кисти, но сейчас он не прослушивается. Да и температура уже явно ниже тридцати. Нет никакого сомнения, что мужчина мертв.

— Свидетели, — следователь обращается к молчаливой кучке людей, сгрудившейся в дальнем от расprostертого тела углу. — К сожалению, вынужден опросить вас в самом срочном порядке. Преступники вооружены, каждый час работает на них. Поэтому прежде всего попытаемся выяснить приметы, описание и тому подобное. Кто что вспомнит. И постараемся не перебивать друг дружку. Все ясно?

Полная женщина с прилипшим к юбке парнишкой вдруг начинает рыдать — безудержно, навзрыд. Никто не бросается ее успокаивать, люди словно окаменели. Гранит и кремь! Следователь пылливо смотрит на плачущую, смущенно оглядывается на безжизненное тело. Угадав продавца в стоящей особняком женщине, приглушенно спрашивает:

— Вы не могли бы доставить нам какую-нибудь комнатку? Кабинет, подсобку или что-нибудь... Словом, чтобы не здесь.

Он успевает заметить ее испуганный взгляд, но в эту минуту группа свидетелей приходит в движение, и к следователю делает шаг щуплый старичок с седенькой бородкой. На блеклом, в мелкую клеточку пиджаке матово отсвечивают заправленные в дешевый полиэтилен орденские планки.

— Дело вовсе не в этом. — Старческий голос ветерана надтреснуто дребезжит. Глухо прокашлявшись, он поднимает на следователя слезящиеся глаза и от волнения часто моргает. — Видите ли, это будет не просто понять. Не знаю, поверите ли вы мне. Люди, конечно,

подтвердят, хотя... Не всякий расскажет вам о случившемся. По крайней мере, мне это будет сделать легче. Так что, если позволите...

Он выжидательно молчит. Безмолвствует и следователь. А что тут скажешь! Вежливый старичок, деликатный. В некотором роде — драгоценный реликт. Вроде петербургской пожилой интеллигенции. Только в городе на Неве, верно, и можно еще встретить переживших всё и вся графов и князей. Старичок продолжает молчать, он ждет от власти согласия, но следователь тоже не спешит с ответом. Нюх — это все-таки нюх, и, заранее предчувствуя недоброе, он недоуменно обегает глазами свидетелей. Что-то здесь не так. Необычное явственно проступает на лицах присутствующих. Точно ржавчина на холодном металле. Это не похоже на обычный страх. Тут что-то иное.

С некоторым усилием следователь вновь возвращается взглядом к старичку. Время!.. Вот, что его беспокоит! Каждая минута — лишняя фора преступникам. Однако не выслушать свидетеля он тоже не может. Тем более, что ни одного оперативника на месте нет — и кто знает, когда они вообще объявятся.

Еще колеблясь, следователь нерешительно расстегивает планшкетку, достает ручку с чистым листом. Пристроившись на подоконнике, обращается к ветерану:

— Хорошо, я вас слушаю. Но одна просьба — быть по возможности кратким.

— Кратким?.. Ах, да, я понимаю. — Старичок делает рукой непонятный жест. — Разумеется, я постараюсь. — Он запинаясь и вновь растерянно моргает. — Видимо, следует рассказать вам все. С самого начала.

***

Альмонис, английское средство от ожирения, завезли в среду. В среду, а не в пятницу. Но именно в пятницу изрядно поредевший товар после долгих сомнений и дискуссий решают выбросить на прилавок — и ради такого случая долго упрасивают и наконец уговаривают подежурить в магазине штатного грузчика Степу. Каким уж образом — неизвестно, но слух об альмонисе успевает растечься далеко за пределы района, и отвыкшие от очередей и давок продавцы всерьез опасаются нештучного наплыва покупателей. Поэтому пакеты с английским товаром надумывают выдавать через окошечко в стене, до сих пор пребывавшее в заключенном состоянии. То небольшое, что еще лежит на полках, на это время убирают.

Время — семь утра, но через все магазинное помещение, стекая по крутым ступеням крыльца и дотягиваясь до угла соседствующей с гастрономом аптеки, уже выстраивается плотная очередь. Хмурое выражение на лицах — под стать темному, набрякшему небу. Утро похоже на вечер, а очередь напоминает колонну толпящихся перед гильотиной арестантов. Было и такое в истории. Более того, изнывая от ожидания, пыта-

лись проскользнуть вне очереди, под нож гильотины ныряли со вздохом облегчения. Правду говорят, хуже нет, чем ждать да томиться. Так или иначе, но выражение лиц сливается в нечто общее, чему следует подобрать особый термин. Потому что оцетинившееся штыками каре — это уже не толпа, и очередь, стоголовой змеей влившаяся в магазин, — тоже не является обычным сборищем людей. Это ожившее существо-великан, гигантское подобие пивавки с необузданным аппетитом.

Опоздавшая к магазину женщина, злясь на себя и на весь мир, медленно обходит собравшихся. Ненавистно-тесное платье раздражает ее столь же сильно, сколь и уличная слякоть. Добравшись до угла аптеки, она громко и сердито фыркает, поворачивает назад и тут же из-под ног близстоящих людей выдергивает за курточку юркого карапуза с игрушечным автоматиком. Наградив чадо основательным шлепком, тяжело и решительно движется к крыльцу. По глазам ее видно, что она готова ругаться и спорить. Война ее не страшит, она готова продолжать ее на вражеской территории до победного конца. Однако мальчишке вовсе не улыбается торчать в душном помещении. Усыпив бдительность родительницы приторным покорством, он дожидается пика разыгрывающейся у крыльца перебранки и рывком освобождает ладошку из мощной материнской длани. Отскочив в сторону, присаживается на корточки и улыбается: сражающейся мамаше не до него. Литым корпусом, содрогаясь, словно ледокол во льдах, она раздвигает людей, неукротимо приближаясь к дверям. Еще немного, и ее засасывает зев магазина. Ура! Кажется, шайба в воротах, а значит, можно расслабиться.

Поднявшись, мальчишка подходит к шикарно-широкой луже и, настороженно оглядываясь, ступает в нее ногами. Снова с ожиданием смотрит вокруг, но никто не обращает на него внимания. Зевая, он пересекает лужу из конца в конец, топоча, сбивает с сапожков липкую жижу.

— Куда прешь?! Куда?!

Подняв голову, мальчуган видит, как высокий мужчина с плоским невыразительным лицом молчком продирается все к той же заветной двери. Люди позади него разъяренно ругаются, по-гусиному вытягивая шею, стараются разглядеть наглеца. Но наглец на голову выше всех, и возмущенные голоса так и остаются голосами. Очередная победа очередного форварда! Мальчишка звонко смеется. Прицелившись в мужчину из автоматика, коротко стрекочет. Батарейка у игрушки новехонькая, крохотный электромоторчик лихо раскручивает трещотку. На мальчонку неприязненно оборачиваются, но ему все равно. Это, товарищи взрослые, всегда пожалуйста! К этому мы привычны.

Вскоре невдалеке от аптечного угла внимание мальчика привлекает яркая коляска. Приблизившись к ней, он не без любопытства заглядывает под узорчатый полог.

Оттуда на него сонно таращатся выпученные глазенки младенца. Слюнявая соска в припухших губах ритмично и чмокающе подергивается. Немного подумав, мальчишка выдергивает соску изо рта ребенка и дует лежащему в лицо. Странно! Эффекта он добивается обратного. Ласково жмурясь, малыш тянет к нему пухлые ручки и что-то лопочет. Вот дурак! Мальчишка дает ему щелбана и, чуть помешкав, осторожно бьет пятерней по мягкой щечке. Личико в коляске по-старушечьи морщится, губы опасно кривятся. Не дожидаясь тревожной сирены, мальчишка пихает соску обратно и торопливо пятится от коляски.

***

Влага, пропитавшая воздух, внутри помещения многократно уплотнена дыханием людей. В душной жаре, проникаясь все большим взаимным раздражением, собравшиеся утирают рукавами мокрые лица, настороженно крутят головами и перетаптываются. На окраине современного города, посреди асфальтовой слякотной осени — тусклые тропики. Единственное развлечение пестрым квадратом висит на стене. Это не картина Эль Греко и не охотничий трофей, — это липкий пластырь, покрытый слоем мух и комаров. Глядя на него, люди ощущают смутное удовлетворение. И это тоже закономерно. Злорадство даруется, как компенсация за переносимые муки.

Здесь человек двадцать, а то и больше. Каким-то чудом полной женщине все-таки удается затесаться в очередь, и, отдыхая, она шумно дышит, стараясь не глядеть на соседей, всем своим видом демонстрируя решимость возобновить бой в любую минуту. Со стороны окружающих — полная взаимность, и все же чувствуется, что сила на стороне вторгшейся оккупантки. О недавней перепалке не поминуют — последние нервы, как последние патроны, приберегают на будущее.

Мужчина же с плоским невыразительным лицом ведет себя спокойно и местом в очереди отчего-то не интересуется. Пристроившись в пустующем углу, он поглядывает на людей юрким цепляющим взором. Легкий дождевик он успевает скинуть, упрятав в спортивную сумку, и всем видно, что рубаша на его большом мускулистом теле — в темных расплывающихся пятнах. Не снимая белой кепки, прикрывающей, должно быть, лысину, он то и дело вынимает из кармана широкий, словно полотенце, платок и аккуратно вытирает лоб, подбородок, шею. В промежутках между этими пассажами бесцветные глаза его продолжают изучать сгрудившихся очередников, ощупывая их с бесцеремонностью забирающегося в карман грабителя.

В основном в магазине женщины. С пакетами и авоськами, с гигантскими коробами на колесиках и обыкновенными сумочками. Мужской состав — немногочислен: четверо, не считая гостя с невыразительным лицом. Кроме него здесь ветхонький старичок с седень-

кой бородкой, нервный худой тип в плаще и двое ребят с чем-то совсем не смешным вместо причесок — излишне кучерявые, чересчур громкоголосые, в ярких курточках, с ногами, заканчивающимися рифлеными копытцами кроссовок. Этой парочке жара, похоже, досажает менее всего. За азартной игрой, в которой попеременно мелькают измятые карты и пестрые купюры, места для скуки нет. Оба расположились на низеньком подоконнике, пристроив вместо стола пластиковый, украшенный наклейками дипломат. Все вполне уютно.

Высокий мужчина переводит взгляд на типа в плаще и снова вынимает платок. Он обильно потеет, но это не отвлекает его от главного. С удивительным упорством он разглядывает людей, давая мысленную оценку каждому. Ни дать, ни взять — Шерлок Холмс. Глазки его сосредоточенно моргают, внутренний компьютер просчитывает ситуации... Нет, тип в плаще его тоже не беспокоит. Интеллигентиска! Смешон и нелеп. Очки на болезненно-бледном лице подрагивают, руки нервно шелестят в глубоких карманах. Впечатление такое, что там у него песок с галькой... На какой-то миг увеличенные линзами глаза сталкиваются с булавочными зрачками высокого и тут же убегают в сторону. Наблюдатель едва заметно кривит губы. Все верно, этот тип совершенно неинтересен. Как неинтересен и старик-ветеран, стоящий в начале очереди. Очень уж рассудительно-несуразный вид. Да и годиков ему раза в два поболее, чем любому из присутствующих. Не совсем ясно — ему-то на кой хрен этот альмонис? Или для внучки с жучкой? Высокий мужчина вяло улыбается собственным мыслям.

Протиснувшись мимо столпившихся, в дверном проеме показывается странного облика человек. Впрочем, странность его условна. Магазиновых грузчиков и гастрономных бродяг узнают за километр. По отдувающимся на коленях штанам, по блеклому мешковатому виду, по специфическому запаху, перебивающему любую парижскую парфюмерию. С такими можно дружить лишь при хроническом насморке. Ароматы, исторгаемые ими, напоминают нечто среднее между селедкой, кислой капустой и застарелой махрой. Кроме того узнают их поговору и акценту. У этого племени своеобразный язык, своеобразный тембр. В данном случае это и есть тот самый Степа, которого уговорили подержать и последить за порядком.

Чуть покосившись на высокого и словно бы не увидев, Степа кричит куда-то в сторону:

— Которые тут без очереди! Щас выставлю, и пойдете домой!

Голос его действительно уникален. Более справедливо это было бы именовать полным отсутствием голоса, но силпый клетот, исторгаемый из чахлой груди Степы — на удивление громок и без усилия заполняет собой помещение. Что порождает эти шепелявые, режущие слух звуки — абсолютно неясно, и даже плохо

верится в полусожженные алкоголем связки. Высокий не смотрит на грузчика. Только уголки губ на лоснящемся лице презрительно кривятся. Он в каком-то метре от неожиданного правдоискателя, и тот, помешкав, делает попытку схватить мужчину за локоть.

— Ну-ка, давай-ка!.. — бронхи магазинного стража угрожающе сипят, на сморщенной синюшной маске, давно ставшей привычным лицом, — необъяснимая гримаса. Он то ли пытается пугать, то ли напуган сам. Неуверенно Степа тянет мужчину за руку, но резким толчком высокий отбрасывает грузчика к дверям и крепче расставляет ноги.

— Вали, отец! — почти добродушно советует он.

Потирая плоскую грудь, грузчик трусливо топчется на месте.

— Тамара! — оглушительно басит он, обращаясь к прилавку. — Которые тут без очереди, не давай товар!

Неизвестно, слышит ли его Тамара, однако грузчик делает вид, что его услышали и поняли. Удаляясь, он поводит костлявыми плечиками, пытаясь внушить окружающим, что справедливость так или иначе восторжествовала. Яркие «курточки» в кроссовках, на время забыв о картах, с любопытством следят за происходящим. Но силлоголосый Степа уходит, а высокий продолжает оставаться в своем углу, и «курточки» возвращаются к прерванной игре. Кто-то из женщин туманно боится:

— Прямо житья от них не стало!

Слова эти, неизвестно к кому обращенные, повисают в воздухе. Все равно как оборванная снасть в глупине. Сопящую множественным дыханием тишину нарушают только смешки картежников. Меж ними всюду шуршат потрепанные дензнаки.

— Все, хорош! — один из игроков прыгивает с подоконника и хрустко потягивается длинным молодым телом. — Ох, и вонища же тут!

Он с вызовом поглядывает в сторону высокого. Но тот бузучастен. Кудрявый приятель остается на подоконнике и, держа дипломат на коленях, аккуратно пересчитывает выигранные деньги. В это время потягивающийся замечает привлекательную особу. Что-то между вторым и третьим десятком, блондинка с яркими губами и подведенными глазами. Ресницы, как черная проволока, одета броско и очень даже вполне. А главное — дамочка сама интересуется молодыми людьми. В воздухе выстраивается беззвучный мост из подмигиваний и кокетливых улыбок. Без особых усилий створки моста смыкаются, взаимопонимание достигнуто, и стороны сближаются для более тесного знакомства.

Нервный тип вскидывает руку и чуть ли не целую минуту напряженно смотрит на часы. Потом косится на окошечко и, сняв очки, с ожесточением скрипит руками в плаще, доставая протирку. В этот момент в магазин вбегает неизвестно как пропущенная внешним заслоном девчушка лет восьми-девяти с сеткой, наполнен-

ной пустыми бутылками. Зигзагом обойдя людей, она семенит к окошечку. Наивная, она помнит, что еще неделю назад где-то здесь принимали посуду. Застывшим извилистым изваянием очередь следит за ней, пропускающая почти до самого окошка. И только, когда девушка приближается к роковой цели, что-то взрывается в окружающих, высвобождая гейзеры негодования:

— Прыткая какая!

— Только полюбуйтесь, маленькая, а наглая!

— Вот мерзавка! Мы тут час стоим, а она два вершка от пола — и на тебе!

Споткнувшись о крики, девочка испуганно останавливается.

— Мне только спросить, — робко лепечет она и, не зная на кого смотреть, глядит на свои сандалики.

— Вот постоишь в очереди, тогда и спросишь!

— Бесстыжая!

Обладатель яркой курточки, тот самый строитель «мостов» гогочет.

— Чего раскудахтались! Жаль пакетика для ребенка?

Он стоит рядом с понятливой блондинкой. Энергичная рука уже елзит по обтянутому платьем тугому бедру, и оба смеются. Женщины яростно оборачиваются к ним, но связываться не решаются. Тем более, что причина скандала с набухшими глазенками уже постукивает сандаликами в направлении выхода.

— В самом деле, может, только спросить хотела? — неуверенно предполагает кто-то.

— Знаем мы! Спросить...

Ворчание идет на спад, волнение успокаивается. Нашипевшись вволю, змеиная очередь затихает в ожидании.

***

В пятый или шестой раз вскинув руку с часами к лицу, нервный тип в хрустком плаще начинает суетиться сверх всякой меры. Он что-то бурчит, подергивает острыми плечиками, и весь его вид красноречиво говорит о крайней степени раздражения.

— Да не крутитесь вы! — восклицает одна из соседок.

Нервный тип, словно только и ждавший этих слов, стремительно разворачивается к женщине, но из-за расплясавшихся нервов не сразу справляется с рвущимся из него потоком сбивчивых фраз.

— Так... Допустим! Значит, не крутиться?.. И что же я, по-вашему, должен делать?! Может, вы еще будете мне указывать? Нет? Тогда и нечего!.. То есть, если вас персонально устраивает торчать здесь вечность, — стойте! Но не надо советовать другим! Не надо!

— А что ты на меня орешь? — изумляется женщина. — Я-то тут при чем? Если не в терлеж стало, так иди, кто держит!

— Ты ему подскажи куда идти, — встречает смею-

щийся кудряш с дипломатом. — Он же интеллектуал, простого языка может и не понять.

Его смеху вторит приятель с блондинистой подружкой. Лицо нервного в плаще бледнеет и, теребя рукой пояс, он делает порывистое движение к смеющимся.

— Да, интеллектуал! Очень может быть!.. Вам-то этого слова не понять. Вы же только в картах понимаете, да в бигуди.

До пареньков не сразу доходит выпад насчет бигуди, а когда доходит, новоиспеченный приятель блондинки мужественно шагает к трясущемуся мужчине. В то время, как тот прячется за соседку, блондинка на правах опекающей подруги цепко хватается атакующего за руки.

— Плюнь на него, Владик! Нашел с кем связываться. Плюнь!..

Владик дергается, пытается высвободиться. Подобная интермедия ему явно нравится. Он талантливо разыгрывает роль бульдога, рвущегося с цепи и при этом на все сто уверенного в ее прочности. С минуту популав противника, он великодушно утихомиривается. Обращаясь к зрителям, глуповато спрашивает:

— Может, правда, плюнуть?

— Только посмейте, молокососы! — взвизгивает нервный тип. Он на грани истерики и затравленно смотрит на кривляющихся пареньков. В пустых Владиковых глазах хозяин плаща читает обещающую многозначительность. Приятель Владика, весело барабанящий по дипломату, внушает ему не меньший ужас. Не осмысливая собственного бесстрашия, он почти кричит.

— Мерзавцы! Бандиты! Управы на вас нет!

— Нет, это точно... — Паренек с дипломатом перестает барабанить и грозно приподымает брови. — Вот что, сокол, давай договоримся сразу. Кричать тебе будет разрешено, но попозже. Не сейчас, понял?

— Чего ты ему объясняешь! — встречает Владик. — У него же здоровья, наверное, невпроворот. С ним по-другому надо...

Неожиданный, ворвавшийся в магазин стрекот перебивает назревшую кульминацию. Для нервного типа это спасение.

— Трах-тах-тах! — от дверей, топя, бежит раскрасневшийся мальчуган с автоматиком. Мгновенно вытравив руку, мать хватается его за шиворот, рывком притягивает к себе.

— Ты куда удрал, стервец?!

«Стервец» сходу получает серию подзатыльников и завывает пожарной сиреной. Мать продолжает ему выговаривать. Позабыв о дрызгах, очередь внимания педагогическому процессу. Только блондинка, закатив глаза к потолку, клонится ухом к шепчущим губам Владика. Красавец же с подоконника не забывает о мужчине в очках, и от его взглядов последний по-черепашьи втягивает голову в плащ, стискивая зубы, мучительно нервничает.

Через несколько минут амнистированный автоматчик обрушивает на очередь лавину трескучего огня.

— Тра-та-та-та!..

Людей передергивает. Аварийными лампочками лица попеременно краснеют и бледнеют.

— Успокойте вы его наконец!

— Мало, видно, врезали...

Реакции нет, и женщины гневно поворачивают головы к мамаше.

— Распустили ребенка!

— Скажите же ему! Языка, что ли, нет?..

Однако язык у мамыши есть. Успев простить свое чадо, она не собирается потакать собравшимся. Кроме того, плотный огонь сына отчасти заглушает сыплющуюся отовсюду ругань, помогая обороне матери. Владик и блондинка, пожалуй, единственные, кто абсолютно не прислушиваются к окружающему. Сдружившаяся парочка проникается все большим взаимным интересом. В разгорающийся словесный пожар бережно подбрасывает полешки кудряш с дипломатом. Для него все происходящее — бесплатный спектакль.

Незаметно для всех, высокий, так и не покинувший своего угла, ощупывает задний карман брюк и распаковывает молнию огромной сумки. Часы на его руке показывают девятый час. Уже несколько минут, как окошечко должно распахнуться.

***

Как-то так получается, что и без того плотная масса людей сжимается еще теснее. Кто-то торопливо, словно только сейчас вспомнив, начинает интересоваться у соседей:

— Много его там, не знаете?

— Где ж много... Зернышки мелкие, всего-то по горсточке в пакете.

Напряженный слух ловит каждое случайное слово. Малейшая тревога тут же обращается во всеобщее беспокойство. Парни в куртках, забыв о шуточках, держат наготове дипломаты с сетками, то и дело озираются по сторонам. Они переместились чуть вперед, к знакомой блондинке, и на них смотрят негодующе. Но блондинистая дамочка теперь вроде как их знакомая, и тут уж ничего не попишешь. Блат — дело святое даже в странах демократии.

По мере приближения критического момента волнение нарастает, а вместе с ним набирает силу и шумливый гул. Даже мальчуган с автоматиком прекращает свою трескотню и удивленно прислушивается.

— Идет, идет...

Шаркая по полу стоптанными валенками, мимо проходит женщина с ключами. Это и есть продавец.

— Скажите, хватит на всех?

— Сколько его там?..

— Будет галдеть! — работница магазина гремит замком. Она входит в подсобку, а через минуту ма-

ленькое окошечко с лязгом распаковывается. Лязг срывает наподобие удара гонга. Все жмутся в одном направлении и, вероятно, впервые обращают внимание на женщину, стоящую у самого окошечка. Худенькая, одетая в серенькое, она вызывает всеобщую неприязнь. Сразу за ней расположился старичок-ветеран, а далее через пару человек красуются знакомые курточки. Цель достаточно близка, и они не выказывают беспокойства.

Первой не выдерживает мать карапуза. Делая отчаянный рывок в сторону окошечка, она взламывает людской заслон, как древний таран некрепкие ворота. Что-то, по-видимому, она про себя прикинула и взвесила. Полученный вывод подтолкнул ее к действиям. Но люди — это не жалкие крепостные воротца. Женщина делает несколько шагов и словно в паутине вязнет, удерживаемая множеством рук.

— У меня ребенок! — она с рычанием продолжает рваться вперед.

— У всех дети! Всем надо!

— Мне еще в поликлинику! По записи...

— У всех поликлиника!

— Она и сюда вперлась без очереди! Какой-то танк, а не женщина!

— Не пускать ее — и всех делов!..

Тогда женщина-танк швыряет в толпу весомый аргумент:

— А этих сопляков-спекулянтов пропустили?! Шляпы! Да после них там ничего не останется. А мне всего пару пакетов!

«Сопляки-спекулянты» насмешливо улыбаются. Народ продолжает возмущаться, но женщина-танк столь решительно пробивается, что вскоре оказывается возле окошка. Высокий, двинувшийся было в сторону парней, в сомнении останавливается. Он зло смотрит на женщину. В этот момент она как раз очищает заветный плацдарм от последнего препятствия — невзрачной худенькой противницы. Она работает локтями и старательно давит всей своей массой. Маленькая женщина — ей не соперник.

— Ты что, список составляла? Нет?.. Так и стой, милая! В порядке живой очереди! А у меня ребенок!

Неожиданно подает голос ветеран-старичок.

— Что вы себе позволяете! — дребезжаще вопрошает он и к радости молодых спекулянтов забавно прищипывает ногой.

— Ой, да помолчите вы! — отмахивается от него женщина-танк. — Еще вас мне слушать.

— Что значит — помолчите? Вы... — Старичок беспомощно шарит взглядом, трясущейся рукой лезет в карман. — Я, к вашему сведению, ветеран войны... Да! И награды имею... Могу совсем без очереди, но не лезу. Потому что стыдно!

— Да житься от вас не стало! — огрызается мамаша. — Медальки, книжечки... Привыкли козырять!

Старичок смолкает. Он только пораженно хватает ртом воздух и слепо водит рукой с удостоверением.

— Постыдились бы, гражданка! — кричит кто-то. — В самом-то деле!

— А мне стыдиться нечего! — навзрыд плачет женщина-танк. — Я сама всю жизнь болею, и ребенок мой тоже.

Высокий, сосредоточенно следящий за событиями, замечает в окошке с той стороны мелькание знакомого ватника. Пружинисто приближается к ругающимся.

— В сторонку! — он без видимых усилий оттирает от окошка всех разом, и крепкая волосатая рука ныряет в недоступную народу глубину, навстречу ватнику продавщицы. В пальцах у мужчины крупные купюры, сумка на боку в готовности распахнута. На мгновение все немеет.

— Да что же это творится! — старичок с хрипом пробует расстегнуть душащий его ворот.

— Сволочь! — визжит женщина-танк и молотит кулаками по широкой мускулистой спине мужчины.

Деньги у высокого уже взяли, сумка передвигается чуть ближе к окошечку, а сам хозяин неспешно поворачивается. Попутно кидает взгляд в сторону парней. Те стоят встревоженные, но, по-видимому, понимают, что опоздали. Пальма первенства не за ними, и попыток вмешаться молодежь не предпринимает.

— Отвали! — кидает высокий женщине-танку, сунув глаза в неприятные щелки, смотрит на ветерана. — А ты заткнись, герой! Еще на костылях бы сюда приполз!

Перед ошеломленными людьми вновь вырастает широченная спина, прячущая от них амбразуру окошка и продавца с его чудо-товаром.

— Дрянь такая! — вопит женщина и в ярости замахивается на ненавистную спину сумкой. Из толпы выскакивает ее малец и направляет в высокого автоматик. Пластмассовый курок легко гнется под пальчиком, и происходит страшное. Игрушка ударяет мальчика в грудь, и задираясь стволиком, наполняет помещение обвальным грохотом. Из плавящегося дульного среза толчками колотит пламя, и настоящие пули веером разлетаются по залу, дробя в пыль штукатурку и серый бетон. Вскинувшись, высокий переламывается в поясице и рушится на пол. Блестящие пачки вываливаются из его рук, и под ноги обезумевшим людям весело катятся зеленые горошины альмониса. Но всего этого высокий уже не видит. Кое-кто, прикрыв голову, бежит к выходу, но большинство в оцепенении стоит на месте. А игрушечный автоматик продолжает вибрировать в ручонках перепуганного мальчугана, извергая огненную смерть. Вскрикивает одна из «курточек», и дипломат падает на линолеум, чтобы тут же подпрыгнуть от угодившей в него свинцовой струи. Мгновением позже звонко рассыпается витрина, и длинная вереница выстрелов смолкает. Маль-

чуган с воплем разжимает покрытые волдырями ладони и кричит, глядя то на руки, то на сидящую на полу мать. До захлопнувшегося окошка уже нет никому дела, и никто не смотрит на раскатившиеся по полу искристые гранулы альмониса.

***

Увитые темными жилами руки старика дрожат. Он безостановочно тербит клетчатый платок, и тот распадается у него непослушными складками, снова скатывается в бесформенный комок. В наступившей тишине слышно дыхание рассказчика, и взор следовательно прикован к его трясущимся рукам. Лист, удобно размещившийся на планшетке, так и остается девственно чистым. Ни единого словечка, ни единой фразы. Старшина испуганно переминается рядом и неотрывно смотрит на оплавленную пластмассу детской игрушки. Самый обыкновенный автоматик — с батарейкой, моторчиком и трещоткой. Таких много сейчас в магазинах. Цена — чуть побольше червонца.

Бред! Следовательно, вздрагивая, зябко поводит плечами. Он пытается стряхнуть с себя вязкий мистический покров, но это у него плохо получается. Можно сказать, совсем не получается. Что-то вошло в грудь, клейким цементом осело под сердцем. Так просто не расковырять. Было бы это сном, проснулся бы и забыл, но это не сон и вокруг него — люди. Очевидцы всего случившегося.

Хрипло и каким-то чужим голосом следовательно выдвигает из себя никому не нужные слова:

— Вы, конечно, понимаете, я не могу всего этого записать. Это уже не протокол получится, а какое-то... — Он мучительно морщится, подбирая слово, но язык не повинуется, и подходящий термин ускользает. — В общем не могу. Просто по долгу службы. Потому что придет оперативная группа, и нам придется... То есть, я, как представитель органов...

Следовательно снова путается в предложениях, так и не заканчивает невнятного монолога. Самое странное — он не обвиняет старичка во лжи. Так тоже иногда бывает — тебе рассказывают, бьют себя в грудь, клянутся, а ты точно знаешь — неправда. Но здесь ощущения иные. Интуиция нашептывает несусветное, разум трусливо помалкивает. История старичка не уместается в голове. Никким образом. Она просто не стыкуется с жизнью! То есть, не стыковалась бы, если бы не труп мужчины, не исковерканный автоматик и не эти глаза...

Следовательно потирает лоб. Пальцам горячо. Что это? Жар надвигающейся лихорадки? Старичок-ветеран, да и другие смотрят на него так, что он поневоле начинает чувствовать себя полным идиотом. Более того ветеран кивает ему, словно понимая затруднения следователя. Расстроено моргая, прячет свой измятый платок.

— Мда... — Следователь начинает испытывать настоящую панику. — Скоро прибудет оперативная группа, и мы... Мы уточним некоторые детали.

Он делает нечаянный шаг по направлению к выходу.

— Просьба ко всем — не расходиться. Нам еще следует уточнить обстоятельства, кое-какие детали...

Дверь захлопывается за его спиной, и вот он уже под морозящим небом. Крохотный козырек крыши ничуть его не прикрывает, но ему все равно. Куда важнее, что все эти странные безмолвные люди — там, позади. Свидетели какой-то единой чудовищной галлюцинации. Но ведь и на галлюцинацию случившееся не свалить. Потому что есть труп и потому что есть ранение. Это не считая пулевых отверстий в стенах...

Следователь озирается. Те, что стояли здесь, видимо, разошлись. Во-первых, спасаясь от дождя, во-вторых, сообразив, что товара все-таки не будет. Вот и хорошо. Их еще не хватало!

Он глубоко вдыхает влажный воздух и смотрит прямо перед собой. Все, что поблизости, это конкретно, это до бритвенной остроты реально. Стоять на земле приятнее, чем бултыхаться в трясине. Потому что устойчиво и надежно. И даже не так страшно, что мир порой напоминает плохо прорисованную картину. Например — сейчас. Небрежный набросок двора — сырые и вялые мазки. Унылая акварель вперемешку с гуашью. Грязноватый ватман неба и ребристый шифер умирающих крыш...

На секунду следователь пугается. Ему кажется, что он не узнает этого места. Все совершенно иное! Какие-то железные, торчащие из земли трубы, бетонные плиты, вырезанные из древесины звери. И все это среди глинистых луж, зыбучих песков и строительных обломков. Мыльные пузыри в детской песочнице, болото, обнявшее жирными ручищами дома. Огромный парящий борщ...

Свет от фар дорожками пробивается сквозь туман. Следователь щурится. Желтое приближающееся пят-

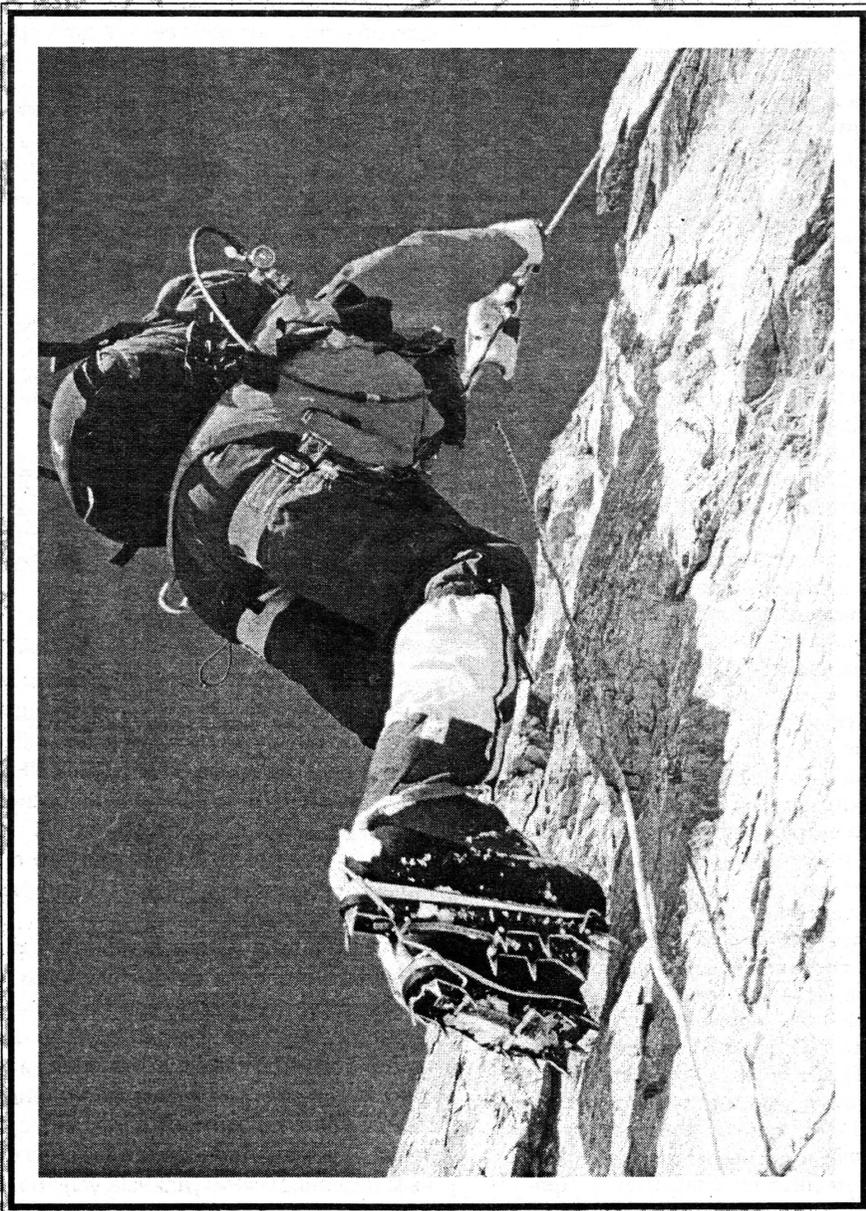
но с синей полосой через борт. Кажется, свои! Он напряженно всматривается. Так и есть, еще один «луноход», фыркая простуженным чихом, выдирается из суповой грязи, виляя, пытается одолеть полосу препятствий. Бесполезно... Мотор удрученно стихает. Трескуче распахиваются дверцы, и, увязая в месиве двора, к следователю бегут его коллеги. Он узнает их одного за другим по мере того, как они выныривают из колеблющегося пара, из неразборчивых силуэтов превращаясь в людей с лицами и голосами. С их приближением он вдруг начинает ощущать робкую надежду разобраться во всей этой нелепице. Господи! Да разумеется, он опрокинет весь этот сказочный вздор! Прямо сейчас! Вернется в сопровождении инспектора в магазин и деловито, позабыв о старике с его сумасшедшей историей, начнет все с самого начала. Может быть, вспомнит при этом что-то важное и обстоятельное, что сообщит мыслям верный ход, позволит направить следствие в должное русло. А пластмассовый автоматик — ногой и в сторону! Куда-нибудь в паучий угол. И запретить свидетелям даже помянуть о нем!

Поежившись, следователь спускается по скользким ступеням. Горячее, расплзшееся по линолеуму пятно упрямо маячит перед глазами. Глянец крови нелегко выветривается из памяти. И стайка людей с безумными глазами, испуганно подобранных когти, затаивших утробное рычание, продолжает стыть перед внутренним взором.

Ноги сами собой спотыкаются. В чем, собственно, он будет разбираться? В чем, черт подери!..

Следователь останавливается. Тлеющая в груди надежда безжалостно размывается мутной, льющейся с небес влагой. Он задирает лицо, ловит губами капли, пытается глотать. Но в горле по-прежнему сухо. А в груди холодно. Потому что это не дождь. И даже не дождик. Всего-навсего мокрый туман, уставший и отяжелевший от мирской энергии, решивший лениво осесть на сонную, обремененную злом землю...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 66
Олег ВОДОПЬЯНОВ «Русский восьмитысячник»	стр. 67
Юрий НИКИТИН «Паруса «Каравеллы»	стр. 76

Отпустите меня!

Да, разве ж это лето?! Середина июля, а на градуснике то +15, то еще на пять градусов ниже. Что-то мне уральское лето разонравилось. Не греет оно меня. Ведь прошлым как было? После работы выполз на вечернее солнышко, откинулся на скамеечке на полчаса и — пожалуйста! — загар на всю зиму. А на этот раз? Всё, хватит! В отпуск хочу. Отпустите меня...

«— А отпуск — это как?

— Я уже и не помню. Почитай с кризиса 98-го слова такого не слышал. Бакс тогда, в августе, вверх прыгнул, рубль вниз упал, а я между ними как завис, так до сих пор ни туда, ни сюда.

— Ну, а куда конкретно-то хочется?

— Да, куда угодно. Дело-то не в месте, а в ощущениях. Вот, например, лет десять тому назад... В Крыму... Мне там в Евпатории местные пацаны камушек один показали — на городском пляже, от центральной беседки, перпендикулярно берегу метров на 60 в сторону Турции. Вокруг него глубина метра три, а на нем стоишь — по грудь будет. Так вот, ныряешь справа от него до дна, берешь в руки камень для балласта и садишься на дно лицом к камню. И как раз напротив глаз щель шириной в ладонь, а в щели — мужик сидит. Глаза — во! Клешни — чуть поменьше моих будут. И на тебя смотрит. Вот так сидим и смотрим друг на друга, покуда у одного из нас дыхалка не закончится. И тишина! И вода над головой! И до начальства тысячи две километров с лишним!

Или ночью, без ветра... Вода — стекло. Плынешь, как идешь, и руки на гребке словно воздух разглаживают.

А вот еще в деревне, по Ирбитом! Я там баньку каждый день часика в четыре топить начинал. Но, пока первая звездочка не проколется, не заходил... Правило свое такое было: «До первой звезды — нельзя!» А выходишь — россыпь над головой. И ведроко ледяной колодезной у порога. И вот встаешь гольшом и босый на траву, и двумя руками все ведро от темечка и до пяток! О-о, как оно всё промывает! Аж, звёзды в башке и насквозь!

А еще радуга тройная на Тянь-Шане... Прямо из земли, метрах в двухстах!

— Все! Хорош! Не трави душу! Мне ж до отпуска еще месяц с лишним...»

Ему — месяц, а мне — как до дембеля: пять дней..., четыре..., три... («Ой, держите меня! Держите!») два..., один...

— А теперь — отпускайте! Отпускайте!

Олег ВОДОПЬАНОВ

ВНИМАНИЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ.

Вышла книга известного российского орнитолога, доктора биологических наук В.К. Рябицева «Один сезон в тайге». Это увлекательный рассказ об одном полевом сезоне двух орнитологов, проведенном на берегах северной уральской реки.

Книга написана ярким и живым языком, иллюстрирована авторскими рисунками и будет интересна читателям любого возраста.

Приобрести книгу «Один сезон в тайге» можно в издательстве «АКВА-ПРЕСС» по адресу:

620049,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 23-216
Тел.(факс) /3432/ 74-82-70

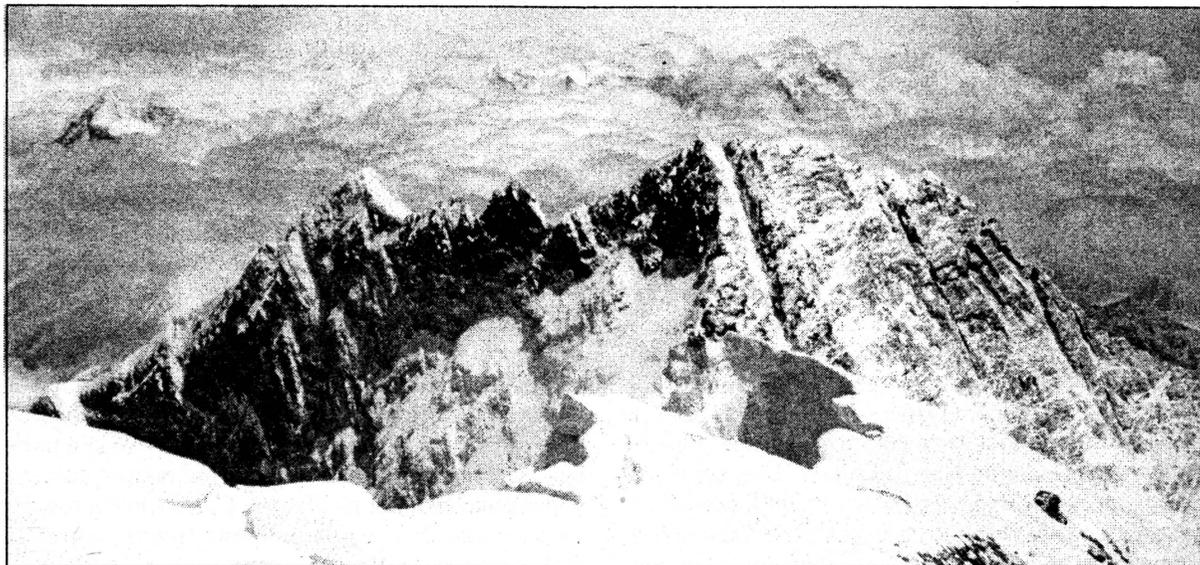
Под проливным дождем, не прекращавшимся с утра и до вечера, в городе Екатеринбурге состоялся первый на Урале **ОТКРЫТЫЙ ЧЕМПИОНАТ ПО ПЕЙНТБОЛУ** в рамках всероссийского турнира Русской лиги «Зона Урала». В чемпионате приняли участие 10 команд: по две профессиональные команды от Перми и Екатеринбурга и 6 команд любителей.

Игра проходила на специально оборудованной площадке стадиона с пейнтбольным названием «Пневмостроймашина» по правилам Русской пейнтбольной лиги: в один круг, по формату «5 на 5», каждый с каждым. Чемпионом среди профессионалов стала пермская команда «Драчуны» (5 место по рейтингу в России), среди любителей — команда концерна «Калина» с обаятельным названием «Ритуальные услуги». В чемпионате также принимала участие профессиональная команда разведчиков УрВО, командование которого обеспечило участников палатками, полевой кухней с ароматной кашей и полевой баней с помывочным инструментом. Все команды победительницы получили официальное право участвовать в финальном чемпионате турнира Русской пейнтбольной лиги, который состоится в Москве 14-15 июля.

Олег ВОДОПЬЯНОВ, Екатеринбург

Памяти Владимира Башкирова и Владимира Бондарева

Русский восьмитысячник

Вид на северную сторону массива Лхоцзе с вершины Эвереста

1. «Невыездная» мечта

На планете Земля есть лишь две горные системы, вершины которых поднимаются выше 8000 метров над уровнем моря — непальские Гималаи и пакистанский Каракорум. 14 главных пиков и 12 их спутников — всего 26. С 1950 года, когда французы М. Эрцог и Л. Лашенель вышли на верхнюю точку Аннапурны (8078 м), первовосхождение на эти вершины и водружение на них государственного флага считается во всем мире наивысшим спортивным достижением, имеющим особенное значение для престижа страны. За следующие 50 лет навсегда английскими стали Эверест (8848) и Канченджанга (8586), швейцарскими — Лхоцзе Главная (8501) и Дхаулагири (8167), австрийскими — Нанга Парбат (8152), Чо-Ойю (8201), Брод-пик (8047) и Гашербрум (8035), французской — Макалу (8463), японской — Манаслу (8163), итальянской — Чогори (8611), китайской — Шиша Пангма (8046), американским — Хидден-пик (8068). Некоторые из восьмитысячников представляют собой мощные горные массивы с несколькими вершинами, и после взятия 14 главных вершин пришел черед их 12 спутников. Летом 1982 года японская экспедиция покорила предпоследний из

них — Западную вершину Чогори (8042), и во всем мире остался единственный восьмитысячник, на который не ступала нога человека — Лхоцзе Средняя (8414).

О «русском» восьмитысячнике долгое время не было принято говорить даже в узком кругу советских, а потом и российских альпинистов-высотников. Что толку поминать все, когда нет возможности сделать? За «железный занавес», ограждавший страну социализма от всего остального мира, покорителей горных вершин не пускали, и в течение полувекна нашим ребятам оставалось лишь с завистью вздыхать, когда очередной восьмитысячник сдавался зарубежным восходителям.

В 1982 году «железный занавес» приоткрылся. В Непал выехала первая советская гималайская экспедиция и тут же заявила о приходе «русской волны» в высотном и техническом альпинизме невероятно сложным новым маршрутом на Эверест. В 1989 году вторая советская гималайская экспедиция совершила полный траверс всех четырех восьмитысячных вершин Канченджанги. В последующее десятилетие советские, а потом и российские альпинисты отметились на всех известных и ранее пройденных восьмитысячниках мира. И это была не просто игра в «догонялки». На большинство из вершин проле-

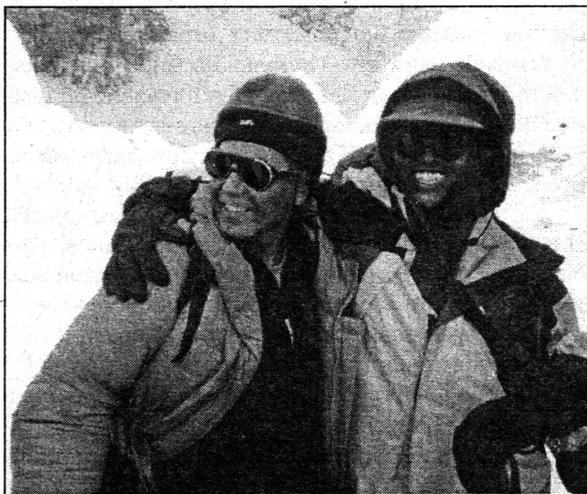
ли новые «русские» маршруты, многие из которых, никем более не повторены.

А последний не взятый восьмитысячник ждал...

2. Лхоцзе Средняя

Лхоцзе — четвертая по высоте гора в мире — долгое время не выделялась в самостоятельный горный массив и до середины пятидесятых считалась одной из вторичных вершин Эвереста. Ее название в прямом переводе с тибетского означает Южная вершина. И именно так окрестили ее англичане, увидев впервые в 1921 году гряду из трех заоблачных вершин, примыкающую с севера западной своей частью к южной стороне Эвереста через Южное Седло (7906). От основной вершины массива Лхоцзе Главной расходятся три ребра: одно — на юг, через Южное Седло к вершине Эвереста, второе — на запад к семитысячнику Нупце, а третье — на восток, гребнем через Лхоцзе Среднюю (8414) и Лхоцзе Шар (8382). Грандиозная южная стена массива Лхоцзе считается одной из высочайших и самой трудной для прохождения во всех Гималаях. Она поднимается от ледника Лхоцзе на высоту 3000 метров, открывая взору сразу несколько отвесных стен протяженностью до 500 метров по вертикали, разделенных скалистыми кулуарами. Гребень массива очень узкий, изрезанный, и частые ураганные ветры и снегопады формируют на его лезвии снежные надувы, нависающие над пропастью грандиозными карнизами, готовыми от малейшего шевеления сорваться вниз, порождая очередную лавину.

Не смотря на то, что Лхоцзе Главная была покорена в 1956 году, а Восточная ее вершина — в 1970-м, до 1997 года не было предпринято ни одной попыт-

Владимир Башкиров с индонезийским альпинистом после восхождения на Эверест. Апрель 1997 год

ки взойти на самую высокую непокоренную точку планеты, занесенную в книгу рекордов Гиннеса. Иностранцы альпинисты, осматривая склоны и пути ведущие к Лхоцзе Средней, в один голос заявляли, что восхождение на нее невозможно. С северной стороны — нависающие ледники и отвесные стены перед выходом на гребень, с южной — сходящиеся склоны Главной и Восточной вершин, образующие гигантский лавиносорбник, по которому сходят лавины практически со всего гребня.

3. Трагическое начало

Первым открыто объявил о намерении взять Лхоцзе Среднюю москвич Владимир Башкиров в 1996 году. Воспитанник московского «Спартака», участник восхождений на Эверест, Макалу и Аннапурну хорошо известный среди альпинистов-высотников, он не имел своей московской команды, но, обладая даром убеждения, сумел заразить идеей «русского» восьмитысячника сибиряков из новокузнецкого клуба «Грань». И весной 1997 года в базовом лагере на леднике Кхумбу поставила палатки первая экспедиция на Лхоцзе Среднюю состоящая из москвичей — В. Башкирова (руководитель), В. Коротаева, Н. Черного; сибиряков — А. Фойгта, С. Зуева, Ю. Утешева (все — Новокузнецк), В. Бабанова (Омск); екатеринбуржцев — С. Тимофеева, В. Першина и саратовчанина С. Богомолова.

«Пермит» — официальное разрешение на восхождение — непальские власти выдавали тогда только на Главную и Восточную вершины Лхоцзе. Поэтому еще дома было принято решение попытаться пройти траверсом по всему гребню от Главной до Восточной и взять Среднюю как бы вынужденно, «по пути». Задача исключительной трудности. По сути дела предстояло два восхождения, потому что для обеспечения успешного спуска после траверса двойка Черный-Коротаев должна была проложить встречный маршрут до Лхоцзе Шар и поставить под самой ее вершиной вспомогательный лагерь — палатку с запасом снаряжения и кислорода.

Штурм продолжался три недели. Главным препятствием на пути вверх стала непогода. Тем не менее, один за другим на классическом маршруте на Лхоцзе Главную были установлены промежуточные лагеря: в начале Западного цирка (6100), на морене под южной стеной Эвереста (6400), два лагеря на западном склоне (7300 и 7900). 26 мая штурмовая группа, в составе которой был и Володя Башкиров, взойшла на вершину Лхоцзе Главной, намереваясь совершить пробный неглубокий траверс в сторону Средней.

На вершину поднялись поздно. Порывистый ве-

тер, снегопад, видимость 20-30 метров. Вид на гребень — удручающий. Острая зубчатка, сильная извилистость с большими перепадами, нависающие снежные наносы, совершенно непонятно, как страховаться. Времени на траверс уже нет. Пошли вниз.

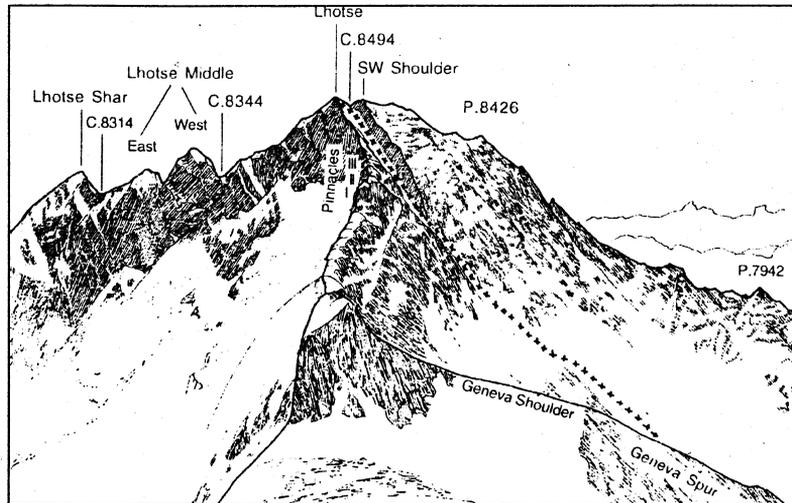
Альпинизм — самый экстремальный вид спорта, нагрузки в котором многократно превышают все для человека возможные. В течение года до трагической весны Володя совершил 5 восхождений на восьмитысячники, последнее из которых — штурм Эвереста в составе индонезийской экспедиции в качестве гида — по срокам почти совпало с выходом на Лхоцзе Главную. Тогда, в конце апреля, русские гиды — А. Букреев, Е. Виноградский и В. Башкиров — практически на руках подняли на вершину Эвереста троих индонезийских альпинистов, а на обратном пути, спасая эверестовских дебютантов, отдали им свои баллоны с кислородом и провели бескислородную ночь в аварийном лагере на высоте 8500 метров.

На спуске с Лхоцзе Главной Владимиру стало плохо. У штурмовой группы на случай попытки траверса было с собой два запасных баллона, и кислорода у Володи было достаточно — не помогло. Уже ночью Бабанов, Богомоллов и Тимофеев вели его почти вслепую, пытаясь добраться до палатки четвертого лагеря. На высоте около 8000 метров сердце Владимира остановилось. Сил спускать тело у участников экспедиции уже не было.

Там, на высоте, не принято давать клятв или обещаний. Но то, что товарищи Владимира не отступились от его мечты, и то, что Лхоцзе Средняя все-таки стала «русской», говорит о многом.

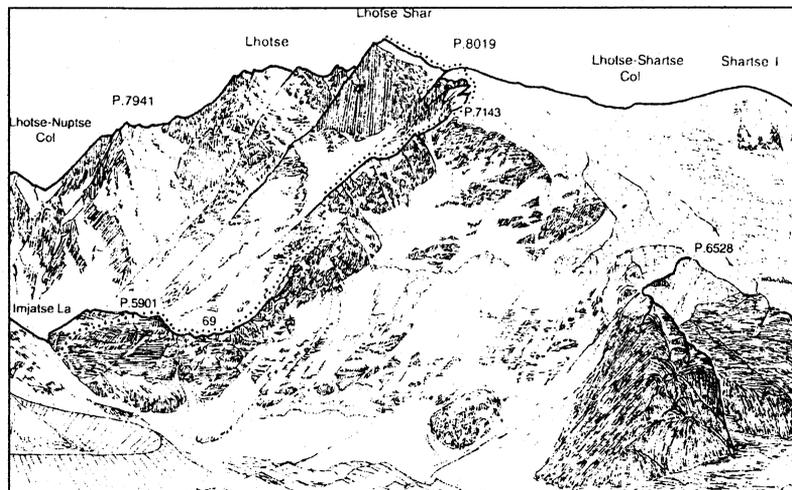
4. Три шага к победе

Несколько минут на вершине (обычно надолго там не задерживаются) это — итог, высшая точка, в фундаменте которой лежат и многодневный труд, и усилия многих и многих, и горечь неудач и несбывшихся ожиданий. После трагического восхождения 1997 года российские альпинисты еще трижды безуспешно штурмовали неприступную Среднюю.

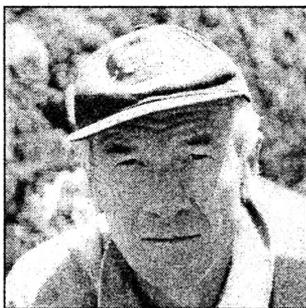

Классический маршрут на вершину Лхоцзе Главная, пройденный экспедицией 1997 года

Следующей весной 1998 года свою вторую попытку осуществила экспедиция новокузнецкого клуба «Грань» при участии новосибирцев, томичей и екатеринбуржцев. На этот раз подступиться к Средней решили со стороны Лхоцзе Восточной, намереваясь пройти по гребню до Средней и тем же путем вернуться обратно. И вновь не пропустила погода. Бесперывный снег и ветер. Несколько раз чудом остались живы, когда лавины проходили в 15-20 метрах. Лишь с четвертой попытки под конец светового дня удалось подняться на Лхоцзе Шар и осмотреть восточную часть гребня — такую же изломанную и опасную, как и с запада. На гребень можно было сесть верхом, свесив одну ногу в Китай, а другую — в Непал. Но как на нем удержаться? Установить на вершине лагерь со снаряжением для траверса не удалось. Отступили.

Лхоцзе Шар (Восточная). Маршрут экспедиции 1998 года

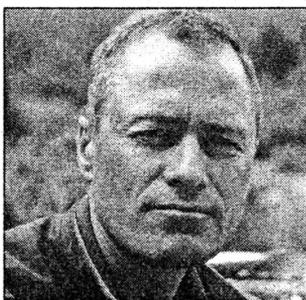
Валерий Першин

Евгений Виноградский

Юрий Байковский

Александр Фойгт

Глеб Соколов

1999 год — пауза. Ходят слухи о том, что на последний восьмитысячник нацелились испанцы и корейцы. Но это пока только слухи. Наши готовятся.

2000-й год. Сразу две экспедиции на Лхоцзе Среднюю: весной — совместная российско-грузинская (через Лхоцзе Главную), осенью — экспедиция министерства по чрезвычайным ситуациям (по центру южной стены).

Рубеж тысячелетий собрал весной 2000-го в базовом лагере на леднике Кхумбу рекордное количество экспедиций: 26 на Эверест и 5 на Лхоцзе. Состав российско-грузинской команды: Б. Кашакашвили — руководитель (Тбилиси), Е. Виноградский и В. Першин (Екатеринбург), Г. Соколов (Новосибирск), А. Фойгт (Новокузнецк), Б. Гуджабидзе и Г. Отарашвили (Тбилиси), А. Гигани (Кутаиси), Ю. Байковский — старший тренер (Москва). Подбор участников очень удачен и по физической, и по технической подготовленности, и с точки зрения совместимости. Куда меньше повезло с шерпами. Двое из пяти так и не поднялись выше базового лагеря: один по причине «живота», другой — лени. От услуг их руководителя-сидара — полного оборота — пришлось

также отказаться. Заброска снаряжения наверх продвигалась, но медленно.

Камнем преткновения стал лагерь-III (7200). Трижды, благополучно добравшись до него и заночевав, приходилось с утра по несколько часов выкапывать палатки из-под выпавшего за ночь снега и спускаться вниз. На четвертый раз в ночь с 9 на 10 мая только чудо спасло российскую четверку. Уже по традиции поднялся ветер, и снег стал засыпать палатку, угрожая сломать стойки. В три часа ночи Евгений Виноградский вышел наружу и около получаса работал лопатой. Уставший и замерзший, лег спать у входа не раздеваясь, во внутренних ботинках. В шесть утра снаружи раздался глухой звук, похожий на выдох, хрустнули стойки, и на палатку навалилась сползшая по склону «снежная доска». Трижды повезло, что лавина прихлестнула палатку краем, и несколько секунд крайняя стойка еще держалась. Женя, лежавший ближе всех к выходу, успел пробить дыру в пока еще рыхлом снеге и выскочить наружу. За ним, ужом из спальника, босиком и почти в одних трусах, выполз на мороз Валерий Першин. Треснула последняя стойка, снежный пласт шевельнулся и замер над придавленными в палатке Глебом Соколовым и Александром Фойгтом. Счет жизни — минуты.

Женя бешено заработал лопатой, Валерий метнулся за помощью к уцелевшей грузинской палатке, откуда первым пришел на помощь Евгению Юра Байковский. Тот уже докопался до палатки, из которой сквозь ткань рвалась голова Глеба. Разрез ножом — Глеб жив. С другой стороны палатки под распоротой тканью обнаружился спальник Фойгта. Разрезали спальник — ноги. На раз-два вытянули всего Александра. Живой.

Потом был спуск вниз и пауза в зеленой зоне. Пока отдыхали и приходили в себя от пережитого, оставшаяся в базовом лагере грузинская команда во главе с Бено Кашакашвили восстановила третий лагерь, установила четвертый и 15 мая выполнила свою задачу-минимум: после 11-часового перехода по глубокому снегу в семь часов вечера Бено Кашакашвили с поляком Ричардом Павловским достигли Лхоцзе Главной.

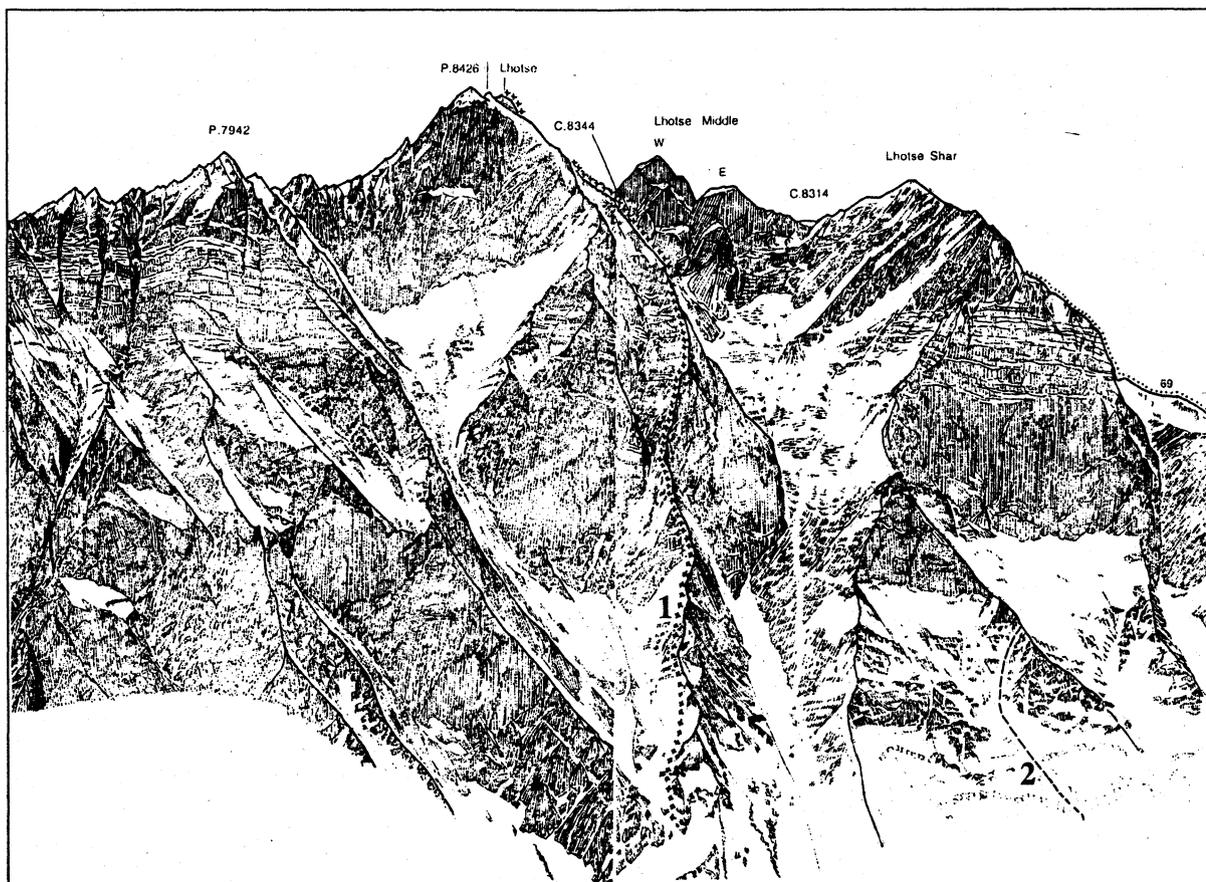
Спустя пять дней вновь в полном составе российско-грузинская экспедиция в пятый раз вышла на штурм. Отличная погода, маршрут до Главной проложен, продвигались стремительно, надеясь успеть и перейти по гребню на Среднюю. 21 мая в 7 утра с запасом кислорода в полном составе вышли из лагеря-IV. Настроение рабочее, но уже через два часа на западе — до боли знакомые темные облака. Еще через час — первый удар снежного шквала и вьюга. Видимость упала до нескольких метров. Вер-

шина оказалось под ногами неожиданно — снежный надув на вершинном конусе, вокруг и под которым сплошное мельтешение снега. Баллоны с кислородом и снаряжение для траверса с собой, но гребня даже не видно, и дай Бог спуститься вниз. Больше шансов на штурм погода не дала. Домой.

Об экспедиции МЧС известно очень мало. В преддверии 10-й годовщины министерства отчеты о восхождении, которые участники регулярно отправляли «домой», до средств массовой информации почему-то не доходили. Подробности стали известны только после трагедии — гибели под лавиной спасателя-альпиниста Владимира Бондарева.

Маршрут, намеченный руководителем экспедиции, мастером спорта международного класса Михаилом Туркевичем (тем самым, который в составе последней сборной команды СССР прокладывал знаменитую «советскую диретиссиму» по Южной стене Лхоцзе до вершины Лхоцзе Главная в 1990 году), предполагал выход на гребень и

Среднюю с юга. Тактику восхождения строили с учетом высокой лавиноопасности, пройдя начало по скально-снежному контрофорсу и установив второй лагерь (6250) под защитой нависающего ледяного сброса. Но 17 октября на подходах ко второму лагерю сошедшая лавина сорвала участок перил и унесла Владимира, находившегося на станции перестежки. Работавшие на маршруте тут же пошли вниз, осматривая путь лавины: снежные поля с ледовыми сбросами, пятисотметровый скальный сброс с полками, лавинный вынос в самом низу. На скалах увидели зависшую палатку, которую нес Владимир, ниже на скальных выходах — следы крови, на лавинном выносе — куртка и рюкзак. Тут же, поставив наблюдателя, предупреждавшего о сходе все новых и новых лавин, приступили к поискам в лавинном конусе. Безрезультатно. Затем непогода и снегопад до метра. Учитывая сильнейший психологический удар, полученный командой, Туркевич принимает решение — экспедицию свернуть.

Южная стена массива Лхоцзе.
1 — «Советская диретиссима», 1990 год. 2 — пройденная часть маршрута Туркевича, 2000 год

Место расположения базового лагеря на морене ледника Кхумбу. В центре — Эверест, справа — массив Лхоцзе

5. Победный маршрут

Еще в 1998 году с вершины Эвереста, во время восхождения на него в честь 275-летия Екатеринбургa, уральским альпинистам удалось сделать прекрасный снимок северной стороны массива Лхоцзе. Эта фотография (См. стр. 67) и стала отправной точкой при разработке нового маршрута.

Весна 2001 года. Пятая попытка. Бремя неудач. Две жизни. Конкуренты в лице испанцев и корейцев открыто заявляют о намерении взять Среднюю. Но удача наконец-то показала свое лицо. Неожиданно, усилиями организатора и руководителя экспедиции Виктора Козлова, разрешилась главная проблема при планировании экспедиций — финансирование. Решающую сумму, сделавшую экспедицию возможной, выделил известный российский предприниматель Павел Николаевич Кадушин. Единственное условие — отснять полнометражный документальный фильм о восхождении, единственное пожелание — успеха.

По составу команду вполне можно назвать «сборной России»: уральцы Алексей Болотов, Евгений Виноградский, Юрий Ермачек, Николай Жилин, Сергей Тимофеев, сибиряки Петр Кузнецов, Глеб Соколов, москвичи Николай Черный, Виктор Володин, Василий Елагин, Владимир Яночкин, ростовчанин Юрий Кошеленко. Среди участников «Снежные барсы», обладатели «Золотого ледоруба», многократные чемпионы и призеры СССР и России по альпинизму, имеющие богатейший гималайский опыт и опыт восхождений на восьмитысячники. А самое главное, это — команда, абсолютно надежная и полностью доверяющая друг другу.

Новое стратегическое направление штурма Лхоцзе Средней состояло в выходе на северную сторону массива Лхоцзе через Южное Седло с последующим траверсом по 55-градусному снежному склону и подъемом на перемычку между Лхоцзе Средней и Лхоцзе Главной по почти отвесному внутреннему углу. Такой путь ранее считался невозможным — при прокладке тропы на траверсе подрезается склон, многократно увеличивая опасность схода лавин. Но тот факт, что до высоты 7900 маршрут совпадает с классическим маршрутом на Эверест, позволяет надеяться на то, что удастся сберечь силы для решающего штурма.

Новым в организации экспедиции было и то, что участники ее решили заручиться поддержкой сил не только земных, но и небесных. За три дня до вылета в Непал в церкви Всех Святых на Кулишках (Китайгород, Москва) шестеро ее участников, ранее не крещеных, прошли обряд крещения, после чего экспедиция в полном составе получила благословение Российской Православной Церкви. Во время всего восхождения в центральной палатке российской команды в базовом лагере висела икона Казанской Божьей Матери, ставшей хранилищем экспедиции.

24 марта 2001 члены команды с 4 тоннами груза вылетели из Катманду и 31 марта вслед за караваном из 45 яков благополучно дошли до базового лагеря под ледником Кхумбу (5300). Вопреки ожиданиям лагерь оказался практически пуст. В прошлом году в это же время здесь уже стояли палатки более десятка экспедиций, в этом — только индийской. А это означало, что навешивать перила до Южного Седла придется самостоятельно, не рассчитывая на помощь других экспедиций. 5 апреля состоялось традиционное открытие и освящение по буддистскому обряду базового лагеря, и началась работа. Весь апрель ушел на организацию промежуточных лагерей и выход на Южное Седло: лагерь-I (6100) сразу за ледопадом Кхумбу, лагерь-II (6400), лагерь -III (7400) и лагерь -IV на Южном Седле (7900). Снега мало, скалы стоят черные и сухие, состояние маршрута камнеопасное. Ледопад Кхумбу чрезвычайно подвижен — за сутки проходит по 4-5 обвалов, разбегаются трещины, уничтожая тропу.

К концу апреля погода сильно ухудшилась, и после 8 мая, когда четверка Тимофеева дважды сделала заброску дальше Южного Седла, окончательно испортилась — ураганный ветер, сбивающий с ног, а в ночь на 11 мая — мощный снегопад, засыпавший палатки в базовых лагерях по обе стороны Эвереста. Все экспедиции приостановили работы, многие погова-

Висячий ледник перед выходом на гребень. Слева сверху — Лхоцзе Средняя.
1 — внутренний угол, 2 — Алексей Болотов на траверсе.
Снимок сделан из штурмового лагеря

ривают об отказе от восхождений, но выжидают, наблюдая за действиями двух русских команд (в северном базовом лагере готовятся к штурму северной стены Эвереста сибиряки под руководством Дмитрия Бочкова). До 15 мая наши ребята пытались выйти наверх, но из-за выпавшего снега не смогли пробиться даже к Южному Седлу. Вниз, на отдых.

Но нет худа без добра. Вынужденная передышка совпала с приездом в базовый лагерь зам. министра туризма Непала, который привез нашей группе официальное разрешение-«пермит» на восхождение на Лхоцзе Среднюю. Пермит за номером «раз». Первый в истории. Цель перед глазами, намерений можно не скрывать. А значит — вперед и вверх.

5. Вершина!

Удача, наконец-то, стала разворачиваться к нашим ребятам подобающим местом. Дует сильнейший ветер, температура в палатках падает до -22°C , но снегопадов больше нет. И это вселяет надежду, что к моменту выхода на траверс снег на склоне перед гребнем выдуются и уплотнятся. Часть перильных веревок к Южному Седлу погребена под снегом, но проход на северную стену Лхоцзе с Женевского ребра найден. Двойкой Соколов-Кошеленко провешены 250 метров перил. 18 мая вверх на прокладку маршрута по стене уходит четверка Тимофеев-Виноградский-Кузнецов-Болотов. Следом с разрывом в день двойки Соколов-Кошеленко и Елагин-Жилин.

18-22 мая — четыре дня(!) российская четверка работает на высоте свыше 8000 метров. Маршрут крайне сложен, но, провесив веревки до 8250, ребята очень удачно устанавливают последний штурмовой лагерь под защитой висячего ледника. Снег на

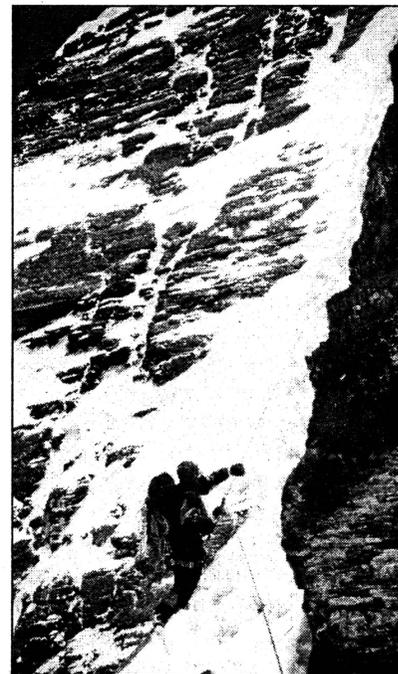
склоне действительно плотный, местами его выдуло до льда и можно использовать ледобуры. Уверенность в успехе крепнет.

23 мая (как потом узнали, в православный праздник — день Вознесения Христа) на рассвете штурмовая четверка вышла из лагеря-V. Траверс по склону, скальные вертикальные участки перед выходом на перемышку между Главной и Средней, гребень... И вот она! На фоне темно-синего высотного неба сказочно красивая, отвесная со всех сторон вершинная башня.

Впереди идет двойка Болотов-Кузнецов. Последние 30 метров перед вершинным конусом — отвесная стена. Но остановить

восхождение уже невозможно. Петр Кузнецов закрепляется у основания стены, Евгений Виноградский и Сергей Тимофеев подходят сзади и садятся верхом на гребень, ведя кино- и фотосъемку. Алексей Болотов — самый молодой из участников, обладатель «Золотого ледоруба» 1997 года — идет на стену свободным лазанием с нижней страховкой. И это на высоте почти 8400!!!

Несколько метров вверх — пути нет. Алексей спускается вниз, вставая стальными «кошками» на плечи Петра. Вместе еще раз осматривают стену, выбирая новую линию чуть левее. Вторая попытка — опять неудача. С третьей попытки Леша проходит всю стену и выглядывает за ее верхний край. Зацепиться не за что! Прямо от края полого, но достаточно круто уходит вверх плотный вершинный надув.

Выход по внутреннему углу на перемышку между Лхоцзе Главная и Лхоцзе Средняя

Как Алексей сумел перевалить через край и выйти корпусом на снег, снизу не было видно. Но он сделал это и закрепился. Еще немного усилил, и на вершине, на двух крошечных полках стоят все четверо.

23 мая, 15 часов 15 минут. Вершина Лхоцзе Средней. 8414 метров под ногами. Отчетные фотоснимки с флагами России, Свердловской области и спонсоров экспедиции. Первый и навсегда единственный «русский» восьмитысячник. Солнце, чистое небо на все четыре стороны и круговая панорама гималайских вершин — как награда за все неудачи, снегопады и лавины, годы ожиданий и месяцы упорной работы на маршрутах. Все! Мы — здесь! Навсегда!

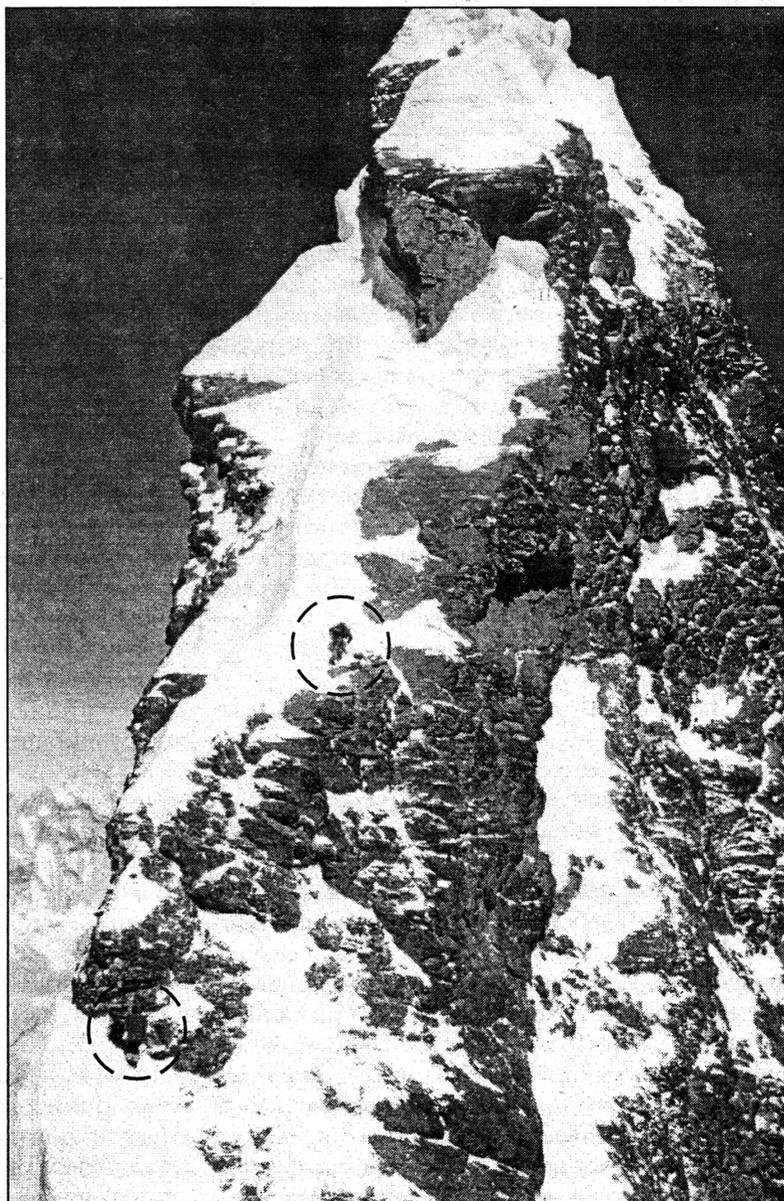
6. Последняя «советская» команда

То, что произошло в последующие несколько дней не менее уникально, чем само первовосхождение на восьмитысячник. История высотного альпинизма в принципе знает случаи, когда на восьмитысячную вершину по уже пройденному и известному маршруту поднималась целая группа восходителей. Но даже для исхоженных вдоль и поперек классических путей на Эверест (в этом году на него поднялся 1000-й покоритель) они — исключение. При первовосхождениях же вершины обычно достигают лишь 2-3 участника экспедиции, остальные обеспечивают им успешный путь наверх и спуск.

На Лхоцзе Средней все было иначе. В тот же день, 23 мая, навстречу спускающейся с вершины первой четверке из третьего лагеря в штурмовой вышла вторая группа Жилин-Соколов-Кошеленко (из-за ухудшения самочувствия Елагин вынужден был отказаться от штурма), а третья группа Яночкин-Володин-Ермачек выдвинулась из Базового лагеря. 24 мая в 12.00 вершины Лхоцзе Средней достигла вторая тройка. 27 мая после ночевки в штурмовом лагере в 11.00 на вершину вышли Владимир Яночкин и Виктор Володин. Уже на пути к вершине Юрий Ермачек, почувствовал себя плохо (там, наверху, «плохо» означает «действительно плохо»). Зная, чем

может обернуться для товарищей его слабость, он принял мужское решение и повернул обратно, спустившись в лагерь-VI (8000). Таким образом, при взятии Лхоцзе Средней на ее вершине побывала практически вся команда (9 человек из 12). Все вернулись домой. Все живы и уже здоровы. Подобных примеров в истории альпинизма — единицы.

Кто-то теперь говорит о везении, кто-то — об удачном выборе маршрута, кто-то о мастерстве и опыте. Но наиболее близким к истине, на наш взгляд, является мнение Валерия Першина — учас-

Вершинная башня Лхоцзе Средней. Двойка Алексей Болотов (вверху) и Петр Кузнецов в нескольких десятках метров от победы

тника первой и третьей попытки восхождения на Лхоцзе Среднюю.

Валерий Першин: «За рубежом есть много альпинистов высочайшего класса, способных проходить невероятно сложные маршруты. Но в большинстве своем они индивидуалисты, для которых важнее всего личная победа. А такие вершины, как Лхоцзе Средняя, одиночками не берутся. Они требуют

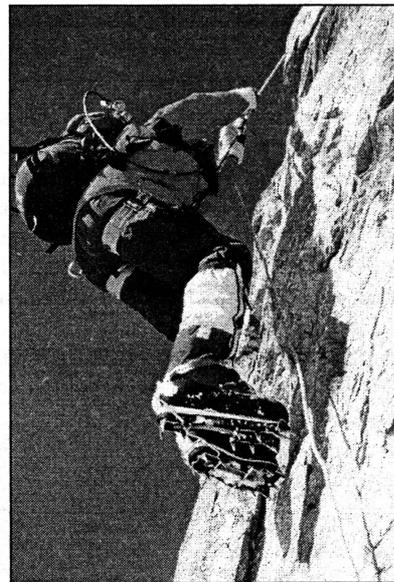
длительной и напряженной работы всей команды.

Костяк экспедиции, подарившей России «русский» восьмитысячник — воспитанники советского альпинизма, представители старой и, похоже, уходящей в прошлое школы командных восхождений. Они — последняя «советская» сборная, и я счастлив, что Средняя дождалась их и покорила их именно им».

От редакции: Восхождение на вершину Лхоцзе Средняя — уже часть истории. Маршрут, которым прошли наши альпинисты, получил название «русский классический маршрут». Посол России в Непале Владимир Иванов отправил в российское правительство ходатайство о представлении членов экспедиции к государственным наградам. В декабре этого года в Москве состоится презентация снятого фильма. Приняв поздравления и полагающиеся им «медные трубы», ребята вернулись к своим текущим делам.

Их жизнь вошла в свое обычное русло, и какое-то время будет протекать спокойно и неторопливо. Но тот, кто видел мир сверху, не усидит долго внизу. Не прошло и месяца после возвращения домой, а в «башне на московской горке» — месте дислокации Федерации альпинизма и скалолазания Свердловской области — уже обсуждаются новые проекты. Наиболее «заманчивой» из них — первопрохождение Северной стены Эвереста по центру (См. «УС» №10-1999).

Ребята, мы верим в вас и будем ждать. Удачи вам! И всегда возвращайтесь.

*Петр Кузнецов.
Последние метры перед вершиной*

Редакция благодарит участников восхождений на Лхоцзе Среднюю за предоставленные материалы и фотографии.

В публикации использованы рисунки из книги «Mount Everest Massif» Jan Kielowski, EXPLO, 2000.

Внимание — конкурс!

Журнал «Уральский следопыт» и Межрегиональная ассоциация любителей экстремальных и технических видов спорта «ЭКСТРИМ» объявляют о начале нового семейного конкурса:

«Уральской тропой»

Конкурс для любителей активного отдыха, для тех, кто ходит всей семьей в походы и экспедиции, сплавляет на плотах и лодках по бурным рекам, кто покоряет вершины гор, кому интересны горные лыжи и горный велосипед, и просто для тех, кто любит всей семьей активно общаться с природой, не взирая на встречный ветер.

Желательно, чтобы Ваши произведения были проиллюстрированы фотографиями или рисунками.

Итоги конкурса будут подводиться ежегодно. Каждый месяц подводится промежуточный итог. Победители будут награждены полезными призами и подарками. Лучшие Ваши произведения будут опубликованы в журнале «Уральский следопыт».

Рукописи и иллюстрации принимаются в любом виде (рукописный, печатный, электронный).

Наш почтовый адрес: **620142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67,**
редакция журнала «Уральский следопыт», на конкурс «Уральской тропой».

Наш электронный адрес: **info@uralstalker.ekaterinburg.com**

Паруса «Каравеллы»

*Когда прогонит ветер тишину,
Когда по ветру вытянутся флаги,
Взлетит звенящий корпус на волну,
И стаксели упруго выгнут штаги.*

*Забудь береговую суету —
Теперь за руль и парус ты в ответе.
Тебя поднял в ладонях на лету
Проснувшийся июньским утром ветер.
(Владислав Крапивин)*

Июньским утром 2001 года снова взлетели на Верх-Исетскую волну яхты «Каравеллы». Парусная практика! За сорок лет существования нашей организации она проходит в тридцать второй раз. Сейчас морское дело — это важнейшее направление работы отряда. Но так было не всегда. Как и само название «Каравелла» появилось не сразу. Мальчишки из «БВР», «Мушкетёра», «Ветра» могли только мечтать о настоящих парусах, и, наверное, предположить не могли, что всего через несколько лет вый-

«Викинг» — первая построенная в отряде яхта

дут на яхтах, построенных собственными руками. Откуда же взялась в сухопутном Свердловске детская парусная флотилия?..

5 января 1968 года Совет флаг-капитанов корреспондентского отряда «Ветер» принял решение о прекращении деятельности отряда. «Старые дела уже не интересны, а новых мы не можем придумать» — так было написано в документе, принятом Советом. Однако, оказалось, что распустить отряд не так просто. Ребята не могли смириться с таким решением, и продолжали звонить, собираться... И тогда было принято другое решение. Представители расформированного отряда «Ветер» — группа охраны Флага и командир отряда, — убедившись в необходимости продолжать работу, составили проект программы («Открытие», «Становление», «Вмешательство») и предварительный план деятельности нового пионерского корреспондентского морского отряда «Каравелла».

С этого времени ребята вплотную занялись изучением морского дела — устройства судна, парусно-вооружения, узлов, морских семафорных сигналов...

Весной 1969 года Командор Владислав Петрович Крапивин побывал в Риге и познакомился с Юношеским морским клубом «Экватор». Из поездки Слава привёз подарки от «Экватора» «Каравелле»: большой корабельный штурвал, настоящий старинный морской компас и много книг. И ещё он привёз письмо, в котором Совет командиров «Экватора» приглашал «Каравеллу» приехать в Ригу летом для участия в операции «Нептун Балтийского моря». Приглашение было с благодарностью принято, и поездка состоялась. Кроме участия в самой операции, ребята побывали в гостях на настоящих больших парусных судах — баркентине «Капелла», бригантине «Вильгельм Пик», шхуне «Кодор». На «Кодоре» познакомился со штурманом Захаром Абрамовичем Липшицем, будущим почётным командором «Каравеллы».

После этой поездки было решено, что отряду

нужны свои суда, своя флотилия. Тогда же, летом 1969-го и было положено начало каравелловской флотилии. Первые суда ребята просто нашли на берегах Исети. Сначала — старую лодку, которую гордо называли бригом «Ассоль», а позже — небольшой железный катер. Его так и не удалось испытать в том году, и в яхту с названием «Билли Бонс» он превратился лишь к следующему лету (1970).

В 1970 году состоялась первая парусная практика. За зиму была построена яхта «Викинг» класса «кадет». Это было первое судно, построенное в отряде. Ещё две яхты просто купили: польскую разборную «меву», которой дали название «Андрюшка» и сравнительно большую самодельную яхту, получившую название «Пионер» в честь журнала.

Вначале практика проходила на Нижне-Исетском пруду, на Уктусе (район Свердловска, где располагался отряд в те годы), а в начале июля яхты перевезли на Верх-Исетское водохранилище на базу морского клуба ДОСААФ.

В том же 1970 году состоялся и первый парусный поход «Каравеллы». За несколько дней ребята прошли на яхтах по Исети до Исетского озера, потом по озеру до Среднеуральска, и наконец, обратно в Свердловск. С тех пор походы или палаточные лагеря проводятся в «Каравелле» почти каждый год. В 1970-м состоялись и первые парусные гонки, которые позже стали традиционными.

В 1970 году в состав флотилии входило всего 4 судна, но уже на следующий год по ВИЗу ходили 10 наших яхт. В основном, это были «кадеты» — как собственной постройки, так и приобретённые. В 1977-1981 годах основными судами флотилии были «мушкетёры» (4 яхты, построены в 1977 году), а в 80-х и 90-х — «штурманы» (один построен летом 1981, ещё восемь — в 1981-82, три — в 1997 и один — в 2001). Эти классы яхт были спроектированы В.П. Крапивиним и построены силами ребят и ин-

Один из «мушкетёров»

«Экватор» — первый из серии «штурманов»

структоров. Кроме них в отряде строились и отдельные яхты других типов. В 1997 году количество яхт (разных типов) в «Каравелле» достигло 12, а в 2001 году их стало 13.

Яхты — это хорошо, но много ли на них походишь без теоретических знаний? Занятия по морскому делу начались в отряде в том же 1968 году, когда было решено сделать отряд не только корреспондентским, но и морским.

Занятия являются обязательными для всех каравелловцев. Проводятся они, как и прочие теоретические занятия, в осенне-зимний период, по учебным экипажам, объединяющим ребят примерно одного возраста и стажа в отряде. В неделю у каждого учебного экипажа бывает от 1 до 3 занятий по морскому делу, в зависимости от возраста ребят, возможностей инструкторов и особенностей расписания.

В 1997 году вышла книга В.П. Крапивина «Фрегат «Звенящий»», которая фактически представляет собой учебник по Морскому делу, написанный в художественной форме. С тех пор эта книга и служит основным учебным пособием.

Основные разделы программы — устройство парусного деревянного судна, типы парусного вооружения, управление яхтой, морские узлы. Занятия проводятся в специальном «штурманском классе», где имеются соответствующие наглядные пособия и книги. Цель занятий — подготовить матроса или рулевого к парусной практике, к гонкам, научить действиям в различных ситуациях, которые могут возникнуть на воде, расширить кругозор в области морских наук. По результатам занятий, как правило, проводятся зачёты.

Но изучить морские науки — это ещё не всё. Весной ребят ждёт ремонт яхт. Яхты у нас деревянные, с фанерной обшивкой, так что без хорошего ежегодного ремонта никак не обойтись. И приходится каравелловцам пилить, строгать, обдирать старую

краску, клеить, красить, шпаклевать, закручивать шурупы... Как говорится, «любишь кататься — люби и саночки возить»!

Но вот, наконец, яхты отремонтированы, и наступает самый торжественный день — день открытия Практики! На водной базе Екатеринбургской (ранее Свердловской) морской школы РОСТО (бывший ДОСААФ) на Верх-Исетском водохранилище проходит торжественное построение, и впервые за лето поднимается отрядный флаг.

Парусная практика — это самый напряжённый и важный для ребят и инструкторов период в году. Обычно она продолжается с первых чисел июня до конца июля. Как и зимние занятия, практика проходит обычно 3 раза в неделю (понедельник, среда и пятница). С утра ребята вооружают яхты, спускают их на воду и перегоняют к пирсу, затем начинаются выходы, которые продолжаются с перерывом на обед примерно до 17 часов. В конце дня яхты перегоняются обратно к месту стоянки, вытаскиваются на берег и разоружаются. Нередко отдельным экипажам приходится приходить на базу и в другие дни — когда после каких-то происшествий их яхты требуют ремонта.

На яхте, в зависимости от её типа, ходит экипаж из 4-6 человек. Яхтенные экипажи формируются ещё в марте, к празднику Равноденствия. Они составляются с учётом желаний детей, но таким образом, чтобы в каждом экипаже были ребята разного возраста и стажа в отряде. Возглавляет экипаж рулевой: как правило, это ребёнок не младше 12 лет и занимающийся в отряде не менее 2-3 лет, умеющий управлять яхтой. Обычно в экипаже есть и стажёр — ребёнок, который в течение данной практики обучается ходить на руле, и в следующем году может получить свой экипаж и стать рулевым. Стажёр в то же время является гротовым матросом, то есть, управляет основным парусом — гротом. Остальные

Вооружение яхты

Спуск яхты на воду

члены экипажа — матросы: как опытные, так и новички.

Практика разделяется на несколько этапов. Июнь посвящается «обкатке» новичков, обучению матросов и начинающих рулевых, ребята накапливают опыт, повышают свою квалификацию. Стажёрам даётся возможность часть времени походить на руле, попрактиковаться в управлении яхтой. В это время проходят выходы в окрестностях базы. Отрабатываются повороты, хождение разными курсами, хождение в кильватер, проводятся учебные «кляния» (яхта переворачивается на бок, и отрабатываются действия экипажа по её постановке). В безветренные дни иногда устраиваются «морские бои»: яхты выходят без парусов (на гребках — небольших вёслах) и экипажи обливают друг друга водой. Традиционно в один из дней устраиваются соревнования по плаванию в спасательных жилетах: дети делятся на несколько команд по возрасту, отходят на яхте на небольшое расстояние и наперегонки плывут к пирсу. Часто в июне проходит и традиционный День Нептуна, хотя иногда он проводится в июле, после гонок.

Но главное, чем живут экипажи в это время — подготовка к Гонкам. В июне отрабатываются повороты у буйков и проводятся учебные гонки, и, наконец, 2 июля торжественно открываются Гонки на первенство флотилии.

Гонки на первенство флотилии — это кульминация парусной практики. Их ждут с волнением, к ним готовятся весь июнь. Именно на гонках каждый экипаж (и в первую очередь, конечно, рулевой) может показать, чему он научился, на что он способен.

Традиционно гонки открываются 2 июля. Это День рождения отряда. Именно в этот день в 1961 году, на чердаке одного из Уктусских домов была сделана первая запись в вахтенном журнале бригадинты «Бандерилья». Тогдашняя дворовая компания

постепенно выросла в детскую флотилию, а романтика придуманных морских приключений — в романтику самых настоящих парусов.

Накануне вносятся последние изменения в списки экипажей. И вот, 2 июля на торжественном построении поднимается флаг и проводится жеребьёвка экипажей, в которой определяется, кто на какой яхте пройдёт первую дистанцию. Надо сказать, что гонки проводятся с пересадками, то есть, каждый экипаж проходит через все яхты, и таким образом, количество гонок равно количеству яхт. Делается это для того, чтобы все находились в равных условиях, ведь яхты не абсолютно одинаковы: даже однотипные «штурманы» различаются по ходовым качествам, не говоря уже о двухмачтовых судах.

Гоночная дистанция обозначается буйками. Она делается так, чтобы на её протяжении яхтам приходилось идти разными курсами относительно ветра, причём, достаточно большой отрезок — в лавировку («зигзагами» против ветра), и совершать повороты как оверштаг (когда яхта пересекает линию ветра носом), так и через фордевинд (пересекает линию ветра кормой).

При прохождении дистанции важна не только скорость, но и соблюдение ППСС (правил предотвращения столкновений судов) и правил гонок. После каждого прохождения дистанции рулевые имеют возможность подать судье протест на действия соперников, если те нарушали какие-либо правила. После разбора ситуации судья может добавить виновному штрафные очки. Их количество зависит от того, насколько серьёзно нарушение и насколько оно повлияло на гонку. Результаты заносятся в протокол, который ведёт секретарь или сам судья.

Гонки на первенство флотилии занимают обычно 2-3 дня, потом ещё столько же — гонки рулевых стажёров. К 9-10 июля и они заканчиваются. Последующая неделя посвящается обычно дальним выходам по водохранилищу. В один из выходных традиционно проводится «родительский день», когда ребята могут пригласить на базу

родственников и друзей, чтобы покатасть их на яхтах.

Во второй половине июля обычно проходит недельный палаточный лагерь в устье Исети (где Исеть впадает в Верх-Исетское водохранилище). Палаточный лагерь включает в себя много различных программ (игры, соревнования, учебные занятия, развлекательные мероприятия).

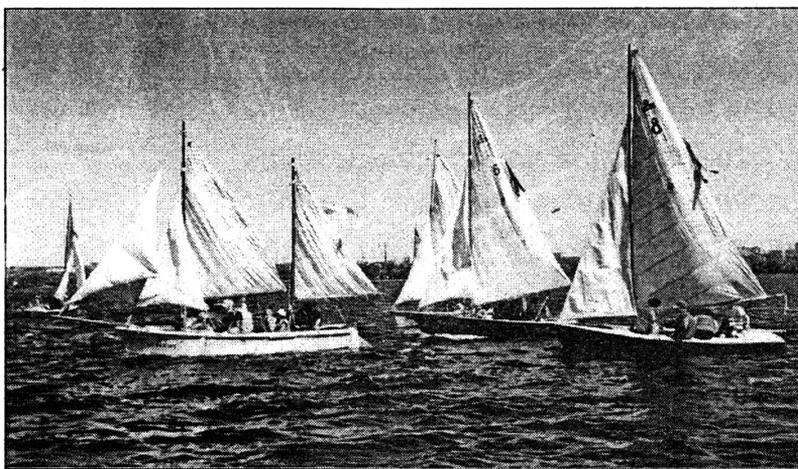
В конце июля в помещении отряда проходит торжественный Сбор, посвящённый закрытию практики. На нём рулевым и матросам вручаются призы и грамоты за призовые места в гонках (как основных, так и стажёрских), и в других соревнованиях, которые проходили за время практики и палаточного лагеря. Как и на всех торжественных сборах, решением совета присваиваются новые звания. Но этот сбор имеет свою особенность: всем матросам, успешно прошедшим первую практику присваивается звание яхтенного матроса. Каждый член отряда получает очередную звёздочку на берет, диплом о прохождении практики, одну или несколько фотографий. В течение многих лет эскизы грамот и дипломов рисует для отряда Почётный командор «Каравеллы» художник Евгения Ивановна Стерлигова.

Август — единственный месяц, когда «Каравелла» отдыхает. Точнее, в это время нет обязательных мероприятий. В 1999 и 2000 году делегации «Каравеллы» выезжали в скаутский палаточный лагерь в Крым (по приглашению отряда «Сполох» из Воркуты). В 1993-95 годах проводился палаточный лагерь на озере Увильды в Челябинской области. В прошлом бывали и другие августовские лагеря и походы. Иногда проводятся выходы на яхтах для желающих, которые остаются в городе.

Вот так проходит каравелловское лето. А в конце августа — снова общий сбор. С него начинается новый учебный год. Правда, иногда несколько выходов на яхтах

проходят уже в середине сентября. Но это уже зависит от погоды, состояния яхт и возможностей инструкторов. И снова занятия, фехтовальные турниры, выпуск газет... А там не за горами и новая Практика!

Юрий
НИКИТИН

Это только часть нашей флотилии

Министерство связи РФ «Роспечать»		7 3 4 1 3 (подписной индекс)																									
АБОНЕМЕНТ на журнал																											
«Уральский следопыт» (наименование издания)		Количество комплектов:																									
на 2001 год по месяцам																											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)																							
Кому				(фамилия, инициалы)																							
ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА				7 3 4 1 3 (подписной индекс)																							
на журнал		ПВ		место		ли тер																					
«Уральский следопыт» (наименование издания)				стоп-мость		подписки пере-адресовки		руб.		Количество комплектов																	
на 2001 год по месяцам				1		2		3		4		5		6		7		8		9		10		11		12	
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)																							
Кому				(фамилия, инициалы)																							

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: Екатеринбург, ул. Декабристов, 67., а также в подписном пункте Урало-Сибирской федерации ЮНЕСКО.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. Став подписчиком журнала вы сможете принять участие в лотерее. Победители лотереи будут награждены ценными призами.

Удачи вам!

УРАЛЬСКИЙ ISSN 034-24X
следопыт

6"2001
Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Александр СИНИЦЫН
(директор)
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор,
компьютерная верстка, корректура)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Олег ВОДОПЬЯНОВ
(редактор отдела «Встречный ветер»)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЭБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Попечительский совет журнала
«Уральский следопыт»:
ООО «Уральский мебельный центр»
ООО «Уралцентрснаб»

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 Министерством печати и массовой
информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статей.
000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Россвязьинформа».

Подписано к печати 13.07.2001
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 2 000. Заказ № 675 .
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести».
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Рисунок на обложке
Яны ТАМПЛОН.

Цена свободная.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 6-2001

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ЮЖНЫЙ УРАЛ

В предыдущем номере приведены характерные особенности горной части Южного Урала и дано описание массивов Яман—Тау и Ирмель.

Севернее Ирмеля и примыкающего к нему небольшого хребта Аваляк начинается мощный хребет Уреньга, который через 70 километров заканчивается у центральной площади города Златоуста. Дальше его продолжает знаменитый хребет Большой Таганай. Оканчивает эту южноуральскую цепь гор сравнительно небольшой, но довольно интересный хребет Юрма, севернее которого идет значительное понижение гор вплоть до Уфалейского Хребта, относящегося уже к Среднему Уралу.

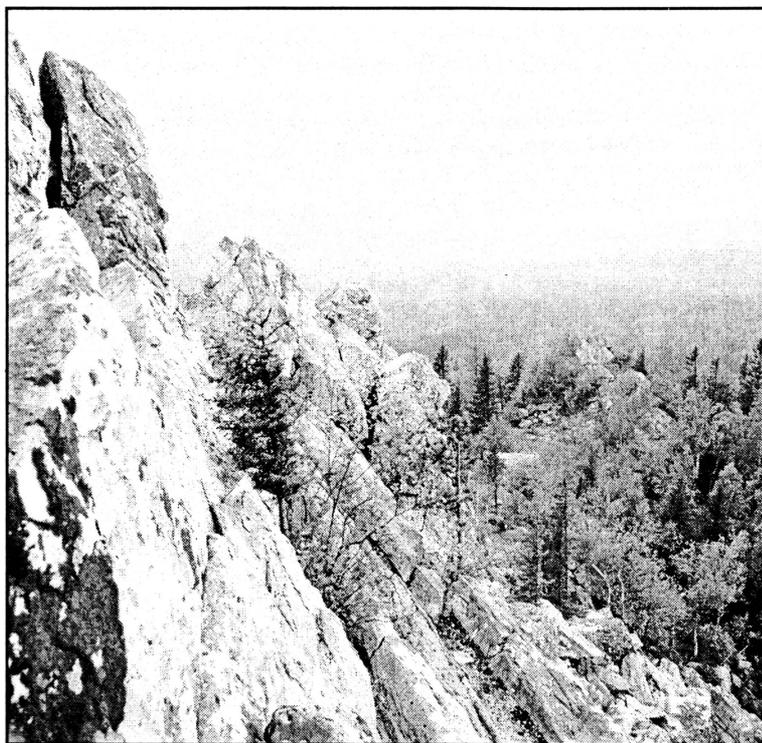
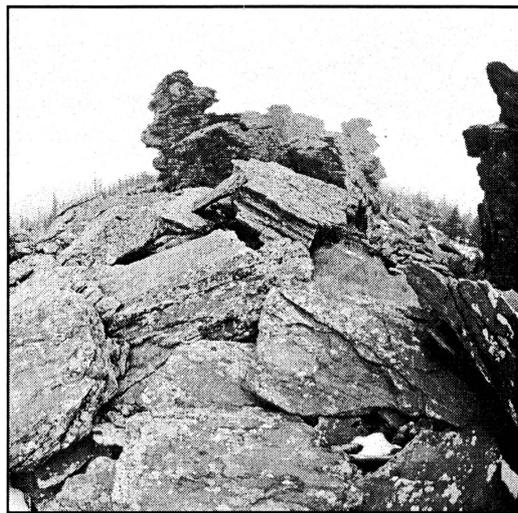
Параллельно этой гряде гор, восточнее, идет центральный хребет Урала — Урал-Тау, наиболее интересными вершинами которого в этом районе являются Александровская и Уральская сопки и хребет Ицыл. Еще восточнее прослеживаются невысокие с плавными очертаниями вершин Ильменские горы, — богатейшая минеральная кладовая Урала.

ХРЕБЕТ УРЕНЬГА

В переводе с татарского — Кленовый хребет. Высота его главной вершины — Два Брата — 1067м. Хребет красивый и, главное, доступный; подъем на него можно начать прямо в городе Златоусте или на тракте Челябинск — Уфа, на перевале.

На всем протяжении хребта встречается много скал и вершин с необычной формой останцев, возвышающихся над каменными россыпями.

Западнее южной части Уреньги находится одно из самых высокогорных озер Урала — Зюраткуль (в переводе с башкирского — сердце-озеро). За озером видны примыкающие к нему хребты Москаль и Зюраткуль, а самые дальние хребты в этом направлении отстоят от Уреньги на 30 — 40 км.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СОПКА

Одна из самых известных вершин Урал-Тау в районе Златоуста — Александровская Сопка. Она знаменита тем, что на нее поднимался будущий царь Александр II. С вершины сопки открывается прекрасная панорама. На западе — видны районы Златоуста с прудом на переднем плане; севернее, кажется, совсем рядом, другая вершина хребта — Уральская Сопка; на востоке — знаменитые Ильменские Горы.

Рядом с Александровской сопкой близ станции Уржумка, стоит первый на Урале столб «Европа — Азия», установленный в честь Александра II в 1837году.

Евгений САВЕНКО. Фото автора

АНОНС

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
№ 7

Николай ВЕХОВ

Вайгач — земля богов

Юрий КЛЮШНИКОВ

«Российский соловей» в Туринске

О некоторых страницах жизни композитора А.А. Алябьева

Юрий ДУНАЕВ

Каменка или Усть-Утка?

Загадка, которую нам задал Мамин-Сибиряк

Нина АРХИРПОВА

Первый географ Урала

О роли В.Н. Татищева в развитии отечественной географии

Арсений БОРИСИХИН

О моем литературном кредо...

Андрей ПЕРЕПЕЛИЦЫН

Все ли на Земле открыто?

О тайнах, которые вокруг нас

* * *

Владислав КРАПИВИН

Давно закончилась осада...

Продолжение севастопольского романа

Виктор КОСЕНКОВ

Командная работа

* * *

Евгений ТАМПЛОН

Поход на перевал

О легендарном перевале Дятлова

Сергей КОНДРАШИН

THISTLEGORM. Притяжение затонувших кораблей

«Хочешь двигаться — ищи попутчика»

УЦ

Средства на выпуск этого номера предоставлены

ООО «УРАЛЦЕНТРСНАБ»

620014, Екатеринбург, а/я 221